

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

ЗАГАДКА ПИРЛ-ХАРБОРА

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научно-популярная серия

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

**ЗАГАДКА
ШИРЛ-ХАРБОРА**

Издание 2-е, дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

Воскресным утром 7 декабря 1941 г., когда на американской военной базе на Гавайских островах Пирл-Харбор гарнизон и экипажи кораблей завтракали, японская авиация нанесла сокрушительный удар по Пирл-Харбору. Погибло свыше двух с половиной тысяч моряков и солдат. Пошло ко дну и было выведено из строя восемь линкоров и много других кораблей. Этот день вошел в историю США как «День национального позора».

В книге сделана попытка осветить этот интересный и загадочный эпизод в истории американской внешней политики. Автор стремится показать, что дело не в упущениях американского командования, а в дипломатической игре империалистов, которая и навлекла беду на собственную страну.

Во второе издание книги внесены дополнения в связи с появившимися в последнее время новыми материалами.

7 декабря 1941 г. японская авиация нанесла внезапный удар по военно-морской базе США на Гавайских островах — Пирл-Харбору. Одновременно японские войска напали на английские, голландские и другие американские владения на Дальнем Востоке и в южных морях. Началась война на Тихом океане, развязанная разбойничьим японским империализмом.

В Соединенных Штатах Пирл-Харбор вошел в историю как «День позора». Официальная пропаганда в США объяснила, что внезапность нападения на Пирл-Харбор, где погибло свыше двух с половиной тысяч американцев, — следствие коварства злонамеренного агрессора. Правительство США будто бы жаждало мира, а Япония, усыпив бдительность Вашингтона, нанесла предательский удар. Объяснений этих в военное время оказалось достаточно.

После завершения второй мировой войны выяснилось, что в Вашингтоне не могли не знать о намерении Японии напасть на Соединенные Штаты. Тогда почему оказался возможным Пирл-Харбор? В разное время восемь официальных комиссий в США занимались расследованием причин этого. Выводы комиссий, однако, не удовлетворили даже академический мир в американской исторической науке. По сей день в Соединенных Штатах не прекращается горячая дискуссия. Иные историки договорились до того, будто Франклин Д. Рузвельт сознательно подставил флот под удар в Пирл-Харборе, чтобы получить искомый повод и вовлечь американский народ в войну.

В книге сделана попытка рассказать о том, почему японская агрессия застала Соединенные Штаты врасплох. Учитывая чрезвычайную сложность проблемы, автор разбил изложение на три части. В первой — «Как это произошло» — говорится о военных событиях, связанных с Пирл-Харбором, как они представлялись современникам;

во второй — «Почему это произошло» — на основании имеющихся теперь в распоряжении историков документов освещается политическая подоплека неслыханного промаха в военной истории и в третьей — «Как это объясняют в США» — коротко сообщается о различных версиях, имеющих хождение в Соединенных Штатах относительно 7 декабря 1941 г. В книге нет вымысла, все факты опираются на документы и книги, перечень важнейших из них можно найти в примечаниях в конце работы.

История японского нападения на Пирл-Харбор нагляднейшим образом показывает коварство империалистических агрессоров. Схватка между двумя хищниками — японскими и американскими империалистами — назревала давно. Первыми жертвами стали простые американцы, однако виновниками их гибели, как и возникновения войны на Тихом океане, являются милитаристы той и другой стороны, развязавшие войну в целях передела мира, источников сырья и сфер приложения капитала.

Как это произошло

Для профессиональных военных мир — лишь передышка между двумя войнами. Политики ищут и находят вероятного врага, генералы и адмиралы готовят вверенные им вооруженные силы для защиты родного отечества.

На протяжении нескольких десятилетий, с начала XX в., Соединенные Штаты и Япония были такими противниками. Неизбежная схватка между ними неоднократно откровенно обсуждалась в печати, в штабах тем временем разрабатывались планы сокрушения неприятеля, изыскивались пути и средства нанесения ему удара. В одной из книг 96-томной американской официальной истории участия армии США во второй мировой войне сказано: «...стратегия войны с Японией на Тихом океане была единственной областью американского военного планирования, которая имела длительную и непрерывную историю»¹. Америку и Японию разделяют тысячи километров океана, поэтому оперативные планы разрабатывались в первую очередь в штабах флотов.

Вплоть до второй половины 30-х годов американские стратеги исходили из того, что США и Япония померятся силами один на один. По этой причине, а также в интересах сохранения военной тайны план войны с Японией зашифровывался как «одноцветный» — план «Орандж» (оранжевый). Когда в 1936—1937 гг. возникла фашистская «ось» — политический союз Германии, Японии и Италии, пришлось иметь в виду возможность коалиционной войны с обеих сторон. Поэтому были составлены «многоцветные» планы, основной из которых «Рейнбоу-2» (радуга) предусматривал согласованные действия США, Англии и Франции, причем между ними предполагалось разделение «труда»: англичане и французы воюют главным образом в Европе, а американцы громят Японию. Американский флот будет направлен в западную часть Тихого океана. Учитывая предполагавшееся соотношение

сил и расстояния, в Вашингтоне рассудили, что Филиппины и Гуам на первом этапе боевых действий придется списать со счетов и они будут отвоеваны на заключительной стадии войны. План «Рейнбоу-2» был утвержден объединенным советом армии и флота США 30 июля 1939 г. В соответствии с ним и проводилась подготовка к войне с Японией. Принятие плана подтвердило необычайную важность Гавайских островов как базы для флота США.

Тихоокеанский флот США, созданный президентом В. Вильсоном в июне 1919 г., в 20-е и 30-е годы неоднократно выдвигался к Гавайским островам, где базировался на гавань Пирл-Харбор на острове Оаху. Приход флота на Гавайи обычно совпадал с очередным обострением международной обстановки. Постоянные базы флота находились на западном побережье американского континента, куда корабли возвращались после непродолжительного пребывания в гавайских водах. Когда началась война в Европе (1 сентября 1939 г.), распорядок был изменен.

С января 1940 г. основные силы тихоокеанского флота сосредоточились на Гавайских островах сначала под предлогом маневров, а 7 мая 1940 г. флот получил официальное предписание — остаться в Пирл-Харборе на неопределенное время. По мнению командования вооруженных сил США, корабли здесь находились в полной безопасности. Начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл докладывал президенту 3 мая 1941 г.: «Остров Оаху благодаря его укреплениям, гарнизону и географическим особенностям считается сильнейшей крепостью в мире»².

Государственный секретарь США К. Хэлл впоследствии заметил: выдвигая флот на Гавайи, правительство руководствовалось теми же мотивами, что и человек, «державший в доме заряженную двустволку при переговорах с бандитом»³. Действительно, опираясь на Пирл-Харбор, флот мог эффективно действовать против Японии в случае войны, а уже одно присутствие его на Гавайских островах оказывало влияние на японскую политику в дни мира. Так считали не только в Вашингтоне, но и в Токио.

Особенность политической обстановки в Японии в те годы заключалась в том, что делами страны вершила

клика милитаристов. Между руководителями армии и флота существовали глубокие разногласия по поводу направления агрессии. Командование армии стояло за войну с Советским Союзом, флот требовал сначала захватить владения колониальных держав в южных морях, чтобы обеспечить Японию ресурсами для длительной борьбы. Но адмиралы остро осознали ограниченность экономического потенциала страны, что определило военноморскую стратегию. Они с достаточной долей реализма предполагали, что боевые действия не удастся перенести к берегам Америки, напротив, работники главного морского штаба резонно ожидали наступления США. Решительное сражение надеялись дать на подступах к метрополии, перехватив американский флот.

Среди японских военных моряков стала крылатой фразой: «Мы уверены не в том, что враг не нападет на нас, а в нашей готовности встретить его, когда он придет»⁴. Японские адмиралы знали, что верфи страны не могут тягаться с американской судостроительной промышленностью, в предстоявших боях они полагались не на количественное, а на качественное превосходство. Была поставлена цель создать сбалансированные военноморские силы, основой которых стали бы первоклассные линейные корабли. Флагман японского флота линкор «Ямато» был крупнейшим в мире военным кораблем своего времени. Его водоизмещение составляло 72 тыс. тонн, орудия главного калибра не имели равных во флоте Соединенных Штатов.

В конце 30-х годов стратегическое мышление в Японии начало развиваться и в другом направлении. Первоначальный толчок тому дали успехи авиации, а понимание ограниченности ресурсов страны без излишних теоретических экскурсов поставило изучение проблемы на практическую почву. Некоторые представители командования японского флота пришли к выводу, что использование самолетов с авианосцев против боевых кораблей даст возможность одержать победу над превосходящими американскими силами. Для адмиралов «хасирского флота», как иной раз именовались японские линейные корабли — по месту их якорной стоянки у острова Хасира, эти суждения казались опасным еретическим заблуждением. Но сторонники авианосной авиации стояли на

своем, противопоставляя словам консерваторов стройную стратегическую концепцию.

Дискуссия оказалась непродолжительной, и не потому, что стороны пришли к компромиссу, а потому, что пришло время выступить против США. Было необходимо без промедления принять решение о том, как нейтрализовать американский флот. «Линкорные адмиралы», определявшие стратегию главного морского штаба, пытались, было, отстоять известный вариант — встретить американцев на пути в Японию, однако новаторы в военно-морском деле указали, что это поставит под угрозу удар на основном направлении — в сторону южных морей.

В качестве ближайших целей войны в Токио намечали оккупацию обширного района на юге и создание оборонительного периметра по линии, соединяющей Курильские и Маршалловы острова (включая остров Уэйк), архипелаг Бисмарка, острова Тимор, Ява, Суматра, а также Малаю и Бирму. Нападение на владения колониальных держав неизбежно влекло за собой войну с США, Англией и Голландией. Если последних двух держав в то время в Токио не опасались, то по-иному обстояло дело с Соединенными Штатами, которые пока не принимали участия в войне в Европе. Появление на театре военных действий сильного тихоокеанского флота США могло бы затруднить овладение районом южных морей, затянуть боевые действия. В результате Япония оказалась бы вовлеченной в затяжную войну: к ней она не была готова и выдержать бы ее не смогла.

Новый главнокомандующий объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото, назначенный на этот пост в конце 1940 г., прямо указал тогдашнему премьеру князю Коноэ: «Если мне скажут воевать, тогда в первые шесть — двенадцать месяцев войны против США и Англии я буду действовать стремительно и продемонстрирую непрерывную цепь побед. Но я должен предупредить: если война продлится два или три года, у меня нет никакой уверенности в конечной победе»⁵. В случае длительной войны с США, писал Ямамото в это время в частном письме, «нам будет недостаточно взять Гуам и Филиппины, даже Гавайи и Сан-Франциско. Нам потребуются взять Вашингтон и подписать мирный договор в Белом Доме»⁶. Последнее явно превосходило возможности Японии.

Итак, чтобы не допустить затяжной войны и разорвать заколдованный круг, Ямамото предложил одновременно с наступлением на юг нанести удар с воздуха по Пирл-Харбору.

В 1941 г. Ямамото минуло 57 лет. За его плечами было сорок лет безупречной службы в императорском флоте. Разведка США, пристально следившая за всеми мало-мальски выдающимися японскими деятелями, характеризовала Ямамото как «исключительно способного, энергичного и сообразительного человека». Адмирала хорошо знали в США: он провел несколько лет в Вашингтоне в качестве японского военно-морского атташе.

Глубокие психологи из разведки встречались с ним и за карточным столом, где сделали немаловажные наблюдения. Адмирал любил играть в покер. По тому, как он чрезвычайно ловко манипулировал в игре оставшимися тремя пальцами на правой руке (результат ранения в Цусимском сражении, во время которого Ямамото находился на борту флага «Микаса»), его американские партнеры заключили, что адмирал — натура необычайно азартная. По этой причине, а также потому, что Ямамото был чемпионом императорского флота игры в го (японские шахматы) и многим другим, компетентные американские органы твердо решили, что соединением под водительством адмирала будет присущ боевой, наступательный дух. Эта слава для воина репутация в дальнейшем оказала адмиралу дурную услугу*.

Когда у Ямамото впервые зародилась мысль о налете на Пирл-Харбор, — сказать трудно: по понятным причинам он не был допрошен на процессе главных японских

* В разгар войны на Тихом океане, в начале апреля 1943 г., в Вашингтоне из перехваченной и дешифрованной японской телеграммы узнали точные сроки вылета Ямамото для инспектирования гарнизонов сначала на о. Трук, затем на о. Бугенвиль. Телеграмма была доложена военно-морскому министру Ф. Ноксу и Ф. Рузвельту. Был отдан приказ перехватить самолет Ямамото у о. Бугенвиль и «приложить все усилия к тому, чтобы уничтожить объект». Для выполнения задачи было направлено два звена истребителей. 18 апреля 1943 г. американские истребители встретили в воздухе два японских бомбардировщика, на которых летел Ямамото с офицерами штаба. Одно звено связало шесть истребителей прикрытия, другое сбило оба бомбардировщика. При этом Ямамото погиб.

военных преступников в Токио после войны. Очевидно лишь то, что он и его сторонники еще в 30-е годы приложили немалые усилия к подготовке такой операции. Действуя на свой страх и риск, они дали указание перестроить небольшой островок Сиоку так, чтобы он являлся точной копией острова Оаху, создав на нем макет Пирл-Харбора со всеми постройками. Островок был превращен в полигон для авианосной авиации.

Тренировка летчиков в новом деле оказалась делом чрезвычайно трудным. Несовершенство техники, неопытность летного состава, неблагоприятная погода, специально избиравшаяся для полетов, привели к тому, что за два года было потеряно около 300 самолетов. Душой подготовки был контр-адмирал Тамон Ямагути, закадычный друг Ямамото. К 1940 г. оба могли с удовлетворением обозреть пройденный путь — Япония располагала значительным числом опытных летчиков и штурманов для авианосной авиации. Известия о том, что американский флот постоянно базируется на Пирл-Харборе, окрылили их — время и средства на подготовку были потрачены не зря.

В январе 1941 г. Ямамото в доверительном порядке сообщил о своей идее начальнику штаба 11-го воздушного флота контр-адмиралу Такахио Ониси. Ониси был тем человеком, кто мог оценить дерзкий план. Впоследствии он стал основателем отрядов «камикадзе» — летчиков-смертников. Ониси горячо поддержал Ямамото. Однако подчиненные ему соединения при всем желании их начальника не могли участвовать в рейде на Гавайские острова — он командовал в основном самолетами базовой авиации, уже выделенными для действий на юге. В конце 1940 г. Ямамото попросил подыскать ему «летчика, чья прошлая служба не сделала его сторонником традиционных операций»⁷. На сцене появился молодой капитан второго ранга Минору Гэнда. Ему-то и суждено было сыграть решающую роль в грядущем спектакле. В то время Гэнда служил в штабе 1-го воздушного флота, находившегося под командованием вице-адмирала Чуичи Нагумо. Название «1-й воздушный флот» было присвоено тому соединению флота, которое было способно нанести молниеносный удар, — в него входили шесть новейших авианосцев. Однако личность командующего адмирала Нагумо мало соответствовала наступательным возможно-

стям авианосного соединения. Адмирал был сторонником осторожных действий, жаловался на большие поги и с большим подозрением относился к боеспособности превосходных новых авианосцев. Он был убежден, что одна-две удачно попавшие бомбы легко отправят любой из этих громадных кораблей на дно. На взгляд Нагумо, было легкомысленно ставить под угрозу эти корабли в самом начале войны.

Естественно, что Гэнда, человек совершенно иного склада, не мог довериться своему непосредственному начальнику. В прошлом отчаянный летчик-истребитель, Гэнда командовал отрядом летчиков, известных на флоте как «фокусники Гэнды». При этом он был способным военным теоретиком — в войну Гэнда разработал тактику массированного применения авианосцев, названную противником «гэндизмом». Получив задание изучить возможность нападения на Пирл-Харбор, Гэнда горячо взялся за дело и через десять дней доложил свои выводы. Операция рискованна, но возможна. Для этого необходимо использовать все шесть авианосцев, отобрать наиболее опытных летчиков. Залог успеха — строгое соблюдение тайны с тем, чтобы достичь внезапности. Шансы на успех — 60 из 100. Ониси, консультировавший Гэнду, счел, что и того много, он остановился на 40. Адмирал даже попытался отговорить Ямамото.

Основное затруднение заключалось в том, как поразить американские корабли в гавани. Было хорошо известно, что тогдашние торпеды можно было сбрасывать с самолетов только там, где глубина воды не менее 25 метров. В противном случае они зарывались в грунт на дне. Глубина гавани Пирл-Харбора составляла в среднем 10 метров и только на фарватере достигала 15 метров. Кроме того, американцы имели обыкновение швартовать линейные корабли у стенки парами, иными словами, даже если удастся добиться попадания в один корабль, другой все равно оказывался в безопасности. Гэнда взялся в кратчайший срок приспособить торпеды для использования в мелководной гавани.

Под его руководством начались сверхсекретные эксперименты. Сначала дело не ладилось: восьмисоткилограммовые торпеды, сброшенные с самолетов над небольшими глубинами, взметнув тучи ила, неизменно застревали на дне. Немногочисленные участники и зрители

испытаний — опытные летчики — соболезующе качали головами. Как ни изменялись приемы сбрасывания, результаты были неутешительными. Только к ноябрю улыбнулась удача: простые деревянные стабилизаторы, укрепленные на корпусе, решили проблему. Теперь торпеды были применимы на мелководье. Гэнда торжествовал — найдено «абсолютное оружие». Однако успех убедил не всех.

Параллельно с экспериментами Гэнды отработывались приемы бомбардировки линкоров с воздуха. Оказалось, однако, что в распоряжении авиации нет бомб, способных пробить довольно толстую палубную броню крупных кораблей американского флота. Пришлось прибегнуть к импровизации. Практичные работники материально-технической службы флота нашли выход: к 15- и 16-дюймовым бронебойным снарядам были приделаны стабилизаторы. Испытания превзошли все ожидания: не оставалось ни малейших сомнений, что эти снаряды пробьют броню. Средства для разгрома американского флота были подготовлены. Оставалось убедить главный морской штаб в целесообразности удара по Пирл-Харбору. Этим и занялся Ямамото.

В августе 1941 г. Ямамото решил, что наконец пришло время информировать командование флота. Идея была сообщена начальнику главного морского штаба Осаме Нагано и тринадцати ведущим работникам. 2—13 сентября план нападения на Пирл-Харбор был отработан на штабном учении в военно-морском колледже. Участники игры сошлись на том, что ударное соединение потеряет два авианосца, т. е. треть своих сил. Для Нагано цена за проблематичную победу — в лучшем случае надеялись потопить две трети американских линкоров на якорной стоянке — казалась чрезмерной. Нагумо поддержал его. Они настаивали на более консервативном образе действия: двинуться на юг и, если США вмешаются, встретить врага поближе к Японии. Были приведены и другие доводы: разве не может случиться так, что Соединенные Штаты вообще не будут препятствовать вооруженной рукой японским захватам в странах южных морей и ограничатся дипломатическими протестами?

Ямамото упорно твердил: американский флот — главная угроза Японии, не устранив его, нельзя рассчитывать на удачу во всей войне. Дело дошло до острого объяснения: Ямамото пригрозил, что в случае отказа от удара по

Пирл-Харбору он уйдет в отставку со всем штабом. В то же время адмирал прибег к крайнему средству: если большие ноги Нагумо мешают ему вести ударное соединение через холодные зимние воды, Ямамото готов лично возглавить набег на Гавайские острова. Перед этим натиском, в котором логика сочеталась с плохо замаскированным оскорблением профессиональной чести, главный морской штаб уступил. 13 сентября 1941 г. была отдана предварительная директива, предусматривавшая в общем плане войны операцию против Пирл-Харбора. Окончательное согласие на нее Нагано дал во время личной встречи с Ямамото в Токио 3 ноября 1941 г.

Пока вопрос решался в высших сферах, во вверенных Ямамото соединениях шла лихорадочная подготовка. Среди летчиков шел отбор подходящих кандидатов. Капитан I ранга Мицуо Футида был крайне удивлен, когда его неожиданно вернули на флагманский авианосец 1-го воздушного флота «Акаги» для дальнейшего прохождения службы. Футида оставил авианосец всего год назад. Вездесущий Гэнда, одноклассник и приятель Футида по военно-морскому училищу, объяснил: «Не волнуйся. Мы хотим, чтобы ты вел наши самолеты в случае необходимости атаковать Пирл-Харбор». Некоторым группам пилотов, взяв с них клятву хранить все в тайне, адмирал Ямамото лично разъяснял будущую задачу.

Начальник штаба 1-го воздушного флота контр-адмирал Рейносукэ Кусака тем временем вел невидимую войну с интендантством. Чиновники-бюрократы в Токио никак не могли взять в толк, зачем ему необходимо восемь танкеров. Но Кусака знал: если оперативное соединение не будет располагать этими танкерами, тогда придется идти в бой, имея четыре авианосца вместо шести. Потребовалось несколько недель, чтобы доказать очевидную истину в надлежащих инстанциях. Далее — как раздобыть зимнее обмундирование для соединения? Занятые по горло интенданты снаряжали войска для действий в тропиках. Требование зимних вещей вызвало бы ненужные толки и пересуды. Подчиненные Кусака заявили изумленным работникам тыла — на войне нельзя заранее знать, где окажешься в конце концов, — и подали на склады заявки как на летнее, так и на зимнее обмундирование. Двойной комплект одежды был получен, а военная тайна сохранена даже от собственных интендантов.

Когда в сентябре был принят предварительный план удара по Пирл-Харбору, в нем предусматривалось выдвижение японских подводных лодок в гавайские воды. Командование подводного флота, с нетерпением ожидавшее войны, внесло в план свои коррективы: лодки должны не только подстергать врага, но и принять участие в нападении на американский флот в самой гавани Пирл-Харбора.

К этому времени были построены и прошли испытания карликовые подводные лодки. Угловое судно с экипажем из двух человек несло две торпеды и имело крайне ограниченный запас хода. Они доставлялись к месту действия большой подводной лодкой-носителем. Осенью 1941 г. японский флот имел пять сверхмалых подводных лодок. На океанских подводных лодках типа «И-24» позади рубки были сооружены ангароподобные надстройки для их перевозки.

Хотя возможности карликовых лодок вызывали самые серьезные сомнения, подводники настойчиво просили Ямамото разрешить использовать их в день нападения на Пирл-Харбор. Ямамото усматривал в этом больше вреда, чем пользы: он опасался, что присутствие подводных лодок, которые должны подойти к Гавайским островам заблаговременно, может быть обнаружено американцами, что сорвет внезапность удара авиации. Но подводники буквально ходили по пятам за адмиралом, а чистота их помыслов сомнений не вызывала — они по доброй воле готовили себе верную смерть. Как заметил Ямамото, «если они войдут в бухту, то никогда оттуда не вернуться, и такой вход в бухту не вызывается необходимостью»⁸. В конце концов подводники взяли верх.

Автору и горячему стороннику плана — капитану Найодзи Иваса — была оказана высокая честь лично руководить действиями карликовых лодок. Ямамото внес лишь одно изменение: решение о входе в гавань должно быть принято самостоятельно командой лодки, а капитаны лодок-носителей получили приказ принять на борт оставшихся в живых после атаки. Экипажи карликовых лодок пропустили слова Ямамото мимо ушей. По традиции древних японских воинов молодые моряки сознательно шли на смерть и в этом находили тихую радость. «Мы опадем, как цветы вишни на землю», — объяснил впоследствии младший лейтенант Кацуо Сакамаки⁹, един-

ственный уцелевший из десяти подводников, принявших участие в атаке на Пирл-Харбор.

Многое, если не все, зависело от разведки. Оперативное соединение отправлялось за тысячи миль от основного театра войны, существенно ослабляя японские силы. Ямамото надеялся поймать врага в мышеловке — Пирл-Харборе. Но нужно было быть уверенным не только в том, что главные силы американского тихоокеанского флота окажутся там в день нападения, но и знать точное расположение кораблей в гавани. Сообщить обо всем этом должны были разведчики.

В канун второй мировой войны размах японской шпионской работы в Соединенных Штатах был весьма значителен. Руководство разведкой осуществлялось не слишком целеустремленно, тем не менее, а быть может, в результате этого японские агенты собирали громадное количество самой разнообразной информации, буквально затопляя ею свои разведывательные центры, и хотя это создавало определенные трудности при оценке событий, в случае необходимости можно было детально изучить тот или иной аспект военной подготовки Соединенных Штатов. Кроме того, по-видимому, существовал обмен информацией на высшем уровне с разведывательными службами союзников Японии — Германии и Италии.

Гавайские острова давно были объектом пристального внимания японской разведки. Поэтому получение оттуда информации оперативного характера, необходимой для подготовки удара по Пирл-Харбору, не составляло для Токио особых затруднений. Помимо открытых источников — разнообразных сведений, предававшихся американцами огласке, Япония имела обширную агентурную сеть. Воды Тихого океана бороздили бесчисленные рыболовные суда, которые занимались промыслом не только у Гавайских островов, но и у побережья Северной Америки, от Аляски до Панамского канала. Это был действительно «рыболовный» флот, собиравший в свои сети военно-стратегическую информацию. Ограниченные возможности американской контрразведки не позволяли установить должный контроль над этой деятельностью, истинное значение которой не составляло секрета.

На самих Гавайских островах проживало значительное число японцев и американцев японского происхождения. В 1941 г. таких лиц только на острове Оаху было

83 тысячи, а всего на Гавайских островах — 160 тысяч человек, из них на 7 декабря 1941 г. 35 тысяч сохраняли японское подданство. Среди этого населения было нетрудно завербовать любое число агентов. Японская разведка до конца использовала и легальные возможности — генеральное консульство Японии в Гонолулу, имевшее право шифр переписки с Токио, стало штаб-квартирой шпионажа. Ему подчинялось 239 консульских агентов, разбросанных по Гавайским островам.

Поздней весной 1941 г. японский министр иностранных дел по поручению военно-морской разведки сменил руководителей генерального консульства. Генеральным консулом был назначен Нагао Кита, вице-консулом — профессиональный разведчик, офицер Такео Есикава, прибывший на Гавайские острова с дипломатическим паспортом на имя Моримура. Кита участвовал в войне в Китае. Он был переведен на Гавайские острова из Кантона, где тесно сотрудничал с военно-морской разведкой. В задачу вице-консула Моримура входил сбор оперативной информации для командования японского флота.

В статье, написанной Есикава в конце 1960 г. для ведущего органа американских ВМС «Юнайтед стейтс нейвл инститиют просидингс», через 19 лет он впервые рассказал о своей разведывательной работе. Автор утверждал, что он являлся «единственным» японским агентом на Гавайских островах. Не отрицая его значительной роли в этом, все же следует заметить, что он не имел апокалипсического мандата в описываемой деликатной сфере. Громадное количество информации, отправленное в Японию во второй половине 1941 г., не могло быть делом рук одного человека¹⁰. Гавайские острова были подлинным эдемом для шпионов.

Есикава передвигался по острову без каких-либо ограничений. Во время ежедневных прогулок от Пирл-Сити до конечности полуострова он обозревал аэродром на островке Форд в центре гаваи и стоянку линейных кораблей. Есикава бродил по окрестностям базы, взбирался на гору Танталус, откуда наблюдал за входом и выходом кораблей в море. Иной раз он брал напрокат самолет в аэропорту Джон Роджерс и совершал приятные и полезные полеты для изучения аэродромов. Но наиболее удобным «и, я бы сказал, наиболее приятным был, конечно, расположенный на возвышенности японский ресторан

Сунте Ро», — вспоминал Есикава. Там предприимчивый японский вице-консул забирался в маленькую комнату, располагался на рисовых матах и вел соответствующие пристойные беседы с гейшей.

Идиллическая шпионская обстановка: за окном гавань, флот как на ладони. Есикава имел возможность не только определять дислокацию кораблей, но и следить за тем, что на них происходит. «Гейша, которая до моего появления обычно развлекала американских военнослужащих, иногда также оказывалась источником некоторых сведений, разумеется, без малейшего поощрения, а тем более принуждения с моей стороны, ибо полагаться на женщину было бы рискованно». А Есикава, многоопытный разведчик, не желал подвергать опасности «единственный» источник информации, каковым он считал себя.

С осени 1941 г. Токио становится все более требовательным, от генерального консульства ждут детальной информации. 24 сентября в консульство поступает совершенно секретное указание, подписанное министром иностранных дел Тоеда. Кита и Есикава вменяется в обязанность условно разделить гавань Пирл-Харбор на пять подрайонов и сообщать о наличии в каждом из них кораблей. «Мы бы хотели, чтобы вы сообщали о каждом случае, когда два или больше кораблей стоят у одного пирса», — многозначительно добавлял Тоеда¹¹. Указание Токио было принято к исполнению. Вслед за телеграммой от 24 сентября 1941 г. министр иностранных дел Японии требовал от своего генерального консульства все новой и новой информации. Как и принято в упорядоченной дипломатической практике, министерство иностранных дел являлось лишь передаточной инстанцией между руководством разведки и агентами. 15 ноября генеральному консульству вменяется в обязанность сообщать о расположении кораблей в гавани регулярно, не реже двух раз в неделю.

В ноябре на Гавайские острова пришел японский лайнер «Тайе-Мару». Стюардом на корабле был Сугуру Судзуки, самый молодой, тридцатитрехлетний капитан-лейтенант японского флота. Он был по горло занят всю неделю, пока «Тайе-Мару» стоял в порту. Судзуки проверял имевшуюся информацию. Подтвердилось, что американский флот не использует больше якорной стоянки у Лахаина. С частного самолета, поднявшегося с аэродрома Джон Роджерс, Судзуки сделал несколько интересных снимков

Пирл-Харбора — пассажирам это не возбранялось. Затем — встреча с Кита и Есикава, которым был передан вопросник, насчитывавший 97 пунктов. Оба постарались оказаться на высоте. К ответам были приложены карты, схемы, т. е. все, что нужно для удара с воздуха. Еще на борту «Тайе-Мару» на обратном пути в Японию Судзуки сравнил свои записи с заметками другого капитан-лейтенанта, Тоеисиде Майдзима, который также побывал на Гавайских островах, но в интересах командования японского подводного флота.

29 ноября Токио инструктирует генеральное консульство в Гонолулу: «Мы получали от вас сообщения о передвижении кораблей, отныне доноситесь даже тогда, когда корабли стоят на месте»¹². И эта информация стала немедленно отправляться из Гонолулу. 2 декабря Токио предписывает: «Ввиду нынешней обстановки чрезвычайно важно знать о наличии в гавани военных кораблей, авианосцев, крейсеров. Отныне, не щадя никаких усилий, докладывайте ежедневно. В каждом донесении сообщайте, есть ли аэростаты заграждения над Пирл-Харбором, имеются ли признаки, говорящие о том, что их будут поднимать. Также сообщите, установлены ли на кораблях противоторпедные сети».

Генеральное консульство скрупулезно выполнило приказ. Помимо ежедневных сообщений 6 декабря от имени Кита был передан шифром целый научный трактат: «1. В октябре на американском континенте в Кэмп Дэвид, штат Калифорния, армия приступила к подготовке солдат для работы с аэростатами воздушного заграждения. Заказано 400—500 аэростатов, есть основание полагать, что они будут использованы для защиты Гавайских островов и Панамского канала. Что касается Гавайских островов, то в результате самого тщательного изучения окрестностей Пирл-Харбора выяснено: установок для подъема их в воздух нет, солдат для службы в таких частях не отбирал. Более того, подготовка к использованию аэростатов не ведется. Нет никаких признаков, что на острова доставлены аэростаты. Трудно вообразить, чтобы у них они были. Однако, если бы и была проведена соответствующая подготовка, а американцам нужна защита с воздуха акватории Пирл-Харбора и близлежащих аэродромов — Хикэм, Форд и Эва, возможности создания такого рода защиты в Пирл-Харборе ограничены. Я считаю, что представляется очень

благоприятная возможность для внезапного удара по всем этим объектам. 2. По моему мнению, линкоры не оснащены противоторпедными сетями. Подробности неизвестны. Я сообщу о результатах изучения этого вопроса»¹³.

Хотя в генеральном консульстве не могли знать о том, что Пирл-Харбор уже избран как объект для нападения, о том, когда последует удар, содержание инструкций было совершенно ясным. И Кита решился дать совет, предлагая не упустить благоприятную возможность. Для разведчика шаг очень рискованный.

В то время как в Вашингтоне считали, что Гавайи — неоскрушимый форпост США на Тихом океане, командующих на месте давно не на шутку тревожила безопасность флота на отдаленных островах. Когда в мае 1940 г. правительство решило оставить тихоокеанский флот в Пирл-Харборе, его командующий адмирал Д. Ричардсон обратился за разъяснениями к начальнику штаба ВМС США адмиралу Г. Старку. В ряде официальных и неофициальных документов он выразил мнение, что базирование флота в Пирл-Харборе подрывает его боеготовность. В гавани нет необходимых средств для обслуживания такого количества кораблей, фактически невозможна мобилизация флота в случае необходимости.

В большой докладной записке Г. Старку 22 июня Д. Ричардсон настаивал, что если «руководствоваться только соображениями военно-морского дела», то корабли следует отвести на базы западного побережья Америки. В заключение Д. Ричардсон задавал риторический вопрос: «Другими словами, что более важно: поддержать дипломатические представления на Тихом океане, базируя флот на Гавайских островах, или облегчить его подготовку для ведения боевых действий в любом районе, базируя большинство кораблей на обычных базах западного побережья?» Г. Старк разделял настроение Д. Ричардсона. Он попытался переговорить с Ф. Рузвельтом. «Несколько раз, — рассказывал после войны Г. Старк, — я спрашивал президента, какую роль суждено играть нашему флоту, если Япония нападет на британские владения. Он просто не отвечал, а как-то заявил: «Не задавайте мне таких вопросов». Не думаю, чтобы он мог на них ответить».

В октябре 1940 г., находясь в командировке в Вашингтоне, Д. Ричардсон добился приема у президента. Он был преисполнен решимости убедить Ф. Рузвельта отозвать флот с Гавайских островов. Военные доводы адмирала не произвели впечатления на Ф. Рузвельта. Он объяснил Д. Ричардсону, что флот находится на Гавайских островах для оказания сдерживающего влияния на Японию. На вопрос, собираются ли США вступить в войну, президент ответил, что в случае японского нападения на Таиланд, английские или голландские владения Соединенные Штаты не поднимут оружия. Он даже сомневался, что США объявят войну, если японцы вторгнутся на Филиппины. Однако, заметил Ф. Рузвельт, «японцы не могут всегда избегать ошибок, и по мере развития войны и расширения масштабов военных действий рано или поздно они совершат ошибку и мы вступим в войну»¹⁴. Объяснения были весьма туманными.

Д. Ричардсон неосмотрительно заявил президенту, что он не убежден и по-прежнему стоит за возвращение флота с Гавайских островов к берегам Америки. Больше того, адмирал затронул и политический вопрос, указав, что флот на Гавайях не оказывает сдерживающего влияния на Японию. Только в том случае, если корабли будут находиться на обычных базах, где можно провести без помех мобилизацию, в Токио поймут, что США имеют серьезные намерения. После этой беседы развязка не заставила долго ждать. 12 января 1941 г. Д. Ричардсон был снят с поста. Военно-морской министр Ф. Нокс лаконично объяснил адмиралу: «Во время беседы вы обидели президента». Д. Ричардсон был командующим американским флотом 13 месяцев вместо обычных двух лет, установленных для пребывания в этой должности.

1 февраля 1941 г. командующим американским тихоокеанским флотом был назначен адмирал Х. Киммель. Он служил на флоте с 1900 г. и считался одним из видных флотоводцев США. Киммель прошел обычную, «боевую» школу американского морского офицера: участвовал в «умиротворении» Кубы, высаживался во время интервенции США в Мексике. После первой мировой войны Х. Киммель последовательно занимал многие важные посты. Когда стало известно о его высоком назначении, некоторые вспомнили о полузабытом эпизоде: в бытность Ф. Рузвельта в 1913—1920 гг. заместителем военно-морского мини-

стра, Киммель непродолжительное время являлся временным помощником будущего президента. Однако Х. Киммель не был слишком близок к Ф. Рузвельту, он стал командующим в обход 32 адмиралов главным образом благодаря собственной деятельности. Его преданность делу была общеизвестна на флоте, а желание делать все за всех вошло в поговорку.

Моряк до мозга костей, Х. Киммель ревностно отстаивал традиции флота. Когда в канун войны для моряков была введена форма цвета хаки, Х. Киммель с очевидным консерватизмом заметил: «Эта форма умаляет достоинство и воинский вид». Приказ о назначении Х. Киммель получил на Гавайских островах, где командовал крейсерами флота. Х. Киммель немедленно отправился на квартиру своего предшественника Д. Ричардсона и заявил, что не видит оснований для его снятия с поста, а также заверил, что сам не прилагал никаких усилий, чтобы получить высокое назначение. Профессиональная этика была соблюдена.

Вступив в командование флотом, Х. Киммель, чтобы полностью отдаться службе, отправил жену в США. Он крепко запомнил урок, преподанный Д. Ричардсону, и не говорил о необходимости отвести флот с Гавайских островов, а посвятил свою деятельность поднятию боеготовности. При существовавшей системе ответственности за оборону это было не простым делом. Защита Пирл-Харбора возлагалась не на флот — последний должен был оборонять собственные корабли, а на армию, в распоряжении которой были самолеты, батареи береговой и зенитной артиллерии. Гарнизон Гавайских островов, насчитывавшим на 7 декабря 1941 г. 2490 офицеров и 40 469 солдат, командовал генерал У. Шорт, назначенный почти одновременно с Х. Киммелем. За оборону с моря отвечал 14-й военно-морской округ, комендантом которого был адмирал К. Блох, в прошлом начальник Х. Киммеля, что не способствовало установлению между ними сердечных отношений. Как бы то ни было, командующие приложили значительные усилия, чтобы обезопасить стоянку флота на Гавайских островах. Прежде всего — наблюдение за подступами к Пирл-Харбору.

Еще в 30-е годы на маневрах американского флота подтвердилась возможность успешного удара самолетов с авианосцев по Пирл-Харбору. Расчеты, сделанные в 1936 г.,

показывали, что вражеское соединение, которое к вечеру дня накануне нападения находится в 600—900 милях от острова Оаху, за ночь может сделать стремительный рывок и на рассвете поднять самолеты с авианосцев на расстоянии 275—300 миль от Пирл-Харбора. Именно такое расстояние требовалось для того, чтобы самолеты с тогдашним радиусом действия могли совершить налет и вернуться на авианосцы. Исходя из этих подсчетов, для ведения разведки на 800 миль на 360°, как требовало островное положение Пирл-Харбора, командующие на Гавайских островах заключили, что необходимо иметь 250 самолетов.

В Вашингтон была послана заявка на 180 бомбардировщиков «Б-17» и 100 патрульных самолетов. Весной 1941 г. было обещано в самое ближайшее время прислать самолеты. Но к декабрю прибыло всего 12 бомбардировщиков «Б-17». На 7 декабря 1941 г. были в боевой готовности лишь 6 армейских «Б-17» и 49 патрульных самолетов флота. О ведении систематической разведки не могло быть и речи.

Тем большее значение приобрела новинка военной техники — радиолокация. После настоятельных просьб генерала У. Шорта 3 июня 1941 г. на Гавайи прислали три стационарные установки, а 1 августа — шесть передвижных. На 7 декабря действовало только пять передвижных установок, помещенных на грузовиках, стационарные не были смонтированы — металлические опоры под них так и не поступили из США. Попытка поместить одну радиолокационную установку на горе Калеакала встретила яростное сопротивление службы парков министерства внутренних дел США. Обращение У. Шорта к начальнику штаба армии генералу Д. Маршаллу не очень помогло делу. Д. Маршалл разъяснил, что служба парков заинтересована в сохранении земель, находящихся в ее ведении, и высказывается против постройки любых объектов, «которые существенным образом изменяют естественный вид резервации».

С 7 февраля по 7 декабря У. Шорт представил в военное министерство сметы на общую сумму в 23 млн. долларов для сооружения аэродромов, позиций для батарей, улучшения дорог и т. д. Военное министерство ассигновало 350 тыс. долларов — полтора процента просимой суммы. Обращения в Вашингтон усилить противовоздушную оборону острова в основном остались без последствий. На

7 декабря вместо необходимых 96 трехдюймовых зенитных орудий было 82, 37-миллиметровых орудий соответственно 135 и в наличии 20, крупнокалиберных пулеметов — 309, в наличии 109. Учитывая слабость противовоздушной обороны острова Оаху, Х. Киммель отдал приказ о подчинении зенитной артиллерии флота командованию 14-го военно-морского округа.

Среди командования флота неоднократно высказывались опасения, что корабли в Пирл-Харборе могут быть атакованы самолетами-торпедоносцами. Такое мнение существовало и в штабах на Гавайских островах. Чтобы положить конец этим толкам, Г. Старк 15 февраля 1941 г. направил специальное разъяснение Х. Киммелю. «Вопрос об установке противоторпедных сетей в гавани Пирл-Харбор для защиты от удара с воздуха был рассмотрен. В этой связи сочтено, что небольшие глубины в гавани делают это ненужным. Кроме того, теснота гавани и необходимость иметь место для маневрирования кораблей ограничивают возможность использования сетей имеющегося типа... Для успешного сбрасывания торпед с самолетов нужна минимально глубина воды 25 метров, а желательна 50 метров»¹⁵. Следовательно, в Пирл-Харборе флот мог считать себя в безопасности.

В военно-морском министерстве не обратили внимания на сообщение о том, что в Англии весной 1941 г. проведены успешные испытания торпед на глубинах в 14 метров. А о работе Гэнда никто, понятно, и не подозревал. Получив из Вашингтона авторитетное заключение военно-морского министерства, штаб Х. Киммеля полностью исключил возможность атаки торпедоносцев. Никаких мер защиты против нее принято не было.

По всей вероятности, кто-то в Вашингтоне все же обратил внимание Белого Дома на опасное положение Гавайских островов. Президент, по-видимому, вновь запросил мнение военных. В меморандуме генерала Д. Маршалла, представленном президенту в мае 1941 г., ясно чувствуется раздражение профессионала, которому приходится иметь дело с полужайками. Если враг попытается совершить рейд против Гавайских островов, объяснял Д. Маршалл президенту, «неприятельские авианосцы, эскортные корабли и транспорты начнут подвергаться бомбардировке с воздуха уже на расстоянии 750 миль. Это воздействие с воздуха будет все усиливаться, пока в 200 милях от цели

вражеские корабли не окажутся под огнем всех видов наших самолетов, которые будут действовать под прикрытием современных истребителей... В этих условиях нападение на Оаху просто невозможно. Поэтому если и стоит чего-нибудь опасаться, то только диверсий» на самих Гавайских островах¹⁶.

Угроза со стороны вражеских подводных лодок была постоянной темой штабных совещаний командования тихоокеанского флота. По действовавшим тогда инструкциям подводные лодки надлежало атаковать в пределах трехмильной оборонительной зоны. Поскольку в 1941 г. участились случаи установления гидроакустического контакта патрульными кораблями с неизвестными подводными лодками, 12 сентября Х. Киммель обратился за указаниями к Г. Старку: «Следует ли нам сбрасывать глубинные бомбы в случае установления контакта или ожидать нападения?» 23 сентября Г. Старк ответил: «Существующий приказ не атаковать подозрительные подводные лодки, за исключением оборонительной зоны, остается в силе. Если получены исчерпывающие, я повторяю, исчерпывающие, доказательства того, что японские подводные лодки находятся на территории (имеются в виду территориальные воды.— *Н. Я.*) или вблизи территории США, тогда нашим следующим шагом будет серьезное предупреждение и угроза применения силы против таких подводных лодок»¹⁷. До 7 декабря никаких новых указаний из Вашингтона по этому вопросу не поступало.

Х. Киммель неоднократно настойчиво просил Вашингтон систематически информировать его штаб о всех важнейших политических событиях с тем, чтобы в случае опасности войны можно было принять надлежащие меры. Ему были даны официальные заверения, что на Гавайские острова будет передана «соответствующая информация об иностранных державах, их политике и деятельности нелояльных элементов в США». В день вступления Х. Киммеля в должность Г. Старк, ссылаясь на донесение американского посла в Японии Д. Грю от 27 января 1941 г., сообщил: «Перуанский посланник рассказал сотруднику американского посольства, что он узнал из многих источников, включая один японский, — в случае конфликта между США и Японией японцы намереваются совершить внезапное нападение на Пирл-Харбор, используя все свои силы и средства. Перуанский посланник

считает, что слухи эти носят фантастический характер. Тем не менее он полагает, что они заслуживают того, чтобы довести их до сведения моего посольства». Комментируя донесение Д. Грю, Г. Старк добавлял: «Управление военно-морской разведки совершенно не верит этим слухам. Больше того, учитывая известные сведения о нынешней дислокации и использовании японского флота и армии, очевидно, что против Пирл-Харбора не будет предпринято никаких действий ни в ближайшее время и не планируется в обозримом будущем»¹⁸. Эта оценка в последующем не изменилась. Из Вашингтона до 7 декабря не сообщалось ничего, что бы противоречило письму Г. Старка от 1 февраля.

На протяжении 1941 г. командующим на Гавайских островах много раз сообщалось о намерениях потенциального противника — Японии. После нападения Германии на Советский Союз 22 июня в информационных документах из Вашингтона возможность японо-советской войны неизменно занимает первое место. Уже 3 июля Г. Старк указывает в письме Х. Киммелю: «Японское правительство вынесло решение о своей будущей политике, которое поддерживается всеми основными японскими политическими и военными группами. Эта политика, по-видимому, имеет в виду войну в ближайшем будущем. Движение против английских и голландских владений нельзя полностью исключить». Однако Г. Старк подчеркивал, что «основные усилия Японии будут направлены против приморских провинций России»¹⁹. Аналогичные оценки постоянно повторялись в последующем вплоть до нападения Японии на Пирл-Харбор. Сообщения из Вашингтона подкреплялись другими сведениями. Всего до 7 декабря 1941 г. начальник разведки тихоокеанского флота Лейтон получил, «по-видимому, пятьдесят (разрядка моя.— Н. Я.) предупреждений из китайских источников, дипломатических источников... от консулов, помощников военных атташе, представителей Чан Кай-ши о том, что японцы вне всякого сомнения уже на следующей неделе нападут на Россию». Лейтон аккуратно докладывал все эти материалы Киммелю²⁰.

Это не могло не успокоить американских командующих на Гавайских островах. Им также было известно, что в Вашингтоне происходят секретные американско-японские дипломатические переговоры. Хотя о содержании их командо-

вание на Гавайских островах могло только гадать, Х. Киммель и У. Шорт понимали, что от исхода этих переговоров зависит — быть миру или войне между Соединенными Штатами и Японией. Они были уверены, что в случае разрыва переговоров правительство немедленно даст им соответствующие указания.

Ожидания командующих, как им представлялось, полностью оправдались. 27 ноября в штаб Х. Киммеля поступила срочная телеграмма Г. Старка. Она начиналась зловеще: «Это послание следует рассматривать как предупреждение о войне. Переговоры с Японией, направленные к стабилизации условий на Тихом океане, прекращены, и агрессивные действия Японии ожидаются в ближайшие дни», а именно вторжение на Филиппины, в Таиланд, Малаю или, возможно, высадка на Борнео. Х. Киммелю поручалось начать подготовку к выполнению задач в соответствии с планом «ВПЛ-46»²¹.

Этот план предусматривал, что с открытием боевых действий тихоокеанский флот должен поддерживать действия США, Англии и Голландии на Дальнем Востоке путем отвлечения японских сил — корабли тихоокеанского флота выдвигаются к подмандатным тогда Японии Маршалловым островам. 29 ноября Г. Старк в новой директиве разъяснил: «План ВПЛ-52 не будет применяться в Тихом океане и не будет здесь введен, за исключением подрайона юго-восточной части океана и Панамского канала. Не предпринимайте никаких наступательных действий, пока Япония не нападет»²². Сокращение «ВПЛ-52» означало план обороны западного полушария силами флота. По этому плану корабли имели право открывать огонь без предупреждения.

В свою очередь У. Шорт получил 27 ноября указание от Д. Маршалла: «Переговоры с Японией фактически прекращены. Надежд на то, что японское правительство будет продолжать их, почти нет. Хотя будущее поведение Японии предсказать нельзя, в любой момент возможны враждебные действия. Если возникновения войны нельзя избежать, повторяю, нельзя избежать, Соединенные Штаты хотят, чтобы Япония сделала первый шаг». Армейскому штабу на Гавайских островах в этой связи приказывалось вести разведку и принять другие меры, какие У. Шорт сочтет необходимыми. Но их следовало проводить

так, чтобы не создавать «беспокойства среди гражданского населения и не раскрывать своих намерений».

После совещания с офицерами своего штаба и обмена мнениями с Х. Киммелем У. Шорт отдал приказ о предупреждении диверсий против вооруженных сил США на островах, о чем и сообщил в Вашингтон. Поскольку оттуда не последовало никаких комментариев, командующие на Гавайских островах заключили, что большего от них и не требуется²³. В самом деле, они знали, что если бы существовала непосредственная опасность для Гавайских островов, указания из Вашингтона носили бы совершенно иной характер*. Новые приказы из Вашингтона подтвердили, как им казалось, правоту этой оценки.

27 ноября Г. Старк приказал послать подкрепления с Гавайских островов — по 25 истребителей на острова Уэйк и Мидуэй. Были указаны и средства доставки — на авианосцах. В строю американского флота на Тихом океане в тот момент было два авианосца — «Энтерпрайз» и «Лексингтон», третий — «Саратога» ремонтировался на базе западного побережья США. Учитывая напряженную обстановку, Х. Киммель не решился отправить авианосцы без сильного эскорта. 28 ноября оперативное соединение адмирала Хелси — «Энтерпрайз» в сопровождении трех тяжелых крейсеров и девяти эсминцев покинуло Пирл-Харбор. 4 декабря, доставив самолеты на остров Уэйк, соединение направилось к Гавайским островам.

5 декабря из Пирл-Харбора вышло оперативное соединение под флагом адмирала Ньютона — «Лексингтон» с тремя тяжелыми крейсерами и пятью эсминцами, чтобы перебросить самолеты на остров Мидуэй. Но, еще не достигнув Мидуэя, Ньютон получил приказ соединиться с оперативным соединением Хелси. Кроме того, для выполнения различных задач в начале декабря Пирл-Харбор покинуло еще три тяжелых крейсера, около десятка эсмин-

* Так, 17 июня 1940 г. в связи с военной тревогой на Тихом океане штаб армии США отдал следующий приказ гарнизону на Гавайских островах: «Немедленно быть в полной боевой готовности на случай рейда через Тихий океан, но не создавать истерию, не возбуждать ненужного любопытства газет и вражеских агентов. Предлагаю состояние боевой готовности ввести под видом маневра. Сохраняйте ее до новых указаний». Такое положение на Гавайских островах сохранялось в течение месяца, пока не было отменено Вашингтоном.

цев и семь подводных лодок²⁴. Флот тем временем приступил к подготовке к боевым действиям на случай войны с Японией.

Киммеля беспокоили частые смены позывных японского флота осенью 1941 г. С 16 ноября японские авианосцы были «потеряны», никто не мог дать вразумительного ответа об их местонахождении. 1 декабря адмирал приказал доложить диспозицию японского флота. 2 декабря Лейтон представил просимые сведения. Киммель с неудовольствием обнаружил, что данных об авианосцах по-прежнему нет. «Вы так и не знаете где они? — обрушился он на Лейтона. — Не хотите ли вы сказать, что они могут огибать Даймонд Хед (мыс у входа в Пирл-Харбор) и вы все еще не будете знать об этом!»

Лейтон заверил командующего, что авианосцы, наверное, все же заметят пораньше²⁵.

Впоследствии Х. Киммель писал: «Было приказано отослать от Гавайских островов авианосцы, которые являлись главным средством активной обороны флота от удара с воздуха. 27 ноября военное и военно-морское министерства предложили, чтобы мы взяли с о. Оаху пятьдесят процентов истребительных самолетов армии. Эти указания были отданы мне в тот же день, когда пришло так называемое «предупреждение о войне». В этих условиях ни один разумный человек не мог предположить, что «предупреждение о войне» имело целью предостеречь от нападения в районе Гавайских островов»²⁶.

После ухода оперативных соединений к 7 декабря 1941 г. в Пирл-Харборе осталось несколько более половины тихоокеанского флота. Однако по тогдашним воззрениям на военно-морскую мощь его основные ударные силы — восемь линейных кораблей — были в гавани. Всего в Пирл-Харборе находилось 96 кораблей разных классов. На аэродромах Гавайских островов номинально было 394 военных самолета, но многие из них устарели или находились в ремонте. Армия располагала 93, а флот 15 истребителями, пригодными к использованию. Кроме того, было 35 бомбардировщиков армейской авиации²⁷.

В ночь на 18 ноября из Куре в Японское море вышли пять подводных лодок. Едва покинув базу, лодки погрузились и продолжили путь под водой. Они должны были сохранять тайну: во Внутреннем море часто попадались суда. С них легко можно было бы различить необычные

надстройки за рубками лодок — каждая несла сверхмалую подводную лодку. Через пролив Бунго вышли в открытый океан и взяли курс на Гавайские острова. Несмотря на то, что вокруг на десятки миль простирались пустынные воды, лодки сохраняли строгие меры предосторожности: днем шли под водой, всплывали в темноте и так продолжали путь до рассвета. С первыми проблесками зари океан вновь поглощал отряд.

В эти же дни еще два отряда в составе одиннадцати подводных лодок вышли из Йосука и направились к Гавайским островам. Четвертый отряд — девять подводных лодок — покинул передовую базу на острове Кваджелейн, держа курс также на Гавайи. Пяти подводным лодкам-носителям была поставлена задача к вечеру 6 декабря сосредоточиться у входа в Пирл-Харбор и по получении приказа о начале боевых действий спустить карликовые подводные лодки для нападения на американский флот. 20 остальных подводных лодок образовывали завесу вокруг Гавайских островов.

С 17 по 21 ноября корабли оперативного соединения адмирала Нагумо собирались в заливе Танкан (Хитокапу) на острове Иторофу в группе Курильских островов. Они прибывали поодиночке с разных баз, где никто не знал, куда уходил очередной корабль. Он просто исчезал за горизонтом. Радисты кораблей, которых хорошо знала по «почерку» американская служба радиоперехвата, остались в Куре. Там они имитировали оживленный обмен сообщениями по радио, и те, кто следил за эфиром, оставались в неведении о действительном местонахождении кораблей.

Утром 22 ноября с мостика флагмана авианосца «Акаги» Нагумо осмотрел отряд. В свинцовых водах небольшого залива тесно стояли 32 корабля — шесть авианосцев ударной группы и силы прикрытия: два линкора, три тяжелых крейсера, отряд из девяти эсминцев, возглавляемый легким крейсером, передовой отряд — три подводные лодки и отряд снабжения — восемь танкеров. Место сбора было выбрано вдали от населенных островов. Холодный залив окружали горы, покрытые снегом, на берегу три одинокие радиомачты, несколько хижин рыбаков. И все. Даже здесь, в забытом людьми месте Нагумо не хотел рисковать: было запрещено сходить на берег, на кораблях строжайше следили за тем, чтобы мусор не выбрасывался за борт.

В заливе Хитокапу корабли пополнили запасы топлива с танкеров, погрузили предметы снаряжения.

В ночь на 23 ноября на «Акаги» Нагумо провел совещание. Капитан-лейтенант Судзуки выступил с поучительным докладом о своем пребывании на Гавайских островах. Командиры авианосных авиационных соединений сделали последние заметки. В заключение выпили саке и трижды возгласили «банзай» за здоровье императора. Вечером 25 ноября радист принес Нагумо совершенно секретный приказ Ямамото. Командующий Объединенным флотом приказывал «оперативному соединению, передвигаясь сугубо скрытно и осуществляя ближнее охранение против подводных лодок и самолетов, продвинуться в гавайские воды и в момент объявления военных действий атаковать главные силы американского флота на Гавайях с целью нанесения ему смертельного удара. Первый воздушный налет намечается на рассвете «дня X» (точная дата будет определена последующим приказом). После окончания воздушного налета соединению быстро оставить воды и возвратиться в Японию, поддерживая тесное взаимодействие и обеспечивая охранение от контратак противника. В случае, если переговоры с Соединенными Штатами окажутся успешными, оперативное соединение должно быть в готовности к немедленному возвращению и рассредоточению»²⁸.

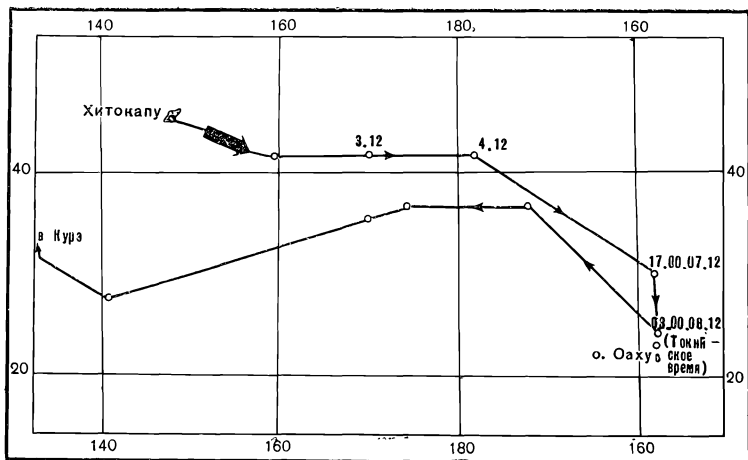
Глубокой ночью 25 ноября капитан-лейтенанта Судзуки подняли с постели: его вызывал командующий. Когда Судзуки вошел в каюту Нагумо, адмирал был один. Он еще не ложился. Одетый в кимоно, старик нервно ходил по каюте. Нагумо попросил еще раз подтвердить, что американский флот в Пирл-Харборе, а не на якорной стоянке Лахаива. Судзуки поклялся. Извинившись за то, что его потревожили, адмирал отпустил Судзуки. Закрыв дверь, Судзуки почувствовал, что спазма сдавила ему горло: там, в каюте остался Нагумо со своими тревогами и ответственностью.

В шесть утра 26 ноября оперативное соединение покинуло залив. Сторожевой корабль просигналил «доброго пути», и корабли, набирая ход, легли на курс. Они двигались прямо на восток с тем, чтобы, минуя оживленные судоходные линии, выйти к Гавайским островам с севера. По пути несколько раз останавливались, пополняя запасы топлива с танкеров, что было вовсе не легким делом в зимнем океане. Громадные шланги били по палубе, брызги топлива

превращали ее в каток. Корабли, вздымающиеся на волнах бурного океана, едва избегали столкновения друг с другом. Несколько матросов смыло, спасать их не стали, и они скоро скрылись в воде. По-прежнему свято соблюдался приказ — не выбрасывать мусор за борт. Но эти трудности были несравнимы с предстоящими испытаниями, о которых знали разве лишь на мостике «Акаги». В ушах Нагумо звучали напутственные слова Ямамото: «Вам, вероятно, придется пробиваться к цели с боем»²⁹. Одна треть оперативного соединения должна была навсегда остаться в гавайских водах. Поэтому едва ли Кусака был удивлен, когда Нагумо, стоя рядом с ним на качающемся мостике, заметил: «Господин начальник штаба, не думаете ли вы, что я взял на себя тяжелую ответственность? Если бы только я оказался более тверд и отказался! Теперь, когда родные моря остались позади, я начинаю сомневаться в успехе». Кусака заверил его, что все пойдет по плану. Нагумо улыбнулся: «Завидую вам, господин Кусака. Вы такой оптимист»³⁰. Кусака был уверен в победе и поэтому предпочитал ожидать ее не сходя с мостика, где он и спал беспокойным сном в парусиновом кресле.

Хотя конечная задача оперативного соединения оставалась в тайне, среди моряков и летчиков нарастало напряжение. Корабли сохраняли радиомолчание, использовали высококачественное топливо — из труб почти не вырывалось дыма, ночью шли без огней. Сотни глаз следили за горизонтом и небом: действовал строжайший приказ немедленно сообщить о любом встречном судне или самолете. И в то же время, чтобы не раскрывать планов, в воздух не поднимался ни один из 432 самолетов, имевшихся у оперативного соединения. Поэтому трудно было проверить правильность редких сообщений, повергавших штаб Нагумо в панику, — замечено судно.

Как-то донесли о советском пароходе, следовавшем, по-видимому, из Сан-Франциско. На кораблях объявили боевую тревогу, но пароход не появился. На мостике и в рубке «Акаги» горячо обсуждался вопрос: что делать, если на пути окажется нейтральное судно. Было высказано и такое мнение: «Потопить и забыть о нем». Претворить в жизнь предложение не удалось: в особенно пустынных в это время года водах океана не попало ни одного судна. Ночью Кусака лично увидел бортовые огни самолета. В действительности то была горящая сажа, вылетевшая

Курс японского оперативного соединения, нанесшего удар по Пирл-Харбору

из трубы авианосца, следовавшего параллельным курсом. Его капитан немедленно получил строгое замечание.

Сначала на кораблях думали, что идут очередные учения. Но день проходил за днем, оперативное соединение, не снижая скорости, все дальше уходило от берегов Японии. Теперь укреплялось убеждение, что дело идет к войне. Летчики, зная, что в двигатели самолетов залита зимняя смазка, были уверены: предстоит разбомбить Алеутские острова. В трюмах, у машин судили по иному признаку: запасов топлива хватит, чтобы, сделав обходный маневр, выйти к Филиппинам и вернуться в Японию.

2 декабря толкам был положен конец. В этот день на «Акаги» был принят условный сигнал из штаба Ямамото: «Начинайте восхождение на гору Нийтака», что означало — удар по Пирл-Харбору должен быть нанесен в воскресенье 7 декабря 1941 г. Об этом было объявлено личному составу. «Наконец сбылись мечты», — раздавалось на кораблях. Летчики стали героями дня. Им стали выдавать специальный рацион — молоко, яйца. Ежедневные ванны. Экипажи авианосцев делали все возможное, окружая несколько навязчивым вниманием будущих героев. Для Нагумо наступили особенно тревожные дни: если в соответствии с планом операции соединение будет замечено противником до 6 декабря, ему надлежало повернуть назад,

если 6 декабря — следовало самостоятельно принять решение о целесообразности удара по Пирл-Харбору, если 7 декабря — в любом случае атаковать.

Последние дни подготовки. Летчики тренировались в опознавании американских кораблей по силуэтам. На палубе «Акаги» Кусака выставил для всеобщего обозрения прекрасную рельефную карту. Пирл-Харбора, хранившуюся до тех пор под замком. Из штаба Ямамото по радио поступала самая свежая информация о дислокации американских кораблей в Пирл-Харборе. Источником ее было, как обычно, японское генеральное консульство в Гонолулу. 5—6 декабря оперативное соединение дозаправилось топливом. Танкеры повернули на север, а оперативное соединение двинулось на юг. Утром на кораблях был прочитан приказ Ямамото, начинавшийся словами: «Час пробил. На карту поставлена жизнь или смерть нашей империи...»

Последовали патриотические речи, покрывавшиеся криками «банзай!». По мачте «Акаги» медленно полз вверх флаг, а когда он был поднят, на секунду воцарилась тишина: перед глазами была реликвия японского флота — тот самый флаг, который нес флагманский броненосец адмирала Того «Микаса» в Цусимском сражении в 1905 г. Теперь патриотическому подъему на кораблях поистине не было предела. В 12 часов дня оперативное соединение устремилось к Гавайским островам полным ходом — 24 узла.

В штабе Нагумо на «Акаги» лихорадочно разбирали последние сообщения от Ямамото. В Пирл-Харборе нет авианосцев. Японцы полагали, что тихоокеанский флот США имеет четыре авианосца. Видя, как сокрушается Гэнда, начальник разведотдела штаба капитан-лейтенант Оно утешал его: быть может, парочка авианосцев придет в Пирл-Харбор к утру 7 декабря. «Тогда, — воскликнул Гэнда, — мне наплевать, если в гавани не будет всех восьми линкоров». Нагумо, веривший, что основа морской мощи — линкоры, не был особенно взволнован отсутствием авианосцев. Он приказал перестать беспокоиться по поводу того, что в Пирл-Харборе нет авианосцев. Палубные офицеры заботливо следили за сном мальчиков — летчики должны хорошо отдохнуть перед вылетом.

В 5.30 утра 7 декабря в полной темноте катапульты крейсеров выбросили два самолета-разведчика. Они должны были доложить обстановку в Пирл-Харборе. На «Акаги»

заканчивалась бессонная ночь капитан-лейтенанта Оно у радиоприемника: он слушал передачи Гонолулу. Никаких признаков тревоги, радиорубку заполняли звуки гавайской музыки.

Задолго до позднего рассвета 7 декабря личный состав оперативного соединения был на ногах. Матросы технического дивизиона авиационной боевой части готовили самолеты. Звонки лифтов возвестили, что машины поднимаются на палубу. Без устали работали носовые, средние и кормовые лифты; самолеты едва успевали откатывать на места. Из погребов боезапаса доставлялись и подвешивались торпеды и бомбы. Летчики одевали свежее белье, тщательно отглаженную форму. Затем для них был сервирован праздничный завтрак.

По боевой трансляции прозвучала команда: «Летчики, сбор!» Сотни пилотов торопливо собрались в помещениях для инструктажа. Еще один взгляд на схемы расположения кораблей в Пирл-Харборе, информация о скорости и направлении ветра, последние расчеты расстояния и полетного времени до объекта и обратно. Оперативное соединение в 230 милях от Пирл-Харбора. Строгий приказ: ни один из летчиков, за исключением ведущего первой волны Футида, не должен прикасаться к радиопередатчику до начала атаки. Летчики в мундирах с иголки внимательно слушали. У некоторых на головах белели традиционные боевые повязки самураев. Покончив с делами земными и профессиональными, пилоты позаботились о душах. Небольшими группами они собирались у синтоистских алтарей, входивших в обязательный комплект оборудования японских боевых кораблей. Глоток сакэ за успех, короткая молитва.

С постов управления раздали команды: «Экипажи на стартовые площадки! Запустить моторы!» Ярко вспыхнувшие палубные огни осветили самолеты, слепящее пламя из выхлопных труб поблекло. Авианосцы развернулись против ветра и взяли курс на восток, прямо к посветлевшему небу. Океан катил маслянистые волны. Громадные корабли зарывались носом, но даже брызги не достигали полетных палуб. Свежая погода внушала опасения за безопасность взлета, продольная качка достигала 15°, но отступать было поздно. Когда Футида занимал место в кабине, взволнованный матрос протянул ему белую повязку. «Это вам в подарок от экипажа. Не откажите в любезно-

сти взять ее с собой в Пирл-Харбор!» Футида с благодарностью укрепил ее на голове.

В 6 утра флаги на мачте «Акаги» взлетели до клотика и опустились. Взлет первой волны. На концах крыльев самолетов зажглись красные и синие лампочки. Прощальные взмахи рук и фуражек, напутствия, тонущие в шуме моторов. Оглушительно ревя, самолеты срывались с полетной палубы и мгновенно исчезали в предрасветном сумраке навстречу восходящему солнцу, которое угадывалось за горизонтом. Только по огням можно было следить за их построением. Вскоре все 183 самолета первой волны — 40 торпедоносцев, 51 пикирующий бомбардировщик, 49 бомбардировщиков и 43 истребителя — построились и направились к Пирл-Харбору.

Взошло солнце. В 7.15 с авианосцев стартовала вторая волна — 80 пикирующих бомбардировщиков, 54 бомбардировщика и 36 истребителей. Всего в двух волнах к Гавайским островам направлялись 353 самолета. 39 истребителей оставались на авианосцах в резерве на случай контратаки противника.

Когда самолеты скрылись, на кораблях воцарилась необычайная, оглушающая тишина. Многие молились, иные вытирали слезы. Адмирал Кусака устало опустился на мостик, ему показалось — в кресло. Губы его беззвучно шевелились: он также молился.

В ночь на 7 декабря поблизости от Пирл-Харбора события развивались так, как предписывают различные наставления на флоте. Еще с вечера 6 декабря японские подводные лодки-носители, подтвердив прекрасную работу штурманов, заняли позиции примерно в восьми милях от входа в гавань. С них были видны огни на Оаху и даже рекламы на пляже Уйкики. Ветер доносил звуки джазовой музыки, передававшейся по радио.

В 3 часа ночи четыре малые подводные лодки были спущены на воду и своим ходом направились к Пирл-Харбору. На пятой дело не ладилось: отказал гирокомпас. После двухчасовых попыток исправить его командир младший лейтенант Кацуо Сакамаки решил в любом случае выполнить задание. Прощание с офицерами — и оба подводника, держа в руках легкий завтрак и по бутылке вина, заняли свои места в лодке. Лишь несколько минут

после их ухода ощущался легкий запах духов: следуя традициям самураев, они крепко надушились перед боем. Ни провожавшие, ни уходившие не тепили себя иллюзиями: личные вещи экипажей сверхмалых подводных лодок были тщательно упакованы, к ним приложены прощальные письма родным и завещания. Большие подводные лодки погрузились и стали ждать.

В 3.42 ночи с тральщика «Кондор», занятого скучнейшим делом — тралением магнитным тралом за кромкой фарватера у Пирл-Харбора, заметили перископ подводной лодки. На ней, по-видимому, увидели «Кондор» и повернули в сторону. В 3.58 с «Кондора» светосигнальными средствами передали семафор на находившийся вблизи патрульный эсминец «Уорд». Эсминец провел безуспешный поиск в указанном районе в течение примерно часа. В 4.58 ворота в противолодочном ограждении в Пирл-Харбор открылись. Предстояло пропустить в гавань и из гавани несколько мелких судов, в числе их возвращался в Пирл-Харбор и «Кондор».

На прощание с «Уорда» попросили уточнить координаты, где была замечена лодка. «Кондор» с готовностью ответил. На эсминце, хотя и думали, что в темноте и буй может легко сойти за лодку, продолжали бдительно нести патрульную службу. В 6.30 утра, когда уже рассвело, вахтенный «Уорда» заметил примерно в миле подозрительный черный предмет, следовавший вплотную за баржей, которую буксировал в Пирл-Харбор транспорт «Антарес».

Пилот патрульного самолета Уильям Таннер также усмотрел в этом нечто необычное и, снизившись, описал над «предметом» пару кругов. Приглядевшись, на мостике эсминца решили, что это рубка подводной лодки невиданной в американском флоте конструкции. На мостик был вызван капитан-лейтенант Уильям Аутбридж, которому сообщение показалось чрезвычайно важным. После 14 лет службы в военно-морских силах он первый день командовал кораблем, серьезно относился к вверенному ему делу и к себе.

Едва взглянув на подозрительный предмет, Аутбридж скомандовал полный ход. Инструкция предписывала атаковать любую подводную лодку, находящуюся в пределах оборонительной зоны без эскорта. На эсминце сыграли боевую тревогу. Младший лейтенант Уильям Таннер по-своему истолковал действия «Уорда». Он заключил, что под-

водная лодка оказалась в запретной зоне из-за аварии, а эсминец спешил ей на помощь. Чтобы помочь эсминцу не потерять место лодки, терпящей бедствие, Таннер сбросил рядом с ней пару дымовых бомб. Больше он ничем не мог помочь гибнущим людям. Когда до рубки лодки осталась какая-нибудь сотня метров, Аутбридж приказал открыть огонь. Первый снаряд, выпущенный в 6.45 утра, пролетел мимо, второй — с расстояния в 50 метров угодил в основание рубки. Через несколько мгновений «Уорд» прошел рядом с лодкой, а когда она оказалась под кормой, сбросил четыре глубинные бомбы. Гигантский фонтан воды и пены поднялся как раз на том месте, где только что была лодка.

В воздухе Таннер в недоумении наблюдал за действиями «Уорда». Кто прав? По-видимому, на борту эсминца знали лучше, и патрульный самолет последовал примеру, также сбросив глубинные бомбы. Выполнив требования инструкции и доложив об этом по радио, Таннер продолжил полет. После минутного раздумья младший лейтенант твердо решил, что потоплена американская подводная лодка. Последствия — военный суд и все прочее — живо встали перед его мысленным взором. Таннер стал обдумывать вопрос, как жить после позорного увольнения из военной авиации.

Аутбридж знал, что с патрульных кораблей часто поступали ошибочные донесения об обнаружении подводных лодок. Виновником иногда оказывался кит или «еще что-нибудь в этом роде»³¹. Поэтому, послав первое донесение об атаке подводной лодки, он вслед за ним в 6.55 направил другое: «Атаковали, обстреляли и сбросили глубинные бомбы на подводную лодку, находившуюся в запрещенном районе». Этим он хотел подчеркнуть, что с «Уорда» видели цель. Тут Аутбридж увидел большой белый сампан, прокравшийся в запретный район. Случалось и раньше, что рыбаки нарушали границы зоны. «Уорд» устремился к сампану.

Шкипер-японец застопорил машину и замахал белым флагом. Все это озадачило Аутбриджа: формальная сдача, хотя не было войны. Рыбаки, очевидцы недавних храбрых действий «Уорда», по-видимому, просто испугались за свою жизнь. Капитан эсминца был короток на расправу. Аутбридж приказал сампану следовать за ним, но в 7.03 был установлен гидроакустический контакт с еще одной

подводной лодкой. «Уорд» атаковал глубинными бомбами обнаруженную цель. После взрывов пяти бомб на поверхности растеклось масляное пятно. Доложив о новых подвигах, эсминец вернулся к сампану. День начинался хлопотно. Аутбридж просил по радио штаб 14-го военно-морского округа ожидать от него дальнейших сообщений и прислать подкрепление.

В 7.12 первое донесение Аутбриджа попало к дежурному офицеру по военно-морскому округу Каминскому. Он доложил об этом начальнику штаба округа, последний предложил Каминскому проверить сообщение и информировать дежурного по штабу командующего флотом и другие инстанции, а сам соединился с начальником округа адмиралом Блохом. В штабе флота, получив сообщение Каминского, обсудили его и решили осведомиться, знает ли об этом Блох и что сделано в связи с докладом Аутбриджа. В этот момент оперативный офицер патрульной авиации передал в штаб флота робкое донесение Таннера о потоплении подводной лодки. Стали выяснять, об одной или двух лодках идет речь и где, собственно, находятся американские подводные лодки, и т. д.

Неразбериха нарастала, иные начальствующие лица еще спали, и дежурным приходилось сначала говорить с их женами. В оперативной комнате патрульной авиации было высказано предположение, что вообще не было никакой подводной лодки, а по ошибке перехвачено сообщение об очередном учении. Еще больше перешагивало внесло донесение «Уорда» о задержанном сампане. Если «Уорд» сражается с подводными лодками, то при чем тут сампан? Наконец дежурного по штабу флота осенило: не лучше ли сообщить обо всем Киммелю, что он и сделал в 7.40. С командующим связаться оказалось легко: адмирал всецело принадлежал службе. Киммель приказал затребовать от капитана «Уорда» подробное объяснение, предупредив, что он будет ждать у телефона³². В 7.51 эсминец «Монагхэн», стоявший в Пирл-Харборе, получил приказ выйти в море и связаться с «Уордом».

В это воскресное утро служебным инструкциям следовали и на передвижной радиолокационной станции на горе Опана, что на самой северной оконечности острова Оаху. Там с 4 до 7 утра 7 декабря дежурили рядовые Джозеф Локкард и Джордж Эллиот. Станция позволяла вести наблюдение на расстояние до 150 миль. Станция, находив-

шиеся в распоряжении армии, только осваивались и обычно работали главным образом в учебных целях с 7 утра до 4 часов дня. После предупреждения из Вашингтона 27 ноября генерал У. Шорт приказал повысить бдительность и часы работы станций изменились — с 4 до 11 утра, ибо коварный враг нападает обычно на рассвете. На выходной день было сочтено достаточными три часа — с 4 до 7 утра. Впрочем, изложенные важные соображения не были доведены до персонала, обслуживавшего радиолокационные установки, солдаты и сержанты простодушно полагали, что часы работы станций ограничены из-за боязни износа оборудования.

Все радиолокационные станции были связаны с информационным центром в форту Шафтер. Утром 7 декабря в центре находилось несколько рядовых, которые по получении сообщений о самолетах на планшетах-построителях вели прокладку их курса. Единственный офицер среди них лейтенант Кермит Тайлер в сущности был лицом посторонним. Его послали для прохождения практики в качестве офицера связи от истребительной авиации. Однако никого из тех, кто бы мог обучать лейтенанта в воскресенье, в центре не было. И Тайлер в 4 часа утра заступил на учебное дежурство, которое по причинам, известным только в армии, должно было закончиться в 8 утра. Ведь станции, как известно, прекращали работу в 7.

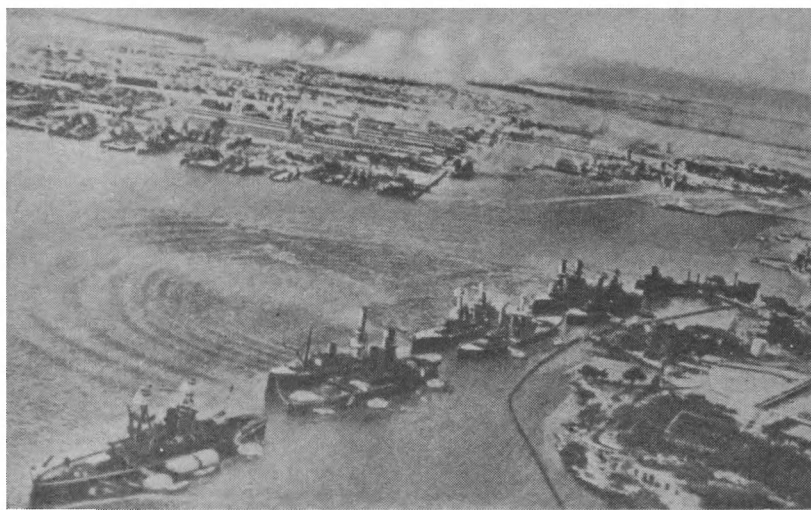
Именно в этот час Локкард и Эллиот должны были включить свою установку, запереть станцию и отправиться завтракать в лагерь. Но грузовика, обычно отвозившего солдат, что-то не было видно. Они решили потренироваться. В 7.02 Локкард проверил настройку и убедился, что основные импульсы дwoятся. Сначала он подумал, что приборы расстроились. Беглая проверка показала, что станция в порядке. Тогда они поняли, что на расстоянии 136 миль летит большая группа самолетов. Представился прекрасный случай для учебы — такой крупной цели им никогда не приходилось видеть. Локкард поручил новичку Эллиоту прокладывать их путь на планшете, сам устроился у индикатора. Они получили пеленг, дистанцию и координаты, определив место цели.

Эллиот заметил, что неплохо было бы доложить о самолетах в информационный центр. Им двигали самые добрые побуждения, обычные у молодого солдата: могло случиться так, что самолеты обнаружат армию и флот, а

поскольку неизвестно, чьи они, возникает путаница. После недолгих препирательств Локкард согласился и Эллиот позвонил в информационный центр. Было 7.15. К этому времени Тайлер остался вдвоем с дежурным телефонистом. Ровно в 7 утра все остальные сложили приборы и документы и ушли завтракать. Звонок оператора с горы Опана «об обнаружении такой крупной цели, какой он никогда не наблюдал на экране радиолокатора», никого не застал.

Дежурный телефонист предложил Тайлеру оторвать планшетистов от завтрака: им никогда еще не приходилось вести такую большую цель. Тайлер рассудил иначе. Он вспомнил, что всю ночь радиостанция Гонолулу передавала гавайскую музыку. Его сослуживец как-то объяснил, что это делалось тогда, когда из США на Гавайи перегоняли бомбардировщики «Б-17» и станция служила им радиомаяком. По-видимому, и на этот раз летели бомбардировщики. Поэтому Тайлер со спокойной душой попросил передать на Опану не беспокоиться. Локкард и Эллиот оказались настойчивыми, они потребовали к телефону Тайлера, которому длинно стали рассказывать об обнаруженных целях. Тот оборвал малопонятные объяснения, изобиловавшие техническими терминами, коротким: «Не беспокойтесь об этом». Рядовые сочли благоразумным не идти дальше в споре с офицером, а занялись прокладкой курса. Они заранее гордились прекрасными записями данных о полете самолетов. В 7.39 в 20 милях от острова цель была потеряна в зоне непроходимости волн: мешали возвышенности. Локкард и Эллиот выключили станцию и, захватив с собой записи, чтобы похвастаться перед солдатами своей полуроты, вышли на дорогу. В 7.45 пришел грузовик и с приятным сознанием выполненного долга они отправились в лагерь.

Как раз в эти минуты Мицуо Футида также думал о том, чтобы наилучшим образом выполнить свой долг. В 7.40 его тревогам пришел конец — в разрывах облаков появилась белая полоса приборя — северное побережье Оаху. Земля открылась в точно рассчитанное время: через час сорок минут с момента вылета. Трудный полет заканчивался. Все это время они шли на высоте трех тысяч метров над плотными облаками, не видя океана. Слева по борту ослепительно сияло солнце, внизу бескрайняя снежная равнина облаков. Никаких ориентиров. Футида настроился на волну радиостанции Гонолулу и использовал ее как

Американские линкоры в гавани. Снимок с японского самолета

приводной маяк. Сообщение диктора о погоде оказалось необычайно полезным: «разорванная облачность... главным образом над горами... высота 1500 метров, видимость хорошая». Лучшего руководства для атаки не требовалось.

Итак, подходить с запада, с востока будет мешать облачность над горами. Футида в последний раз оглядел в строю ведомые им самолеты. Все были в сборе. 48 бомбардировщиков непосредственно следовали за самолетом Футиды. Справа и ниже шли 40 торпедоносцев под командованием капитана III ранга Мурата, левее и выше — 51 пикирующий бомбардировщик капитана III ранга Такахаши; 43 серебристых истребителя капитана III ранга Итая уже ушли вперед, чтобы встретить в случае необходимости противника.

По плану предусматривалось два варианта атаки: в условиях внезапности и при утрате ее. В первом случае начинали торпедоносцы, затем вступали в действие бомбардировщики и завершали удар пикировщики, а истребители обеспечивали прикрытие. В штабах надеялись, что при таком порядке выхода на цель дым от бомбардировки не помешает работе торпедоносцев. Если окажется, что внезапность утрачена, тогда первыми на аэродромы, зенитные средства армии и флота обрушатся пикирующие

бомбардировщики и истребители, которые подавят сопротивление. Только после этого торпедоносцы и бомбардировщики атакуют корабли. На приборной доске каждого самолета была укреплена небольшая фотография Пирл-Харбора с воздуха. На ней указывались секторы действий каждой эскадрильи. Для изготовления этого ценного руководства не потребовалось больших усилий. Незадолго до начала войны японские агенты купили фотографии в магазине сувениров в Гонолулу. Цена — один доллар комплект³³.

В 7.49, когда самолеты первой волны вышли на видимость Пирл-Харбора, Футида внимательно осмотрел в бинокль гавань. Все восемь линкоров на месте, но авианосцев не видно. Впрочем, времени на раздумья и сожаления не оставалось. Футида по радио отдал приказ атаковать, затем достал ракетницу и выстрелил в воздух черную ракету, указывая порядок атаки — в условиях внезапности. Подчиняясь приказу, пикирующие бомбардировщики стали набирать высоту, а торпедоносцы круто снизились. Только группа истребителей не реагировала: пилоты не заметили сигнала.

Футида выпустил вторую ракету, теперь ее увидели не только истребители, но также и летчики пикирующих бомбардировщиков, которые сочли, что она означает утрату внезапности. В этом случае им предстоялась честь начать атаку. Ломая тщательно отработанный план, пикирующие бомбардировщики устремились к целям одновременно с торпедоносцами. Но теперь это не имело никакого значения, в воздухе не было видно ни разрывов зенитных снарядов, ни американских истребителей. Футида был уверен в успехе; в 7.53, еще до того как первая бомба упала на Пирл-Харбор, он передал по радио на «Акаги» условный сигнал «Тора» — внезапная атака удалась.

На берегу и кораблях многие заметили подход и развращивание серебрястых самолетов. Лейтенант Кермит Тайлер поспешил из помещения на воздух, чтобы посмотреть на «учение морских бомбардировщиков над Пирл-Харбором». Эсминец «Хэлм» был единственным кораблем, находившимся в движении в этот момент; он проходил главный фарватер. Когда торпедоносцы, следуя от входа в гавань, пролетали в какой-нибудь сотне метров от корабля и один из них случайно покачал крыльями, рулевой Хэндлер приветливо помахал в ответ рукой.

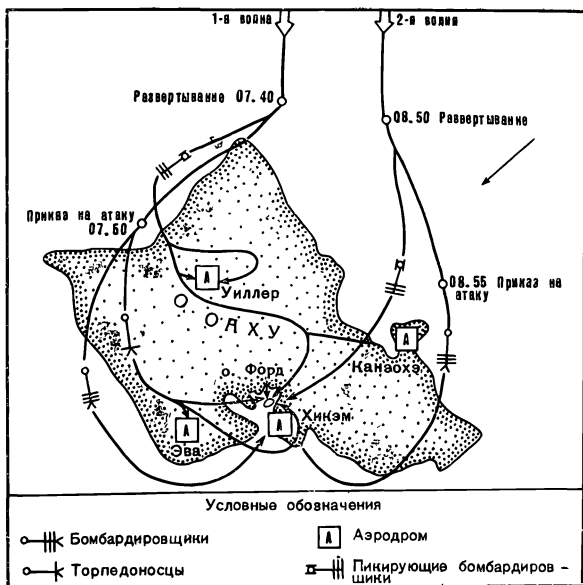
На линкоре «Калифорния» старослужащий авторитетно разъяснил любопытным желторотым резервистам, задравшим носы к небу: «Должно быть, к нам в гости пожаловал русский авианосец. Видите, вот прибыли самолеты с него, на них ясно видны красные круги»³⁴.

Каждый день в 7.55 на кораблях в Пирл-Харборе начиналась короткая торжественная церемония. В эту минуту на водокачке морской базы появлялся синий «подготовительный» флаг, все корабли в гавани повторяли сигнал. В 8.00 одновременно на кораблях спускались «подготовительные» флаги, на носу поднимался гюйс, а на корме — государственный флаг США. На небольших кораблях, приветствуя флаг, разливались трели свистков боцманов, с кораблей побольше раздавались звуки горнов, а на линкорах сияла медь духовых оркестров — там играли государственный гимн.

7 декабря в 7.55, как заведено, моряки были поглощены своим ритуалом. На палубах, окончив в 7.45 завтрак, собирались экипажи. Офицеров, кроме вахтенных, было мало, иные еще спали, другие завтракали — офицеры могли завтракать до 8.30. Капитаны пяти линкоров и половина офицерского состава ночевали на берегу. У некоторых зенитных орудий находились плохо подобранные и малочисленные зенитные расчеты. На многих кораблях матросы собирались съехать на берег и наиболее предусмотрительные, чтобы сократить томительную процедуру воскресной утренней проверки, уже открыли двери и люки в водонепроницаемых переборках.

В 7.55, едва отзвучали звуки горна, возвещавшие начало церемонии подъема флага, гавань наполнилась шумом моторов. С разных направлений группы самолетов непривычной конструкции пикировали на остров Форд, другие, летя низко над водой, направлялись к кораблям. Дежурный офицер патрульной авиации на острове Форд все еще ломал голову, пытаясь установить место, где «Уорд» потопил подводную лодку, когда рев самолета, идущего на бреющем полете, сорвал его с места. Он выскочил из дома, чтобы заметить номер и наказать воздушного хулигана. В лицо ему ударил горячий воздух, оглушил грохот: самолеты с красными кругами на крыльях бомбили аэродром

Подход японских самолетов на Оаху

патрульной авиации. Сначала многие решили, что командование флота устроило маневры в условиях, приближающихся к боевым, а для большей реальности на самолетах даже нарисованы опознавательные знаки вероятного противника.

Заблуждение продержалось несколько мгновений — с самолетов полетели торпеды и начали рваться у бортов линейных кораблей. Пять из них стояли попарно: «Оклахома» — пришвартованный к борту «Мэриленд», «Вест-Вирджиния» — к борту «Теннесси», плавучая мастерская «Вестал» — к борту «Аризоны»; «Невада» и «Калифорния» стояли поодиночке, а флагман флота линкор «Пенсильвания» с двумя эсминцами занимали сухой док. На «Неваде» в момент начала полета оркестр играл государственный гимн. Торпедоносец, сбросивший торпеду в «Аризону», пронесся над палубой «Невады». Хвостовой стрелок увидел оркестр, о палубную броню лягнула крупнокалиберная очередь, полетели щепки настила. Музыканты съежились, но доиграли гимн. Затем, бросив инструменты, они разбежались по укрытиям.

В Пирл-Харборе поняли, что происходит. Прозвучали истерические команды, расчеты бросились к зенитным орудиям и пулеметам. В 7.58 радиостанция штаба передала о налете японской авиации на Пирл-Харбор, в 8.00 об этом сообщили всем кораблям в море. Зенитный огонь, хотя и усиливался с каждой минутой, был плохо организован. На многих кораблях боевые погреба оказались под замком, не было времени найти ключи — приходилось ломать двери.

Вся ярость атаки сосредоточилась на линейных кораблях. Через восемь минут после попадания первой торпеды линкор «Оклахома» перевернулся. Вода беспрепятственно распространялась через открытые люки. На поверхности остались только правый борт и часть киля. Корабль уткнулся мачтами в дно. Сотни человек оказались в ловушке. (Через несколько месяцев линкор был поднят и было обнаружено около четырехсот трупов.) «Вест-Вирджиния», получив несколько торпед, загорелся и сел на дно на ровном киле. «Калифорния» пошел ко дну прямо у пирса. В 8.10 раздался страшный взрыв: бомба, по-видимому, попала в носовые боевые погреба «Аризоны». Вверх на 300 метров взметнулся столб огня и дыма. В одно мгновение корабль превратился в груды металлолома. Погибло 1102 человека.

С горы Макалага, где находились виллы командного состава, было отлично видно происходившее. Адмирал Киммель со двора своей виллы наблюдал за началом японского нападения. Жена адмирала Блоха, стоявшая рядом с ним, заметила: «Похоже, что они накрыли Оклахому!». «Сам вижу», — огрызнулся флотоводец.

В спальне дома через улицу — там жил начальник разведки флота — его жена обнаружила исчезновение мужа. Она выглянула в окно: разведчик в пижаме, но с биноклем, пытался рассмотреть, что происходит в гавани. Жена спросила: «Почему самолеты флота не сделают чего-нибудь?» Капитан рявкнул: «Почему самолеты армии не делают чего-нибудь?»

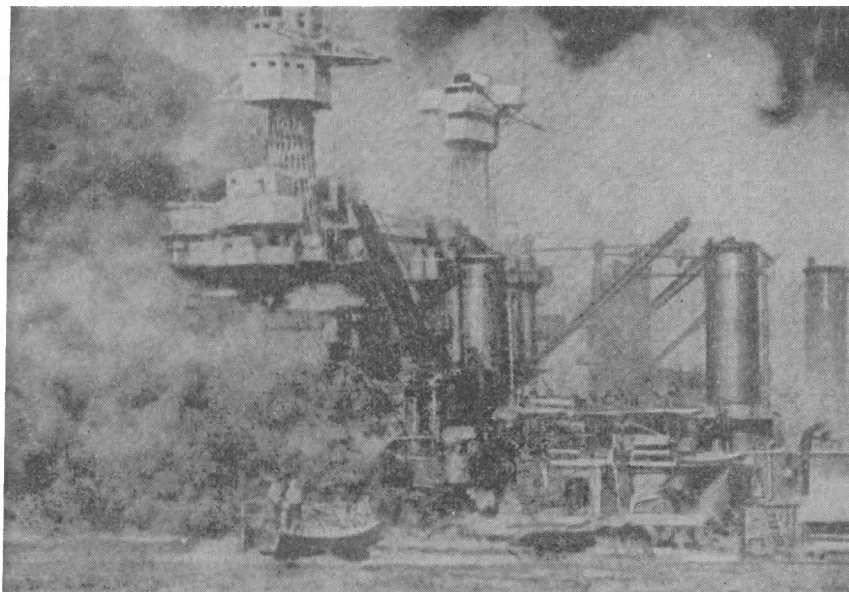
В этот момент с улицы донесся шум: за Киммелем прислали автомобиль. На ходу завязывая галстук, он нырнул в машину, начальник разведки успел вскочить за ним. Когда машина двинулась, на подножку прыгнул командир дивизиона подводных лодок. В 8.10 Киммель был на своем командном пункте, откуда оказалось несравненно удобнее наблюдать за разгромом флота.

Из восьми линейных кораблей только «Невада» дал ход во время нападения на Пирл-Харбор. Обычно линкору требовалось два с половиной часа, чтобы поднять пары, а для выхода в море использовались четыре буксира. Для обслуживания нужд корабля на стоянке работал один котел, но на этот раз незадолго до налета был разожжен другой, чтобы подменить первый. Это дало возможность через 45 минут после появления японских самолетов сделать попытку выйти из гавани. Корабль, хотя и поврежденный бомбами, хорошо слушался руля. Офицер, принявший командование в отсутствие капитана, надеялся, что удастся выйти в открытое море. Громадный корабль, непрерывно отбивавший атаки и искусно маневрировавший в тесной гавани, привлек всеобщее внимание. Особенно восхищался капитан землечерпалки, стоявшей на выходе из порта. От него требовали, чтобы он убирал трубопровод, когда линкоры входили или выходили из Пирл-Харбора. Капитан всегда утверждал, что они могли пройти, если бы только захотели.

Когда линкор вошел в фарватер, японские летчики обрушились на «Неваду» с удвоенной яростью — представилась прекрасная возможность затопить его и закупорить вход в Пирл-Харбор. Цель японцев стала ясна и тем, кто был на берегу. «Неваде» был дан приказ очистить фарватер. Повинуясь ему, командовавший офицер посадил корабль на грунт напротив мыса Госпитальный. Несмотря на то, что при попытке выйти из Пирл-Харбора линкор получил новые попадания бомб и торпед и теперь плотно сидел на мели, расчеты зенитных установок продолжали вести огонь.

Линкоры «Мэриленд» и «Теннеси» пострадали меньше. Оба стояли у стенки, защищенные со стороны гавани другими линейными кораблями. Поэтому они оказались неуязвимыми для японских торпед. В «Мэриленд» попала одна бомба, а другая причинила повреждения, взорвавшись у борта. В «Теннеси» также попала одна бомба.

Линкор «Пенсильвания» вместе с двумя эсминцами «Кессин» и «Даунс» находился в сухом доке. Вода из дока была выкачана, корабли опустили, и высокие стенки дока очень затрудняли обзор — самолеты появлялись внезапно. Все эти трудности быстро понял крановщик подвижного крана, гражданский рабочий Джордж Уолтерс. Он решил внести свою лепту в отпор дерзкому врагу. Сидя в

«Вест-Вирджиния» горит

будке крана на высоте 15 метров, Уолтерс видел приближающиеся на бреющем полете самолеты и передвигал свой кран по рельсам вдоль стенки дока так, чтобы преградить им путь. Естественно, что такого рода противовоздушная оборона большого успеха иметь не могла, а постоянное перемещение крана вызвало сначала бешенство у зенитчиков на палубах кораблей в доке. Однако они очень скоро оценили его действия: движение крана по крайней мере показывало, откуда появится очередной японский самолет. Уолтерс, однако, не успел стать общепризнанным героем — взрыв бомбы лишил кран подвижности. Линкор практически не пострадал, эсминцы выведены из строя.

Очень плохо пришлось старому линейному кораблю «Юта», давно разоруженному и использовавшемуся флотом в качестве плавучей мишени на учениях. Чтобы защитить корабль от учебных бомб, его палуба была покрыта толстыми деревянными брусками. «Юта» стоял отдельно от остальных линейных кораблей, а его палуба имела необычный вид. Некоторые японские летчики решили, что перед ними авианосец и серьезно занялись кораблем. На него обрушился ливень бомб и торпед. Немногочисленный экипаж корабля-мишени, привыкший к учебным бомбардиров-

кам и обстрелам, сохранил завидное присутствие духа. Под огнем японских самолетов люди организованно покинули корабль. «Юта» в результате попадания торпед перевернулся. Три легких крейсера — «Хелена», «Гонолулу» и «Рэлей» — получили довольно серьезные повреждения, а эсминец «Шоу» пострадал при пожаре.

Всего утром 7 декабря японская авиация нанесла следующие потери американскому тихоокеанскому флоту: пять линкоров потоплены, три повреждены. Выведены из строя, но остались на плаву три легких крейсера, сильно пострадали три эсминца. Повреждены или потоплены четыре вспомогательных судна, включая «Юта». Всего 18 кораблей*, не считая затопленного сухого дока № 2.

В разгар налета авиации дали о себе знать японские подводные лодки. В 8.17 с эсминца «Хэлм», полным ходом вырвавшегося из Пирл-Харбора, внезапно увидели рубку подводной лодки. Эсминец немедленно открыл огонь. Рубка скрылась, а в штаб было послано предупреждение об опасности подводных лодок. В 8.30 появилась еще одна подводная лодка, на этот раз внутри гавани. Лодка успела выпустить обе торпеды, но они не нашли целей. Эсминец «Монагхэн» обстрелял, таранил, атаковал ее глубинными бомбами и в боевом азарте выскочил на берег. На этом закончилось участие японского подводного флота в боевых действиях.

Две сверхмалые подводные лодки были потоплены, две пропали без вести, а пятая — под командованием Сакамаки — весь день 7 декабря безуспешно пыталась пробраться в Пирл-Харбор. Через перископ подводники видели налет авиации и горели желанием оказаться в центре событий. Но лодка несколько раз натыкалась на рифы, оба торпедных аппарата были повреждены. Моряки поклялись, что когда они прорвутся в гавань, то направят лодку к линейному кораблю, предпочтительно «Пенсильвании», и взорвутся вместе с ним. И этот замысел осуществить не удалось: суденышко плохо поддавалось управлению, а в конце концов застряло на рифе. Подводники попытались вплавь добраться до берега, доплыл один Сакамаки. На пляже он упал без сил, а когда очнулся, увидел винтовку стоявшего над ним американского солдата. В Токио десять членов

* Впоследствии большинство кораблей было вновь введено в строй. Не удалось восстановить линкоры «Аризона», «Оклахома», корабль-мишень «Юта», эсминцы «Кессин» и «Даунс».

экипажей сверхмалых подводных лодок были посмертно повышены в чине, о судьбе Сакамаки, первого японского военнопленного, еще не знали. Кроме того, одна большая подводная лодка была потоплена у входа в Пирл-Харбор.

Одновременно с ударом по кораблям был совершен налет на аэродромы. По японским подсчетам, на Гавайских островах было по крайней мере 900 самолетов³⁵, в действительности их было почти в три раза меньше. Самолеты на аэродромах представляли собой удобную и заманчивую цель — по приказу генерала У. Шорта они во избежание диверсий стояли группами на открытых местах. Так было на аэродромах Хикэм и Эва, около Пирл-Харбора, на аэродроме Уиллер — базе истребительной авиации в центре Оаху и других. На базе морской авиации в Канэохэ, расположенной в восточной части Оаху, гидросамолеты ровными рядами покачивались на якорях.

Уже в первые секунды внезапная атака внесла страшное опустошение. Японские бомбардировщики бомбили самолеты с пикирования и бреющего полета, а истребители штурмовали аэродромы и находившиеся вблизи здания. Вскоре самолеты, стоявшие на рулежно-подходных дорожках, представляли собой костры, на базе Канэохэ гидросамолеты тонули или горели в ангарах.

В 8.00 к Оаху подошли 12 бомбардировщиков «Б-17» под командованием майора Лондона, совершившие 14-часовой перелет из Сан-Франциско (для тех времен громадное расстояние), и горючее было на исходе. Самолеты прибыли из Калифорнии облегченными: с них сняли вооружение, броню и сократили количество членов экипажей. В первый момент, когда американские летчики увидели множество самолетов, снующих в небе над аэродромами, они решили, что местные авиаторы приготовили им торжественную встречу. Истребители начали пристраиваться в хвост бомбардировщикам. Американские пилоты, расстегивая спасательные пояса, разве дивились многочисленному эскорту. Через несколько мгновений пулеметный огонь с «эскортирующих» самолетов открыл им глаза на истинное положение вещей.

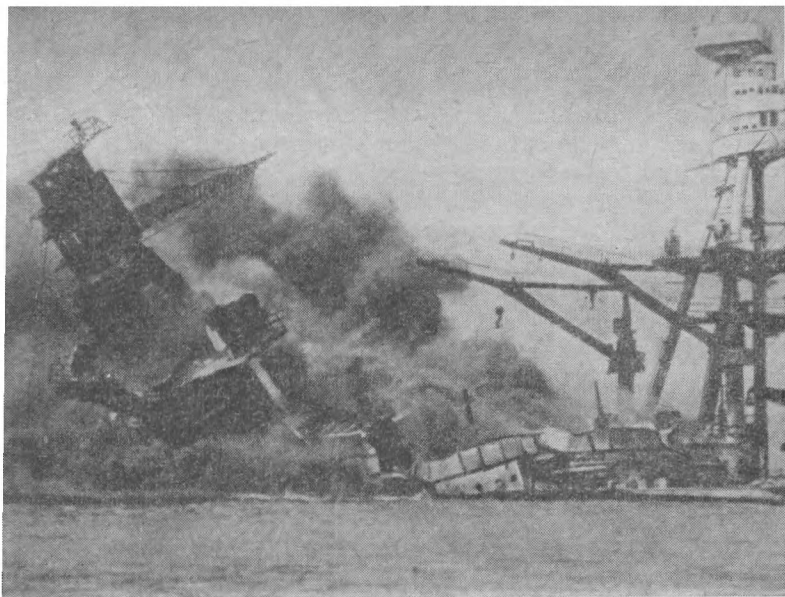
Лондон запросил контрольную башню на аэродроме Хикэм о порядке посадки. Ему спокойно сообщили все

необходимые данные, а когда бомбардировщик снижался на взлетно-посадочную полосу, невозмутимо добавили, что на хвосте его машины висят три японских истребителя. Под аккомпанемент пулеметных очередей, бивших по обшивке, бомбардировщик Лондона совершил посадку среди полыхающих на земле самолетов. Несколько машин «Б-17» также приземлились в Хикэме, а остальные пытались найти места поспокойнее, но все аэродромы на Оаху были под огнем. Где бы ни появлялись «Б-17», их неизменно обстреливали японские истребители как в воздухе, так и на земле. Некоторые бомбардировщики были серьезно повреждены. Японские летчики чисто профессионально отметили живучесть этих машин.

С земли было трудно разобрать, что происходит в сумятице воздушного боя. Адмирал Пай, спешивший к месту службы, обратил внимание своего спутника адмирала Лири: «Смотрите, они умудрились написать «Армия США» на своих самолетах». Над ними пролетел бомбардировщик «Б-17» в огненном кольце японских истребителей.

На аэродромах стреляли все, кто только смог найти оружие, — из пулеметов, винтовок и даже пистолетов. Но неорганизованный огонь не причинял видимых потерь японским самолетам. Немногие американские летчики, поднятые с постели налетом, сумели добраться до аэродромов, еще меньше нашли самолеты, пригодные к полету, и лишь десятку из них удалось подняться в воздух. Среди них героями американской авиации оказались лейтенанты Джордж Уэлч и Кен Тайлор. Ночь на воскресенье юноши провели без сна на танцах и за карточным столом. На рассвете они держали военный совет: что лучше, лечь спать или сначала выкупаться в море. Уэлч убедил приятеля, что нет ничего полезней утренних купаний. Налет застал их в дороге — лейтенанты ехали в Халейву, там был небольшой аэродром, на котором стояла их эскадрилья. В Халейве не было никого из начальствующего состава, командир эскадрильи майор Остин охотился на оленей. Уэлч и Тайлор взлетели в воздух и вступили в бой в районе аэродрома Уиллер. Они сбили семь японских самолетов из одиннадцати уничтоженных в воздушных боях над Оаху утром 7 декабря. На аэродромах же Пирл-Харбора было уничтожено 188 и повреждено 128 американских самолетов.

В 8.00 к Пирл-Харбору приближались двумя группа-

Пожар на «Аризоне» после взрыва

ми 29 самолетов с авианосца «Энтерпрайз». Корабль находился в 200 милях от Оаху и должен был прийти позднее. Как обычно, авианосец выслал вперед патрульные самолеты, которые, завершив полет, приземлялись на аэродроме Уиллер. На этот раз у Пирл-Харбора американцев встретили японские истребители и ожесточенный зенитный огонь собственного флота. Зенитчики сбили 10 самолетов из 16 уничтоженных ³⁶.

Японские самолеты второй волны, начавшие действовать в 9 часов, натолкнулись на плотный огонь флота и зенитных средств с берега. Соответственно распределились и потери. Всего японская авиация от огня зенитной артиллерии и в воздушных боях потеряла утром 7 декабря 29 самолетов: 9 в первой волне и 20 во второй.

Силу зенитного огня испытали и жители Гонолулу. В горячке боя, когда с раскаленных стволов орудий ключьями свисала краска, артиллеристы не следили за направлением снарядов. Во время налета в городе раздалось сорок взрывов, вызвавших человеческие жертвы и причинивших ущерб в 500 тыс. долларов. Собравшиеся у трупов, а среди убитых была 13-летняя девочка, проклинали японских варваров, попирающих законы войны. Последующее

расследование показало, что лишь один из сорока взрывов был взрывом японской бомбы — у городской электростанции, остальные — дело рук зенитчиков флота ³⁷.

В 9.45 все было кончено. Отбомбившись и израсходовав боеприпасы, самолеты второй волны повернули обратно. Еще с полчаса над Пирл-Харбором висел в воздухе одинокий самолет с красной и желтой полосами на хвосте. Мицуо Футида определял размеры ущерба. Дым от пожаров мешал наблюдению, но ему удалось сделать несколько удовлетворительных снимков гавани. Разрушения и потери на аэродромах было определить труднее, однако в воздухе не было видно ни одного американского самолета, и это давало ответ. Затем Футида направился к месту сбора, чтобы убедиться, что там не задержались самолеты, — истребители не имели радиопередатчиков и их следовало вести назад к авианосцам. Действительно, в воздухе бесцельно кружились два истребителя. Они пристроились к самолету Футида и легли на обратный курс.

Все японские самолеты возвращались на авианосцы, следуя прямо на север: горючее было на исходе и применить ложные пути отхода было невозможно. Зная об этом, адмирал Кусака распорядился приблизить авианосцы на 190 миль к Гавайским островам. Около 10 утра с авианосцев заметили черные точки на горизонте. Они быстро росли, и скоро воздух заполнился гулом — вернулись бомбардировщики и истребители первой волны. Машины поспешно садились — стрелки указателей горючего дрожали около нулей. Пилотов приветствовали, забрасывали вопросами. Большинство с гордостью рассказывало о своих успехах, некоторые жаловались, что их бомбы и торпеды «чуть-чуть» не попали, и умоляли разрешить еще один вылет. Хотя намерения командования не были известны, самолеты заправили горючим, зарядили оружие. Ждали лишь команды для повторного полета.

Около часа дня колеса последнего, 324-го самолета, ударились о палубу. На «Акаги» вернулся Футида. Он поднялся на мостик в разгар оживленной дискуссии, которую прервали, чтобы выслушать мнение руководителя операции. Когда Футида закончил доклад, Нагумо несколько напыщенно заявил: «Теперь мы можем заключить, что ожидавшиеся результаты достигнуты». Это было окончательное решение. Напрасно офицеры авиации пытались переубедить Нагумо, указывая, что на Оаху еще остава-

лось множество целей. Напрасно Футида предлагал повернуть на юг и искать американские авианосцы — «Энтерпрайз» и «Лексингтон». Горячие тирады летчиков прервал Кусака, беспокойно поглядывавший на небо. Он попросил разрешения Нагумо лечь на обратный курс. Нагумо разрешил. В 1.30 дня оперативное соединение полным ходом пошло на запад, к берегам Японии. Там, на базе в Куре возбужденные работники штаба Ямамото ждали дальнейших сообщений. Узнав об удаче, все единодушно считали, что будет нанесен второй удар. Молчал только Ямамото, наконец он тихо произнес: «Адмирал Нагумо собирается отступить». Через несколько минут шифровка с «Акаги» подтвердила его слова. Оперативное соединение возвращалось. Нагумо больше не хотел искушать судьбу.

Отказ японского командования от захвата Гавайских островов или даже продолжения операции послевоенные стратеги объявили одним из грубейших промахов. Так оно было и в действительности. Но вот что писал сам М. Футида в 1951 г.: «Говоря о причинах отхода Нагумо, следует остановиться на гораздо менее логичных рассуждениях, которым часто предаются после войны. Для многих казалось непонятным, почему японцы сразу не захватили Гавайские острова и ограничились ударом по Пирл-Харбору. Подобные рассуждения возникли благодаря крупному успеху, которым неожиданно закончилось наше нападение. Когда принималось решение о проведении операции, мы вовсе не были уверены в успехе. В то время мы чувствовали себя так, как если бы нам предстояло выдергивать перья из хвоста орла, и, естественно, захват Гавайских островов не входил в наши планы»³⁸.

Удар по Пирл-Харбору, являвшийся вспомогательной операцией, создал условия для успешного выполнения основного плана войны — продвижения на юг. Впрочем, и этот тезис оспаривается, по крайней мере американскими экспертами. Господствующую в военно-исторической науке США точку зрения на Пирл-Харбор профессор С. Морисон сформулировал достаточно четко: «Решение (на эту операцию. — *Н. Я.*) для человека с таким интеллектом, как Ямамото, представляется странным, ибо оно отражало не только неверную, а просто катастрофическую стратегию... Учитывая слабость флота в Пирл-Харборе (о чем он отлично знал) и длительный период времени,

который потребовался бы для подхода его в филиппинские воды, совершенно непонятно, почему Ямамото считал необходимым уничтожить флот в самом начале войны. По всей вероятности, он считал, что Япония не может допустить «существования флота» (одна из концепций Мэхана) на своем фланге, даже если этот флот находился на расстоянии тысяч миль»³⁹.

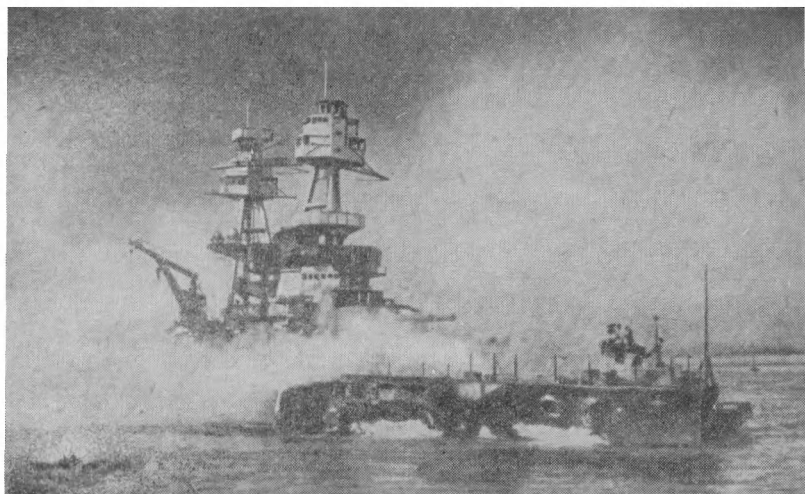
Если современникам, особенно адмиралам, считавшим, что линкоры — главная сила флота, вывод из строя восьми линейных кораблей представлялся катастрофой для США, то ретроспективный взгляд на события 7 декабря 1941 г. убеждает, что японский успех направил косное американское военно-морское мышление на правильную дорогу. Линкоры, пошедшие на дно в Пирл-Харборе, олицетворяли собой прошлый день в войне на море. Японские летчики блистательно доказали, что отныне успех сражений на океанских просторах решают авианосцы, а тяжелые корабли должны служить лишь их прикрытием. Ничтожные потери японцев по сравнению с американскими* могли убедить самых упрямых. Главное японское оперативное соединение просто не могло уничтожить Пирл-Харбор как военно-морскую базу США на Тихом океане.

Что бы ни случилось в дальнейшем, днем 7 декабря на Гавайях были твердо убеждены, что враг у порога и с минуты на минуту полчища японцев вторгнутся на острова. Уже в 9.30 на улицах Гонолулу продавалась местная газета с гигантским заголовком на первой странице: «Война! Японские самолеты бомбят Оаху!» Весь гарнизон, до последнего человека, вышел на боевые посты. Армия и флот были готовы встретить врага.

На островке Форд вырастали бастионы из мешков с песком. На «Неваде», крепко сидевшем на дне, шли приготовления к последнему бою. Отряд моряков сошел на

* Японцы потеряли 55 человек — экипажи сбитых 29 самолетов и 9 человек на сверхмалых подводных лодках. Еще несколько десятков человек погибло на большой подводной лодке. США потеряли: флот — 2008 убитыми и 710 ранеными, армия — 218 убитыми и 364 ранеными, морская пехота — 109 убитыми и 69 ранеными. Кроме того, погибло 78 человек и было ранено 35 человек среди гражданского населения. Из 2403 убитых половина погибла при взрыве «Аризоны».

«Невада» на мели

берег рыть окопы. План обороны линкора предусматривал: держаться, сколько возможно, на корабле, а затем отступить на берег и там сражаться до последней капли крови. На аэродроме Уиллер воины установили пулеметы, запаслись из разбитого склада бутылками с пивом и намеревались грудью защитить каждую пядь земли. В штабах жгли документы. Из сухого дока в гавани грозные 14-дюймовые орудия стерегли вход в Пирл-Харбор. Флагман тихоокеанского флота США линейный корабль «Пенсильвания», прочно опираясь на кильблоки, подготовился к бою. Но где враг? Японцы таинственным образом исчезли.

В штабе флота не щадили усилий, чтобы обнаружить противника. Х. Киммель подсознательно чувствовал, что противник пришел с севера, однако все время поступали сообщения о японских авианосцах, замеченных к югу от Оаху. В 9.50 он приказал адмиралу Драмелю атаковать два японских авианосца, находящихся якобы в 30 милях к юго-западу. Драмель, под флагом которого находился отряд из трех крейсеров и дюжины эсминцев — эти корабли не были повреждены во время налета, передал сигнал «сосредоточиться и атаковать». Отряд ринулся на юго-запад, но никого не обнаружил. Однако его увидел разведывательный самолет с авианосца «Энтерпрайз». Летчик решил, что он, наконец, нашел вражеские корабли.

С «Энтерпрайза» по радио передали срочное сообщение в штаб Х. Киммеля, оттуда Драмелю последовал новый приказ — искать. Отряд приступил к тщательным поискам самого себя!

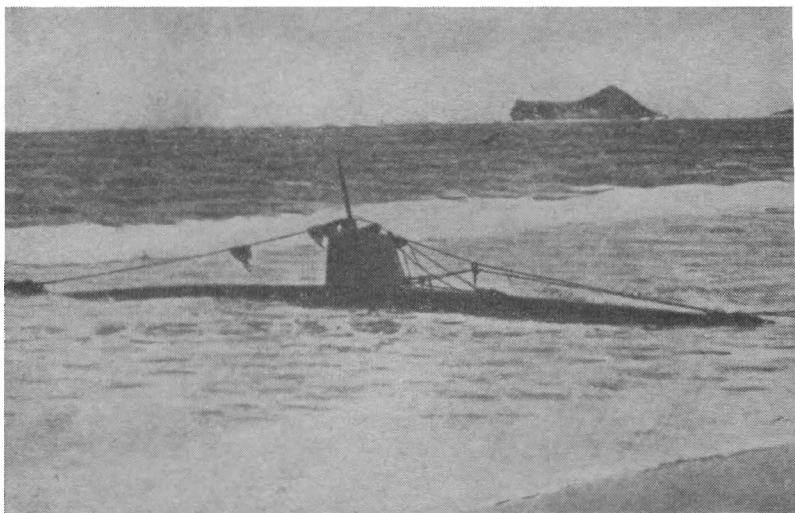
В 12.10 с Оаху вылетели девять самолетов, которые обследовали водные просторы на 200 миль к северу: но японского флота нигде не было видно. В штабе Х. Киммеля, однако, не позаботились спросить тех, кто знал. Майор Лондон тщетно пытался доложить, что когда его «Б-17» прибыл к Гавайям, японские самолеты прилетали и возвращались на север. Его не слушали. Радиолокационные установки, в том числе на горе Опана, вновь работали. Они передали в информационный центр все необходимые данные об обратном курсе самолетов. Но никому не пришло в голову запросить центр: в штабах просто забыли, что радар дает возможность проследить не только подход, но и уход самолетов.

О местонахождении врага не было ничего известно, и дикие слухи с быстротой молнии облетали Оаху.

С едким сарказмом У. Лорд пишет: «В довершение несчастий вышло указание — собрать всех говорящих по-японски. Это подсказывало самые неприятные возможности. Младший лейтенант Джон Ландрет слышал, что по радио объявили о японской высадке у Даймонд Хед. Радист Лафата со «Свона» услышал новости похуже: японцы уже взяли Уйикики.

Но, по мнению спасшихся с «Аризоны», на сборном пункте опасность исходила не с востока, а с запада — сорок японских транспортов стояли у Барбара Пойнтс. Дело обстояло куда сложнее, заметил кто-то артиллеристу Ральфу Карлу с «Теннеси», — десант высадился на пляже Уэне. Другие клялись, что японцы высадились на севере. Рабочий доков Джеймс Спагнола узнал, что все северное побережье острова было потеряно. В Шофилде лейтенанта Рой Фостера информировали, что в ближайшие полчаса последует вторжение на Шофилд и Уиллер, а сержант морской пехоты Бердет Одекирк точно знал — Шофилд пал.

Как будто морских десантов было недостаточно, распространились слухи, что японские парашютисты дождем сыпятся с небес — на побережье Нанакули на северо-западе, на поля сахарного тростника к юго-западу от о. Форд, на долину Маноа к северу от Гонолулу. Их можно узнать

Сверхмалая японская подводная лодка, выброшенная на берег

по красному солнцу, нарисованному на спине, или по красной метке над левым нагрудным карманом, или по значку красного солнца на рукаве. Во всяком случае все они носят синие комбинезоны»⁴⁰.

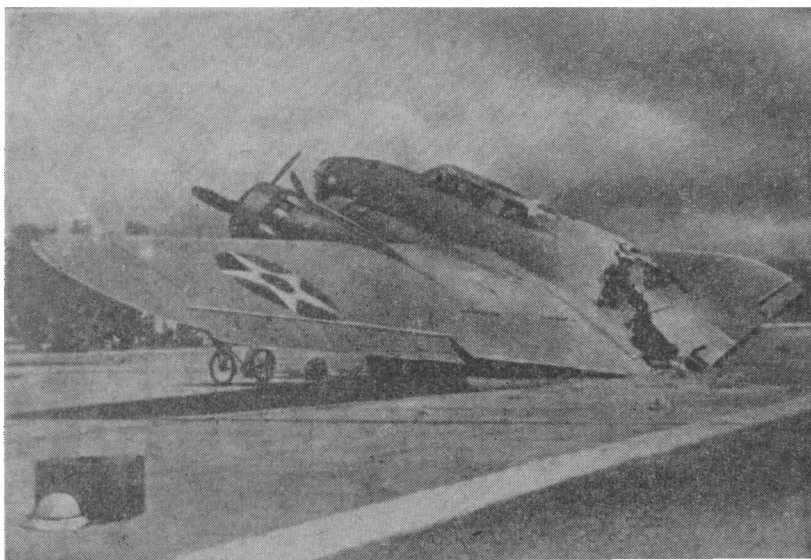
Немедленно отправлялись отряды, чтобы проверить эти сообщения и затем опровергнуть их. Громадную тревогу вызывали местные японцы. Говорили о том, что вот-вот начнется восстание. Очевидцы утверждали, будто шофер-японец на тяжелом грузовике с цистерной для молока разъезжал по аэродрому Уиллер, отбивая хвосты у самолетов, и был на месте застрелен бдительным офицером. Разнесся слух, будто японские агенты отравили источник воды у аэродрома Эва. Узнав об этом, люди, пившие воду, почувствовали себя плохо и были доставлены в госпиталь. Попытка подполковника Фрэнка Лейна опробовать воду не удалась: собачка, избранная для проверки, упорно отказывалась пить.

Жителей Оаху, японцев по происхождению, принимали за переодетых вражеских солдат. Среди местных японцев также распространился слух: американская армия, мол, перебьет всех до одного. Затем якобы планы американцев изменились: всех мужчин-японцев расстреляют, а женщин заморят голодом. Действительно, американские солдаты на каждом шагу грозили японцам оружием.

В 11.15 губернатор островов 72-летний Джозеф Поиндекстер дрожащим голосом прочитал по радио прокламацию о введении чрезвычайного положения. Он уже был смертельно напуган: зенитный снаряд разорвался рядом с его машиной по дороге, другой — залетел в здание губернаторского дворца. Не успел губернатор закончить чтение, как позвонили из штаба, приказав немедленно прекратить передачу — ожидается новый налет и самолеты используют работающую радиостанцию как приводной маяк. Молодые помощники губернатора повиновались приказу. Они, не вдаваясь в объяснения, схватили его, вытащили на улицу, стремительно посадили в машину. Шофер резко взял с места, и машина вихрем помчалась по улицам Гонолулу. Ошеломленный губернатор серьезно решил, что он допустил какую-то фатальную ошибку в передаче и арестован военными властями. В полдень на улицах Пирл-Харбора и в военных городках у аэродромов появились машины с громкоговорителями. Семьям военнослужащих приказывалось эвакуироваться без промедления. Перепуганные женщины, собрав детей и прихватив кое-какие вещи, заполняли грузовики и автобусы, свозившие их к университету в Гонолулу и зданиям школ. Там в страшной тесноте они с волнением ожидали новых ужасов.

Генерал У. Шорт, вместе со штабом обосновавшийся в глубоком туннеле склада боеприпасов в трех милях от форта Шафтер, был готов к отражению штурма. Но на островах еще не ввели военного положения, что, по мнению штаба, существенным образом подрывало боеготовность гарнизона. Из глубокого подземелья он по телефону заклинал Поиндекстера без промедления издать соответствующую прокламацию, ибо в штабе твердо знали, что армада с десантом приближается к Гавайям. Губернатор, напуганный историей с утренней передачей, не хотел больше брать на себя ответственности и решил сначала связаться с Ф. Рузвельтом. Несколько часов он умолял цензора флота разрешить разговор с Белым Домом. Наконец цензор уступил, и губернатор услышал голос президента. Рузвельт согласился, что ввести военное положение неплохо. В 16.25 Гавайские острова прокламацией губернатора были объявлены на осадном положении.

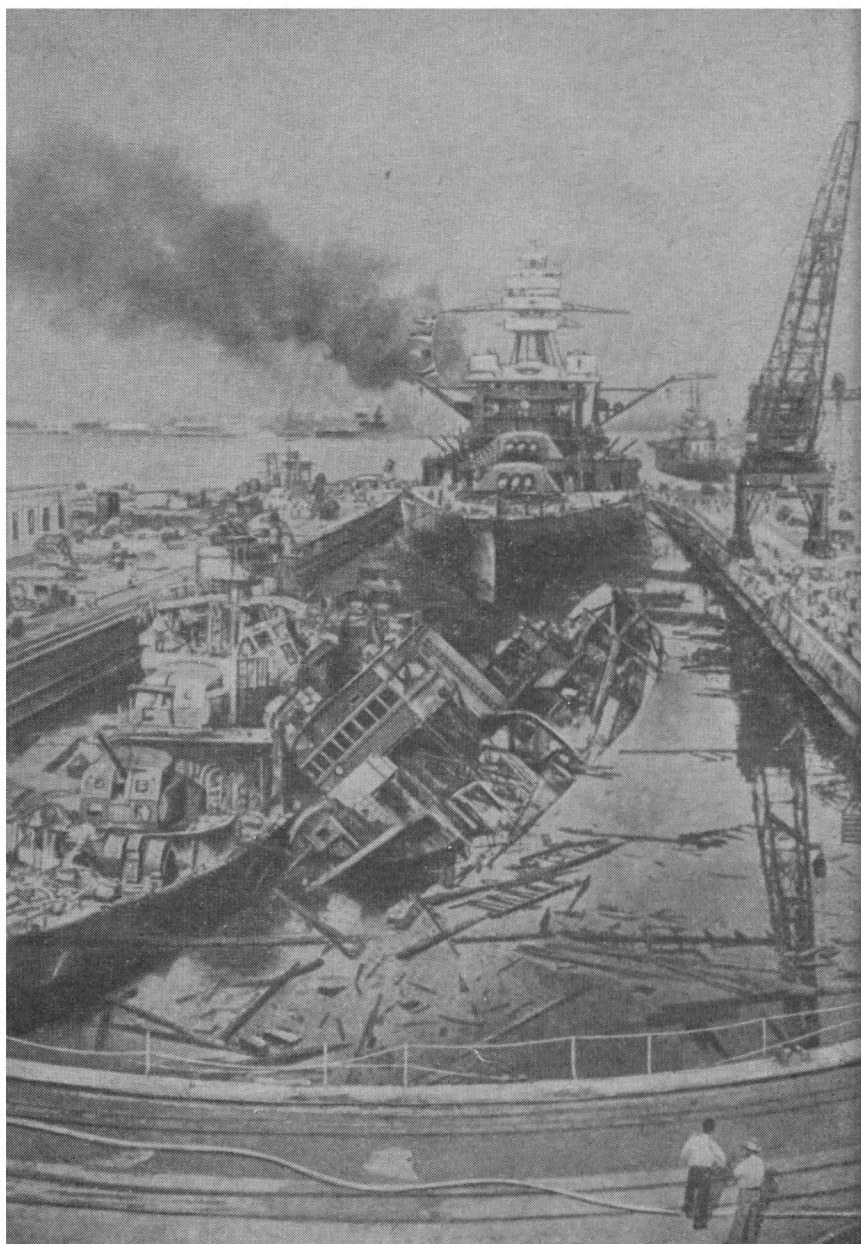
Высокая боевая готовность, установленная ныне на Оаху, повлекла за собой многие последствия. Еще в 7.33

Бомбардировщики «Б-17» на аэродроме Хикам после посадки

по гавайскому времени на радиостанции компании «Вестерн юнион» была получена из Вашингтона шифрованная телеграмма на имя генерала Шорта. Юноша-посыльный из местного японского населения Тадао Фучиками взял ее для доставки вместе с другими письмами частным лицам. Одетый в обычную форму посыльных компании, он сел на мотоцикл и отправился по адресатам. Очень скоро Фучиками понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее — взрывы, стрельба зениток, самолеты, с ревом проносящиеся над головой.

Тадао, однако, не сообразил, что, по мнению бдительных солдат и полиции, японские парашютисты выглядели именно так, как он — зеленая рубашка и брюки цвета хаки. Его останавливали на каждом углу, придирчиво проверяли документы. Потратив несколько часов, Тадао с большим трудом пробился к форту Шафтер. Результат: в три часа дня генерал Шорт держал в руках расшифрованную телеграмму, которую человек со смелым воображением мог истолковать как предупреждение о том, что Япония собирается открыть военные действия. Шорт немедленно направил копию документа Киммелю. Адмирал холодно заметил посланцу, что телеграмма не имеет никакого значения, скомкал ее и бросил в корзину под столом.

«Пенсильвания» и два эсминца в доке после налета

Когда спустилась ночь и было введено полное затемнение, начали рождаться самые мрачные слухи. Японцы-де уже высадились в США и продвигаются к Лос-Анжелосу, обе оперативные группы «Лексингтон» и «Энтерпрайз» потоплены. Настроение несколько улучшили известия, распространившиеся среди моряков: во-первых, русские бомбят Токио, во-вторых, всем уцелевшим во время налета на Пирл-Харбор будет дан месячный отпуск. То там, то здесь вспыхивала стрельба: стреляли часовые, целые подразделения вели огонь друг по другу. Солдаты 27-го и 98-го полков долго перестреливались. Наконец один раненый разразился такой бранью, по которой «противник» наверняка определил, что перед ним свои. В порту пулеметная очередь с «Калифорнии» срезала двух спасшихся с «Юты», а на Оаху было множество раненых. В полях пули нашли несметное количество мангустов, да и олени пострадали.

Полковник Фидлер во главе отряда солдат лично проверял сообщение о том, что кто-то сигналил синим светом в районе базы. Солдаты в стальных касках с примкнутыми штыками окружили подозрительное место: два фермера доили корову в условиях затемнения — при синем свете.

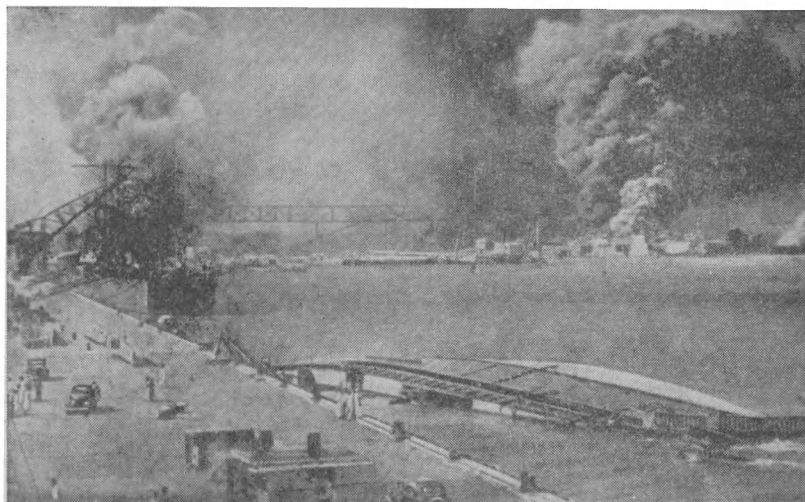
Летчики шестерки истребителей, возвращавшиеся ночью после безуспешного поиска японского флота на аэродром острова Форд, по-видимому, знали о повышенной боевой готовности. Ведущий точно договорился по радио с офицером на контрольной башне о порядке посадки. Было приказано включить бортовые огни и выдерживать установленное направление. Всем кораблям и зенитным батареям строжайшим образом приказано не открывать огня: самолеты свои. Но стоило им появиться в зоне Пирл-Харбора, как линкор «Пенсильвания», подав пример бдительности, оцетинился огнем. В одно мгновение застреляло все, что могло стрелять. Пять самолетов были тут же сбиты, три летчика успели выпрыгнуть с парашютами из горящих машин, одного из них изрешетили из пулемета, пока он плыл в гавани. Благополучно приземлился лишь один самолет: пилот стремительно спикировал на зенитную установку, ослепил светом стрелков и отвернул в сторону. Через десять минут, когда стрельба стихла, он запросил по радио инструкции о посадке. Ему было сказано: подходить на бреющем полете, не зажигать огней. Он не мог сесть как свой самолет, но успешно сделал посадку как бражеский. На кораблях боевой дух необыкновенно поднялся: наконец японцев проучили

Суровый воинский порядок воцарился на Гавайях. Везде вдоль побережья рыли траншеи. В тылу регулярных частей, занявших позиции, формировались территориальные войска. Трагическое и смешное соседствовали друг с другом. Сотни добровольцев пришли в военные госпитали. На Гавайях случился доктор Д. Морхед, известнейший американский хирург. Вместе со своими коллегами он почти не отходил от операционного стола. Когда он вышел на минутку выпить кофе, рядом оказался начальник госпиталя. Морхед шутливо заметил, что, пожалуй, он теперь военный врач. Администратор понял слова хирурга буквально, через полчаса он сунул голову в дверь операционной и прокричал, что доктор Морхед произведен в полковники медицинской службы.

Стремительно возникший Совет граждан Гонолулу организовал посильную помощь: эвакуация населения, раздача продовольствия и т. д. Солдаты второго батальона территориальных войск, только что одевшие военную форму, не знали толком, что делать. Внезапно среди групп растерянных вчерашних штатских появился подтянутый

Последствия взрыва американского зенитного снаряда на улице Гонолулу

Пожары в гавани

сержант. Он прибыл в военной машине с широкими полномочиями — сколотить крепкий батальон. Солдаты охотно подчинились. Сержант сумел раздобыть все необходимое — оружие, снаряжение. Он месяц самоотверженно работал с батальоном, пока не попался на краже виски из магазина. Выяснилось, что он был солдатом, сбежавшим с гауптвахты утром 7 декабря. Он начал с кражи формы сержанта и автомобиля, а затем вступил в командование батальоном.

Все эти тревожные дни на островах напряженно ждали японского вторжения. Его дождались только немногочисленные обитатели крошечного островка Ниихау, самого западного в группе Гавайских островов. Ниихау принадлежал богатой семье Робинсонов, которые стремились сохранить островок в таком виде, как они представляли Гавайи в далеком прошлом. Раз в неделю на Ниихау приходил с ближайшего острова, лежавшего в двадцати милях к востоку, катер с припасами. Иных связей с Гавайями жители Ниихау, обслуживавшие скотоводческое ранчо, устроенное Робинсонами на острове, не имели.

Однако, когда около двух часов дня 7 декабря японский самолет с пулевыми пробоинами в фюзеляже и крыльях сделал вынужденную посадку на острове, жители Ниихау реагировали молниеносно. Несколько мужчин

отняли пистолет и документы у летчика и посадили его в импровизированную тюрьму. Поскольку пилот упорно отказывался говорить по-английски, простодушные островитяне прикомандировали к нему местного японца, а сами с нетерпением стали ждать катера, который что-то не приходил.

Решающие события развернулись 12 декабря: пилот вместе с местным японцем завладели всем оружием, имевшимся на острове — револьвером и двустволкой. Вооружившись, они стали хозяевами деревушки, жители которой разбежались. Затем японцы сняли пулеметы с самолета и стали угрожать, что перестреляют всех островитян, если им не вернут документы, отнятые у пилота. Попытка использовать для передачи ультиматума единственного человека, оставшегося в деревне, — дряхлую старуху, не удалась. Она была поглощена чтением библии и не обратила никакого внимания на угрозы.

Тем временем островитяне подготовились к отвоеванию Ниихау. В ночь на субботу им удалось стащить патроны к пулемету, а с утра, по всей вероятности, самый сильный из жителей Ниихау вместе с женой отправился на разведку. Японцы схватили их. Островитянин порекомендовал бросить играть с оружием — как бы не случилось беды. Взаимные оскорбления — и скоро все четверо в жестокой схватке катались по траве. Пилоту удалось ранить из пистолета местного великана, что вывело его из себя. Он схватил пилота и разбил его голову о каменную стену. Взглянув на бездыханное тело, его союзник застрелился на месте из ружья. Тем и закончилось вторжение на Ниихау.

На Гавайских островах больше не осталось ни одного вооруженного врага.

8 декабря в 12.20 в Вашингтоне кортеж из десяти сверкающих машин подъехал к Капитолию и остановился у южного входа. Из первой вышел президент США Франклин Д. Рузвельт. Он был в морском плаще и опирался на руку сына Джимми в форме капитана морской пехоты. Охрана высыпала из трех машин и окружила президента. Вокруг здания за кордоном конных полицейских стояла толпа.

Президент приехал просить конгресс объявить войну Японии. В Капитолии все были в сборе. В 12.29 вошел Рузвельт, поддерживаемый Джимми. Короткое представление спикера Сэма Райберна — и президент занял трибуну. Впервые за девять лет его встретили аплодисментами и республиканцы. Он произнес короткую речь, в которой сказал:

«Вчера, 7 декабря 1941 г. — в День позора, Соединенные Штаты были внезапно и преднамеренно атакованы военно-морскими и воздушными силами Японской империи. США были в мире с этой страной и по просьбе Японии все еще вели переговоры с ее правительством и императором, направленные на сохранение мира на Тихом океане. Больше того, через час после начала нападения японской авиации на остров Оаху посол Японии в США и его коллега передали государственному секретарю официальный ответ на недавние американские предложения. Хотя в ответе указывалось, что представляется бесполезным продолжать нынешние дипломатические переговоры, в нем не содержалось ни угроз, ни намека на войну или вооруженное нападение. Учитывая расстояние между Гавайями и Японией, нет никаких сомнений в том, что нападение умышленно готовилось в течение многих дней и даже недель. А все это время японское правительство сознательно стремилось обмануть Соединенные Штаты ложными заявлениями и выражало надежду на сохранение мира. Вчерашнее нападение на Гавайские острова нанесло огромный ущерб американским морским и военным силам. Погибло очень много американцев». Перечислив и другие пункты, в которых японские войска напали на американские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане, Ф. Рузвельт просил конгресс объявить с 7 декабря 1941 г. войну Японии.

После непродолжительного обсуждения в 16.10 8 декабря конгресс принял объединенную резолюцию, объявлявшую войну между «императорским правительством Японии и правительством и народом Соединенных Штатов»⁴¹. США вступили во вторую мировую войну.

Почему это произошло

Нападение на Гавайские острова как молния поразило командующих на месте, но схватка с Японией не могла быть неожиданной для руководящих кругов США. Пирл-Харбор, или «День позора», как назвали его в Соединенных Штатах, был логическим развитием и очередным звеном в американо-японских отношениях. Рост межимпериалистических противоречий давно вел дело к такому исходу.

Еще в 1918 г. В. И. Ленин, говоря о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Японией, подчеркивал: «Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно»¹. В. И. Ленин считал, что в данном случае нет ни нападающей, ни обороняющейся стороны, а виновниками предстоявшего вооруженного конфликта явятся как Токио, так и Вашингтон: «Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно. Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны»². Последующие события подтвердили правильность ленинского анализа

На первый взгляд, в те годы Япония представлялась сплоченной, туго связанной железной дисциплиной нацией, руководители которой четко знали, как добиться своих целей. Западные политические наблюдатели были склонны усматривать в различных акциях японской политики отдельные проявления некоего обширного адского плана и,

никогда не ставя под сомнение реальность такового, расходились лишь в оценках его существа. Исследователи, как водится, любили рационализировать, вскрывать мотивы и т. д., в то время как японская государственная мысль была много бедней и проще.

Противоречия в курсе японской политики, а они, собственно, и послужили основанием для рассуждений о сатанинской мудрости Токио, порождались прозаическими обстоятельствами — особенностями тогдашнего государственного устройства Японии. Номинально правителем страны являлся император, назначавший премьер-министра и членов кабинета, не считаясь с парламентом. Он также контролировал армию и флот через соответственных начальников штабов, подчинявшихся непосредственно трону.

На деле замещение указанных правительственных постов производилось по совету старейших политических деятелей, ранее генро, а в описываемый период — своего рода коллегии бывших премьер-министров. Что особенно важно: военный и морской министры по конституции состояли на действительной службе. В своем официальном качестве они, а следовательно, и кабинет отвечали за снабжение вооруженных сил, но вопросы стратегии оставались в руках генерального штаба армии и главного морского штаба. Кабинет в целом обычно не информировался военной об их планах. Больше того, если военный и морской министр того желали, они угрозой отставки приводили к падению любой кабинет. Стабильность правительства обеспечивалась постоянным конфликтом между командованиями армии и флота, непрерывно фрондировавших друг против друга в интересах достижения «национальной гармонии» и лучшего служения императору.

С начала 20-х годов страну лихорадило, милитаристы во всю развернули свою деятельность и пропаганду. Бесчисленные легальные и тайные организации, предварительно дав клятвы в верности трону, громко требовали от очередного правительства динамической политики, мало считаясь с реальными возможностями Японии. Они порывались пойти войной на державы, имевшие несчастье соседствовать с Японией или в какой-то мере заинтересованные в делах Дальнего Востока и Тихого океана.

Политические истерички имели влиятельных покровителей в Токио, в сущности они только забегали вперед. За кулисами их деятельность направляли подлинные хозяева

страны — клика монополистов «дзайбацу», мечтавшая о покорении обширных районов и эксплуатации их богатств. Финансовый капитал, естественно, обладал возможностями, чтобы подкармливать яростных шовинистов. Последние в меру сил и возможностей отрабатывали полученное. Острые приступы политического безумия щедро вознаграждались.

Отставной генерал-лейтенант Кохиро Сато порадовал своих соотечественников книжкой «Если Япония и Америка начнут войну», напумевшей в 20-е и 30-е годы. Он открыл читателям, что Америка отравлена «золотым ядом», ненавидит Японию, чинит препятствия ее справедливым устремлениям. Но боевой дух самураев возобладает над материальными ценностями, развратившими Соединенные Штаты. Исход войны решают мужество или трусость: в японском фольклоре установлено, что когда-то 50 японских пиратов завоевали 10 китайских провинций, а несколько тысяч самураев, высаженных в США, смогут нанести решительное поражение американцам. «Моя идея заключается в том, — писал Сато, — что если отряды таких воинов, презирающих смерть... будут брошены на Сан-Франциско, то это будет в высшей степени интересно»³. Мнение ветерана русско-японской войны, который теперь собирался воевать с Америкой, можно было бы скинуть со счетов, если бы речь шла о преувеличениях престарелого мемуариста. Появление книжонки Сато, однако, было возможно лишь в обстановке военного психоза, нагнетавшегося сверху.

Не кто иной, как премьер-министр Японии в конце 20-х годов Тиити Танака 21 июля 1927 г. обратился к императору с обширным меморандумом, он предлагал проводить политику «железа и крови». Меморандум, ставший известным миру уже к концу 1927 г., гласил: «Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне. Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы захватить мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права».

Танака заодно расправился на бумаге и с великим север-

ным соседом. «В программу нашего национального роста,— писал он,— входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот риф не будет взорван, наше судно не сможет быстро пойти вперед»⁴.

Милитаристы только недоумевали, почему правительство медлит с претворением в жизнь столь прекрасной программы. Они торопили, убиваясь по поводу того, что Япония запоздала к разделу мира. Как-то японский представитель на сессии Института тихоокеанских отношений, проводившейся в Гонолулу, с трогательной откровенностью пожаловался американцам: «Япония нехотя, но хорошо усвоила уроки Запада... Однако ныне, когда она поднаторела в игре захватов, другие державы, большинство которых завладело всем необходимым им, внезапно преисполнились добродетелей и говорят, что пора прекращать эту игру», причем главный виновник — Соединенные Штаты, «эгоистично надоедающие всем и неразумно вмешивающиеся в естественные чаяния Японии»⁵.

В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию, а вслед за тем вышла из Лиги Наций. Милитаристская пропаганда прямолинейно объяснила японцам, что Империя Восходящего Солнца только обороняется. В бесчисленных речах тогдашний военный министр Садао Араки призывал к новым усилиям в «умиротворении» Азии. Его красноречие сделало возможным появление «шедевра» японской кинематографии, вышедшего на экраны летом 1933 г. Звуковое кино только делало первые шаги, и пропагандисты до конца использовали его возможности.

Внушительно и скорбно звучал голос диктора, читавшего одну из речей Араки: «Можем ли мы ожидать, что воды Тихого океана будут столь мирны, как сегодня? Святая миссия Японии — установить мир на Востоке... Лига Наций не уважает этой миссии... Осада Японии всем миром под водительством Лиги Наций во время «Маньчжурского инцидента» показала это. Но придет день, когда мы заставим весь мир уважать наши национальные добродетели».

На экране уместно появлялась карта — Япония в центре «нового порядка» в Азии, окруженная ее провинциями — Китаем, Индией, Сибирью, странами Южных морей. «Сотраждане! — проникновенно спрашивал диктор словами Араки. — Неужели обстановка в Азии так и не претер-

пит никакого улучшения? Умоляю вас от всего сердца — давайте вместе приступим к делу!» Под торжественные звуки марша наплыв: «Свет идет с Востока!»

Зритель уходил с сеанса, пораженный чудесами кинотехники и отчаянным положением Японии. Политический террор, установившийся в стране с 1930 г., представлял в глазах обывателя в ином свете.

Еще в ноябре 1930 г. молодой «сверхпатриот» Сагойя застрелил среди белого дня премьер-министра Осачи Хамагучи, виноватого, по словам убийцы, в подрыве военной мощи страны. Премьера похоронили, а Сагойю отправили в тюрьму*. Бесконечные заговоры продолжали вызревать в административных труппах военных штабов. 15 мая 1932 г. в официальную резиденцию премьер-министра Тсиоси Инукай, прозванного «богом конституции», вошла группа взволнованных молодых людей и застрелила его. Отвратительное убийство 75-летнего старика и еще несколько убийств, случившихся в тот же день, вызвали симпатии не к жертвам, а к преступникам. Когда убийцы предстали перед судом, зал заседания превратился в форум, на котором произносились речи о верности трону молодых фанатиков. Суд формально приговорил виновных к пожизненному заключению. Но председательствующий отечески посоветовал им беречь здоровье в узилище. И не зря: к 1940 г. все «герои 15 мая» оказались на свободе.

Полиции в последующие годы удалось обезвредить множество заговорщиков, некоторые из них попали под суд. Такая участь постигла организацию «солдат бога», планировавшую убийство поголовно всех членов правительства и установление военной диктатуры. В уже заготовленном манифесте, захваченном полицией, говорилось: «Солдаты бога отрицают все институты, построенные на социализме и либерализме... солдаты бога стремятся к уничтожению лидеров финансовых групп, лидеров политических партий, предателей в окружении императора и их наймитов, препятствующих прогрессу империи. Они произведут рестав-

* В сентябре 1956 г. Сагойя неожиданно вновь объявился на национальной арене. Оказалось, что он создал «патриотическую» организацию «Национальный корпус обороны», которая устроила издательскую панихиду по здравствовавшему тогдашнему премьеру Японии Хатояме. В приглашениях на панихиду, разосланных и членам парламента, говорилось, что «предатель» Хатояма намеревается нормализовать отношения с Советским Союзом.

рацию империи и установят власть императора во всем мире». Заговорщики не успели провозгласить свой манифест, с этой задачей отлично справился суд, с большой помпой огласивший его. Итог: «солдат бога» пожурили в судебном заседании, приняли во внимание их «патриотические мотивы» и отпустили восвояси.

Наконец, 26 февраля 1936 г. взбунтовалась группа «молодого офицерства», поднявшая части первой дивизии и третьего полка императорской гвардии, расквартированные в Токио. В мятеже приняло участие около полутора тысяч офицеров и солдат. Они захватили военное министерство, штаб-квартиру полиции, несколько других официальных зданий и выпустили обязательный в таких случаях манифест в верности трону и заявление: «Яснее света, что наша страна стоит на пороге войны с Россией, Китаем, Англией и Америкой, которые собираются уничтожить нашу древнюю землю. Если мы не поднимемся сейчас и не уничтожим нечестивых и неверных тварей, окружающих трон и препятствующих истинным реформам, престиж императора будет повержен... Мы, дети нашей бесценной страны богов, приступаем к делу с чистыми сердцами. Пусть дух предков императора поможет нам в нашем подвиге».

Пока изумленные токийцы знакомились с манифестом, «дети бесценной страны богов» занялись далеко не детскими делами. Около 300 мятежников окружили дом премьер-министра Окада, убили его зятя и четырех полицейских. Окада, наверное помнивший о судьбе своих предшественников, спрятался в чулан, где просидел два дня. Ему удалось выбраться из собственного дома, окруженного стражей мятежников, только смешавшись с толпой плакальчиков, сопровождавших гроб с телом зятя на кладбище.

Банды офицеров рыскали по городу в поисках ненавистных им политических деятелей. Мятежники ворвались в дом лорда-хранителя печати бывшего премьера Макото Сайто. Его жена мужественно попыталась прикрыть своим телом мужа. Как объяснил один из мятежников на суде, «мы не хотели наносить вреда никому, за исключением ее мужа. Поэтому мы были вынуждены оттащить ее, подсовывая оружие под ее тело. Мы стреляли много раз, пока не решили, что старик мертв. Тут вошел солдат и попросил разрешения выстрелить в Сайто, мы дали и ему возможность произвести несколько выстрелов. Мы хотели, чтобы окончательно убедиться в смерти Сайто, перерезать ему

еще глотку, но отказались от этой мысли, так как женщина намертво вцепилась в тело. Затем мы собрались у ворот дома и троекратно возгласили «банзай» в честь императора». На теле Сайто оказалось сорок семь пулевых ран, у его жены, оставшейся в живых, прострелены обе руки.

Так «с чистыми сердцами» бесчинствовали заговорщики, убив около десятка людей, среди них нескольких крупных государственных деятелей. Тем временем военное министерство в официальном заявлении о мятеже именовало бандитов «партией, поднявшей, дабы очистить национальную конституцию». Против заговорщиков три дня не принимали никаких мер. Только 29 февраля от имени императора им предложили разойтись, что они нехотя сделали. На этот раз пятнадцать человек все же были расстреляны. Высокопоставленные генералы, в том числе Араки, связанные с заговором, отделались легким испугом, их перевели в резерв.

«Молодое офицерство» не смогло возобладать над «группой контроля» в командовании армии. Входявшие в нее милитаристы не видели необходимости в мятежах, они считали, что дело шло к установлению безраздельного главенства военщины над правительством. На их взгляд, легальный путь взятия власти даст возможность до конца использовать ресурсы нации на войну. Безответственные бунты и заговоры крайних экстремистов, однако, облегчали им путь к вершинам государственного правления, в стране поддерживалась постоянная напряженность.

События 26 февраля, как лакмусовая бумажка, проявили политическую обстановку в Японии, они позволили компетентным японистам сделать ценные выводы. Талантливый ученый-востоковед, выдающийся советский разведчик Рихард Зорге* отмечал: «События 26 февраля были пре-

* Р. Зорге приехал в Токио 6 сентября 1933 г. официально в качестве корреспондента немецких газет «Франкфуртер цейтунг», «Берзен курир» и голландской «Амстердам хандельсбланд». Он создал очень эффективную организацию, работавшую до 16 октября 1941 г. В нее входили немец Макс Клаузен, югослав Бранко Вукелич, японцы Ходзуми Одзаки и Етоку Мияги. Четыре коммуниста и марксист по убеждениям — Одзаки видели цель своей деятельности в срыве происков агрессивных сил, сохранении международного мира. Ходзуми Одзаки и Етоку Мияги были горячими патриотами своего народа и видели будущее Японии в мирной жизни, дружественных отношениях с СССР.

даны забвению в связи с началом японо-китайской войны, однако они стали неоценимым пособием для нас с точки зрения понимания внешней политики Японии и ее внутренней структуры»⁶. Блестящий публицист Р. Зорге даже в своих статьях в подцензурной «Франкфуртер цейтунг» сумел тонко передать обстановку тех лет в Японии. Он иронически отмечал неистовые усилия японских деятелей, «постоянно воеющих друг с другом за «лучшую историю»... Воспеваются подвиги, совершаемые с помощью обнаженного меча или ружейного приклада, самопожертвование мелких отрядов «камикадзе» — смертников... Начинает казаться, что читаешь самурайскую легенду»⁷.

Летом 1937 г. Япония напала на Китай. Военные действия, развернувшиеся на громадных пространствах, против ожидания потребовали серьезных усилий. Кампания в Китае оказалась не легкой прогулкой, как думали японские милитаристы, а вылилась в затяжную войну. Агрессия против Китая началась при первом правительстве князя Фумимаро Коноэ, сохранившего на Западе, несмотря на это, репутацию умеренного политического деятеля. В какой-то мере кампания в Китае поглотила энергию японских экстремистов, однако атмосфера в Токио не разрядилась. Милитаристы горько жаловались, что мир никак не подходит к пониманию чистых помыслов Японии.

Исука Мацуока, приобретший порядочный вес в политических кругах японской столицы, в октябре 1937 г. высказался в большой статье:

«Экспансия Японии, равно как американская, столь же естественная, как и рост ребенка. Только одно может остановить рост ребенка — смерть... Но Япония не окажет этой приятной услуги и не умрет»⁸.

Под аккомпанемент изысканных объяснений, облеченных в элегантные формулировки типа приведенной выше, предназначенных для внешнего мира, и грубой милитаристской пропаганды, обрушенной на страну, все новые и новые контингенты японских войск отправлялись на азиатский материк. «Что следует ожидать от исхода войны с Китаем? — спрашивал Р. Зорге на страницах «Франкфуртер цейтунг» в конце ноября 1938 г. — На то, что будет положен конец дальнейшей военной активности и даже дальнейшему еще более усиленному вооружению, едва ли можно рассчитывать, сколько бы этого ни хотелось. Ведь уже сегодня общественности напоминают о том, что

действительные противники Японии — Советский Союз и Англия»⁹.

Милитаристские группы в Японии, после того как война в Китае затянулась, разработали новую концепцию: это происходит не потому, что в вооруженных силах не хватает боевого духа и решимости, а потому, что ревнивый мир мешает осуществлению чаяний Японии — создать «новый порядок» в Азии.

Так японо-китайская война углубила агрессивность японского империализма, озлобленные милитаристы были готовы на все.

Они попробовали крепость советских границ в июле-августе 1938 г. у озера Хасан, выдвинув смехотворные претензии на советские земли. Когда японскому дипломату М. Сигемитцу советские представители показали подлинные карты, приложенные к международным соглашениям и удостоверявшие подлинную границу, он бросил: «По моему мнению, в этот критический момент говорить о каких-то картах неразумно. Это только осложнит дело». Красная Армия взяла дело в свои руки и нанесла сокрушительное поражение агрессорам. Японские войска были разбиты. Квантунской армии пришлось долго зализывать раны.

28 ноября 1938 г. доселе неизвестный генерал Хидеки Тодзио произнес трескучую речь. Незадолго перед этим Тодзио был назначен заместителем военного министра и, так как он выступал официально, политические комментаторы справедливо расценили, что генерал точно сформулировал точку зрения командования армии. Тодзио сообщил, что Япония должна вооружаться и вооружаться, дабы быть в состоянии «вести войну на двух фронтах» — во-первых, против СССР, во-вторых, в Китае. Поскольку Англия и США также не желают усиления Японии, нужно «держаться на страже» и в отношении этих стран.

«Нью-Йорк таймс», изложив речь Тодзио, выделила только ее первую часть, подчеркнув в заголовке: «Тодзио предсказывает войну против СССР»¹⁰⁻¹¹. На то у редакции ведущей американской газеты были серьезные причины.

Если бы противоречия между США и Японией развились в «вакууме», тогда война между ними вспыхнула бы куда раньше 1941 г. Однако американо-японские отношения составляли лишь часть, хотя и важную, всего комплекса международных отношений. В 30-е годы ясно обнаружилось стремление японского империализма направить свою агрессию против Китая и Советского Союза с целью поставить под контроль Дальний Восток. Хотя при этом ущемлялись и американские интересы, на взгляд Вашингтона, это облегчало борьбу с опаснейшим империалистическим противником: с одной стороны, Япония действовала в качестве жандарма на Дальнем Востоке, с другой, — в ходе затяжной войны с Китаем и неизбежной, как представлялось политикам США, войны против СССР Япония ослабела бы, а чем больше увязала Япония в вооруженной борьбе на Дальнем Востоке, тем легче становилась для Соединенных Штатов задача ее разгрома.

Японские милитаристы по доброй воле взваливали на себя бремя, которое в противном случае рано или поздно пришлось бы нести американским вооруженным силам. Эта политика заслуживала всяческого поощрения с точки зрения империалистических интересов США. Отсюда «невмешательство» Соединенных Штатов в агрессию против китайского народа, заботливое снабжение Японии стратегическими материалами, необходимыми для ведения войны, а главное — страстное ожидание нападения японских милитаристов на Советский Союз. В глазах Вашингтона «Антикоминтерновский пакт», созданный в 1936—1937 гг. и прямо направленный против Советского Союза, служил верной порукой тому, что японская агрессия на советском Дальнем Востоке не будет изолирована, сольется с «крестовым походом» против СССР с запада — силами Германии и Италии.

«Антикоминтерновский пакт» не был военным союзом. Усилия дипломатии европейских держав «оси» с 1937 г. были направлены на то, чтобы зафиксировать в новом соглашении обязательства сторон поддерживать друг друга в войне. Договоренность между Берлином и Римом была достигнута заключением в мае 1939 г. «Стального пакта» между Германией и Италией. Камнем преткновения оставалась Япония.

Токийские политики были всегда готовы подписать военный союз против СССР, но дипломаты европейских фа-

пистских держав требовали, чтобы Япония приняла на себя обязательство воевать в любом случае, т. е. если возникнет война с Англией или Францией. Против этого возражали МИД Японии и командование японского флота. Неуступчивость моряков вызвала сильнейшее озлобление в армии, где иные офицеры стали поговаривать, что флот — «враг страны № 1», а крайние экстремисты в армейских мундирах выражали готовность расправиться с изменниками, свившими гнездо в морском министерстве. Все это дошло до сведения командования флота, которое поздней весной 1939 г. приняло контрмеры. Морской министр и его заместитель окружили себя многочисленной охраной, в здании министерства установили пулеметы, поблизости постоянно дежурил батальон морской пехоты. Часовые в министерстве получили не только пистолеты, но для большего впечатления и мечи. Флотоводцы были готовы с оружием в руках отстаивать свою точку зрения.

Тем временем летом 1939 г. в результате японской агрессии против Монгольской Народной Республики между Японией и СССР разразилась необъявленная война. В японском правительстве, возглавлявшемся Хиранума, разгорелся яростный спор. Из Берлина торопили, а в Токио никак не могли прийти к решению. Противники подписания формального военного договора с Германией и Италией указывали: в Европе вот-вот вспыхнет война и Японии придется вступить в нее не потому, что это выгодно в данный момент, а в силу союзнических обязательств. Следовательно, договор лишит ее свободы действий. Потребовалось свыше 70 заседаний совета «Пяти министров» — узкой коллегии внутри японского правительства, — чтобы сломить сопротивление тех, кто был против вступления в союз с Германией и Италией на их условиях¹². 10 августа 1939 г. в Берлин и Рим было послано сообщение о готовности Японии подписать договор с оговоркой, что она вступит в войну, когда сочтет возможным¹³. Ответа не последовало.

Сначала это озадачило правительство Хиранума, а когда 23 августа 1939 г. стало известно о заключении договора о ненападении между Германией и СССР, негодованию в Токио не было пределов. Гитлеровское руководство не оценило доброй воли японского правительства, которое проявило максимум уступчивости, вверив судьбу империи в руки Германии. Противники соглашения с европейски-

ми державами «оси», воспрянув духом, открыто злорадствовали, Хиранума и его сторонники были сконфужены, в морском министерстве демонстративно убрали пулеметы из здания и отправили дежурный батальон, простоявший на вахте четыре месяца, в казармы. Направив Германии «строгий» протест против нарушения «Антикоминтерновского пакта» и отчитав сотрудников своего берлинского посольства за халатное отношение к работе, правительство Хиранума в обстановке всеобщего замешательства в Токио ушло в отставку.

Как заметил М. Сигемитцу, «стало очевидно, что Германия и Япония мыслили по-разному, а их цели и интересы не совсем совпадали. Поскольку «Антикоминтерновский пакт» был превращен в клочок бумаги, постольку были ликвидированы обязательства по нему Японии Япония вновь обрела свободу действий и могла начать все заново»¹⁴. Советская внешняя политика не только отвратила возможность создания единого фронта капиталистических государств против СССР, но и сорвала одновременное вступление в войну агрессивных держав, что явилось громадным выигрышем для всего мира.

Но американская дипломатия была озабочена другим — во что выльется вновь обретенная «свобода действий» Японии? Поверенный в делах США в Токио с известной тревогой 23 августа 1939 г. сообщал государственному секретарю К. Хэллу: «...поскольку Германия сочла возможным прийти к соглашению с Россией, Япония может подумать о том, чтобы принять советское предложение о пакте о ненападении, которое остается в силе с 1931 года, когда оно впервые было выдвинуто Советским Союзом»¹⁵.

После начала второй мировой войны Япония заняла выжидательную позицию. Милитаристы, получившие крепкий урок у Халхин-Гола, не осмеливались больше посягать на безопасность границ Советского Союза и МНР. Борьба против китайского народа определенно затягивалась, а в войне против японских агрессоров Китай получал значительную помощь от Советского Союза. Уже по этим причинам северное направление агрессии представлялось крайне трудным. Взоры японских милитаристов обращаются в сторону южных морей. Как водилось тогда в Японии, экстремисты составили несколько заговоров, чтобы подтолкнуть правительство к активным действиям. Они

планировали убить премьера, ряд министров, взорвать американское и английское посольство в Токио и прикончить даже адмирала Ямамото! Все эти деятели, по мнению заговорщиков, были повинны в «мягкой» позиции Японии перед лицом США и Англии. Полиция успела схватить заговорщиков, 28 из них в 1940 г. предстали перед судом. Самый суровый приговор — 5 лет тюрьмы.

Когда летом 1940 г. Франция потерпела сокрушительное поражение, Бельгия и Голландия были оккупированы, а положение Англии оказалось безнадежным, в Токио сочли, что перед Японией открылись необычайные возможности. Обширные колонии европейских держав отныне по существу были «бесхозными», их некому было защитить. Теперь уже не только экстремисты, а подлинные хозяева Японии, серьезные люди, взялись за практическую подготовку войны. Последовавший рост агрессивности японских правящих кругов можно только соразмерить с размерами добычи, которую они намеревались захватить в районе южных морей.

Новая международная обстановка потребовала нового правительства. 16 июля 1940 г. под давлением армии относительно умеренный кабинет ушел в отставку и было сформировано правительство во главе с князем Фумимаро Коноэ.

Новый премьер был в родственных отношениях с императорской семьей и пользовался большой популярностью среди правящей верхушки страны. Его симпатии к тоталитарному образу правления были общеизвестны. Впрочем, князь был, мягко говоря, «гибким» политиком.

Состав нового кабинета отразил возросшую роль армии, большинство его членов принадлежали к так называемой квантунской клике. Генерал Хидеки Тодзио взял портфель военного министра, а ведение внешних дел было поручено другу Тодзио Йосуке Мацуока, который в 30-е годы был президентом компании Южно-Маньчжурской ж. д. Получив образование в США, Мацуока клялся в том, что выступает за улучшение американо-японских отношений, но в то же время объяснял: кабинет «чертовски склоняется к державам оси и выступает за новый порядок в Азии»¹⁶. Как льстиво заметил один из его подчиненных, Мацуока был подобен буревестнику, любящему летать над бурным морем, Коноэ же был похож на застенчивую белочку, скрывающуюся в лесной чаще¹⁷. Очень скоро

Мацуока был прозван «Гитлером из папье-маше». Оттеснив Коноэ, он взялся энергично руководить внешней политикой Японии.

Начиная с 1937 г., каждое правительство в Токио получало в наследство от предшественников войну в Китае и открывало свою деятельность заявлением, что оно разрешит «китайскую проблему». На этот раз также говорилось о том, что «китайские дела будут полностью урегулированы», но предложенный метод оказался новым. Под предлогом того, что Китай нужно лишить помощи с юга, был сделан акцент на разрешении «южных проблем», а именно — Япония начала оказывать давление на власти Французского Индокитая и Голландской Индии, домогаясь далеко идущих уступок. Оказались под угрозой и английские интересы. По требованию Токио Англия в июле 1940 г. закрыла на три месяца Бирманскую дорогу.

Понимая, что экспансия на юг встретит сопротивление, Мацуока вернулся к переговорам о заключении военного союза с Германией и Италией. Агрессоры быстро урегулировали второстепенные вопросы, разделившие их, и договорились о главном — взаимной помощи в борьбе за мировое господство. Противников оформления союза с европейскими державами «оси» в Токио осталось немного: некоторые изменили свои убеждения под влиянием успехов Германии, другие были изгнаны из внешнеполитической службы Японии — Мацуока, придя в МИД, устроил основательную «чистку» дипломатического аппарата. Кроме того, как свидетельствовал японский посол в Вашингтоне Китисабуро Номура, «дипломатическая машина стран оси щедро смазывалась из неограниченных фондов Германии, и немало пришлось дать взяток, чтобы «позволить ручку» японским дипломатам, которым предстояло подписать акт»¹⁸.

На заседании тайного совета в Токио 26 сентября, на котором было принято окончательное решение о вступлении в союз с европейскими державами «оси», министры высказались с похвальной откровенностью. Они заверили членов тайного совета что договор необходим, так как Германия может заключить мир с Англией и полюбовно договориться с ней о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке и Тихом океане. Поэтому следует без промедления «выявить решимость империи».

Только один член тайного совета, ветеран японской дипломатии виконт Кикудзиро Исии влил ложку дегтя в бочку меда. Он не протестовал против договора, а просто указал, что союзы с Германией еще никому не приносили добра. Исии напомнил слова Бисмарка: для заключения союза необходимы два партнера — наездник и осел, причем наездником должна быть всегда Германия. Что до Гитлера, заметил Исии, то он весьма ненадежный деятель, совсем недавно заключивший пакт с СССР. В общем, по словам престарелого дипломата, Япония должна быть очень и очень осмотрительной.

Критерием искренности между союзниками — Германией, Италией и Японией, — пожалуй, служит необычайное обстоятельство: в основу переговоров о союзе был положен проект договора на английском языке! Партнеры по агрессивному предприятию явно опасались, что, если тексты на немецком, итальянском и японском языках будут признаны аутентичными, крючкотворы-юристы каждой из высоких договаривающихся сторон могут придать договору любую интерпретацию.

Церемония подписания тройственного пакта состоялась в Берлине 27 сентября 1940 г. Агрессоры заявляли: «Правительства Германии, Италии и Японии считают необходимым условием длительного мира следующее: каждый народ должен занять достойное его место». Они указывали, что стремятся установить «новый порядок в Великой Восточной Азии и Европе», и приглашали другие страны присоединиться к ним, «чтобы таким образом осуществить свои надежды на мир во всем мире». Конкретно стороны договорились о том, что Япония уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, последние делали аналогичное заявление в отношении роли Японии в «Великой Восточной Азии». Ключевое значение имела статья третья договора, по этой статье Германия, Италия и Япония обязывались оказывать взаимную помощь, «если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению какой-либо другой державы, которая сейчас не участвует в китайско-японском конфликте»¹⁹.

Агрессоры демонстрировали единство держав с тоталитарным образом правления. Правительство Коноэ одновременно с подписанием договора привело политическую структуру страны в соответствие с новыми задачами. Все

легальные партии Японии «патриотично» заявили о своем самороспуске. Вместо них в середине октября 1940 г. была учреждена Лига содействия трону, заявившая, что отныне «стомиллионная нация» пойдет в том направлении, которое изберет правительство.

В связи с подписанием тройственного пакта было произнесено немало слов о том, что договор Германии, Италии и Японии послужит делу мира. Фашистский министр иностранных дел Риббентроп заявил: «Этот пакт не направлен против какой-либо страны. Он имеет в виду только тех поджигателей войны и те безответственные элементы, которые стремятся затянуть и расширить нынешний конфликт». В Токио Мацуока уточнил эту мысль: такими элементами являются те, «кто пытается прямо или косвенно сорвать наши усилия по созданию нового порядка в Великой Восточной Азии, и даже те, кто прибегает ко всякого рода хитростям, чтобы затруднить движение Японии по пути выполнения ее великой исторической миссии — установления мира во всем мире»²⁰. От имени японского правительства подпись под договором поставил Сабуро Курусу. Он был женат на американке. Разве все это в совокупности не говорило о том, что тройственный пакт имел целью только укрепление мира и не был направлен против США?

Дипломатия держав «оси» никого больше не могла обмануть. Объединение сил агрессоров предвещало превратить войну, пока ограниченную пределами Западной Европы, в мировую. Фашистский блок бросил вызов всему миру и создал смертельную угрозу человечеству. Хотя присоединение Японии к Германии и Италии неизмеримо усилило опасность войны на Дальнем Востоке и Тихом океане, центр мощи фашистского блока по-прежнему лежал в Европе. Там находилась гитлеровская Германия. Командование американских вооруженных сил, рассматривая сложившуюся обстановку в мире с чисто военной точки зрения, пришло к выводу, что врагом № 1 является Германия. Как генерал Д. Маршалл, так и адмирал Г. Старк докладывали правительству, что Соединенные Штаты не готовы к войне на два фронта — в Европе и на Тихом океане, а если возможен выбор, то они настаивали на том, чтобы основные усилия США были употреблены

в Европе. Соединенным Штатам придется воевать с державами «оси» — в Вашингтоне это сомнений не вызывало, хотя вопрос о том, когда и как они вступят в войну, оставался открытым²¹.

Американские деятели, непосредственно занятые проведением политики на Дальнем Востоке, отчетливо видели взаимосвязь между ростом агрессивности Японии и успехами гитлеровской Германии. Посол США в Токио Джозеф Грю 12 сентября 1940 г. направил в Вашингтон послание, которое рассматривал как «самое важное за все восемь лет» пребывания на этом посту²². Анализируя политику Японии, посол пришел к выводу, что эта страна «отбросила все соображения этики и морали, она стала бесстыдно и откровенно оппортунистической, стремясь при каждой возможности поживиться за счет слабости других. Американские интересы на Тихом океане определены находясь под угрозой в результате ее экспансии на юг... Совершенно ясно, что Япония остерегается вольничать в еще большей степени в отношении американских интересов только потому, что уважает нашу потенциальную мощь, в равной степени очевидно, что она нарушала наши права пропорционально силе ее убеждения, что народ США не позволит использовать эту мощь. Нельзя исключать вероятность, что если удастся подорвать это убеждение, тогда окажется возможным вновь использовать средства дипломатии». Но каким образом решить эту проблему?

Д. Грю понимал, что Японию можно остановить только твердой политикой: учитывая слабость ее военно-экономического потенциала, на нее можно эффективно воздействовать экономическими санкциями. Применение последних, однако, повлекло бы за собой немедленное возмездие, если не со стороны правительства, то «мог последовать внезапный удар флота или армии без предварительного уведомления правительства»²³. Следовательно, разрешая в конечном счете подчиненную проблему — американско-японские отношения, Соединенные Штаты опрокинули бы всю свою внешнеполитическую стратегию — пока остаться в стороне от войны.

В доверительном письме Ф. Рузвельту 14 декабря 1940 г. Д. Грю обратился к нему, как к «Франку», старому приятелю еще со времен совместной учебы в средней школе в Гротоне. «Мне совершенно ясно, что нам в один

прекрасный день предстоит схватка, и основной вопрос сводится к следующему: что более выгодно для нас — случится это скорее или позднее». В ответном письме 21 января 1941 г. Ф. Рузвельт сообщил: «Я полностью согласен с вашими выводами». Объясняя взаимосвязь между событиями в Европе и на Дальнем Востоке, он подчеркнул: «Конфликт в Европе намеренно займет продолжительное время, и мы должны помнить, что, когда Англия победит, у нее может не остаться сил, необходимых для того, чтобы пересмотреть территориальные изменения в западной и юго-западной части Тихого океана, которые могут произойти во время войны в Европе, если Японию не сдерживать в определенных границах»²⁴. Таким образом, принципиально проблема, стоявшая перед Соединенными Штатами, была ясна в Вашингтоне. Оставалось изыскать средства для ее удовлетворительного решения.

В январе — марте 1941 г. в США состоялись совершенно секретные переговоры с английскими военными представителями. 27 марта был принят американско-английский план «АБЦ-1» — на случай войны США и Англии с державами «оси». Сущность его сводилась к тому, что в первую очередь предстоит нанести поражение Германии, а затем заняться Японией. До победоносного завершения операций в Европе боевые действия на Тихом океане ограничатся стратегической обороной, войной на истощение. Эти соображения, выработанные совместно, были положены в основу пересмотренного плана действий американских вооруженных сил в войне — «Рейнбоу-5»²⁵.

Хотя план «АБЦ-1» не был утвержден Ф. Рузвельтом, ибо Соединенные Штаты не желали утрачивать свободы в выборе наиболее целесообразного момента для вступления в войну, подготовка вооруженных сил отныне проводилась в соответствии с задачами, поставленными в нем. Принцип сосредоточения сил против Германии, основного форпоста держав «оси», был здравым с военной точки зрения — в Европе лежал центр тяжести второй мировой войны. Аксиомой стратегии является то, что в войне против коалиции необходимо бить по основному звену вражеского союза. План «АБЦ-1» отвечал и специальным интересам Соединенных Штатов — традициям ведения войны чужими руками. Основное бремя, по крайней мере на ближайшие годы, в Вашингтоне надеялись возложить на Англию.

Применительно к Дальнему Востоку и Тихому океану положения плана «АБЦ-1» давали значительные преимущества американской политике. «Невмешательство» и поощрение японской агрессии диктовались совершенно другими соображениями; после принятия плана «АБЦ-1» было нетрудно изобразить эту политику как соответствующую глобальной стратегии противников держав «оси». Независимо от этих соображений, касавшихся исключительно США, признание Европы основным театром военных действий второй мировой войны намечало наиболее рациональный путь конечного разгрома держав «оси».

Советский Союз остро ощущал угрозу фашистской агрессии всему человечеству. В канун войны советская дипломатия упорно работала, пытаясь создать систему коллективной безопасности для предотвращения нового мирового конфликта. В результате политики западных держав, пытавшихся направить агрессоров на СССР, решить эту задачу не удалось, в Европе разразилась война. Заключение пакта о ненападении с Германией сорвало попытки организации крестового похода против Советского Союза, а продвижение советской границы на запад в 1939—1940 гг. в дальнейшем имело существенное значение для хода и исхода коалиционной войны против держав «оси». Умелое использование советской дипломатией противоречий в агрессивном лагере оказало громадное воздействие на обстановку на Дальнем Востоке.

В Вашингтоне с содроганием со дня на день ожидали, что Япония начнет захваты. Соединенные Штаты не были готовы к войне, и одна мысль о том, что придется в ближайшие месяцы поднять оружие, повергала в трепет высшее американское командование. Адмирал Г. Старк в связи с громадными ассигнованиями на военные цели поздней весной 1940 г. заметил: «На доллары нельзя купить вчерашний день». Командующему тихоокеанским флотом США 27 мая он пишет: «Вы, естественно, спрашиваете — предположим, японцы пойдут на Голландскую Индию? Что тогда мы будем делать? Я не знаю и полагаю, что на нашей зеленой земле нет никого, кто мог бы сказать это вам»²⁶.

Однако в Токио знали. Пока Советский Союз не был связан в Европе, там опасались очертя голову броситься в военные авантюры, в первую очередь в сторону южных морей. Летом 1940 г. японские милитаристы не использо-

вали благоприятной для себя обстановки только потому, что учитывали роль СССР как фактора мира на Дальнем Востоке и Тихом океане. На этот счет один из лидеров группировки, настаивавшей на южном направлении агрессии, генерал Койсо, не оставил никаких сомнений. В октябре 1940 г. он публично предостерег: «Осуществляя движение на юг против волков, надо остерегаться тигра с северных ворот»²⁷. После того как Германия, на взгляд токийских политиков, вероломно нарушила «Антикоминтерновский пакт», подписав договор о ненападении с СССР, японские правящие круги все более склонялись к мысли, что пора нормализовать отношения между Советским Союзом и Японией.

В марте 1941 г. Мацуока отправился в Европу. Он посетил Берлин и Рим, где вел секретные переговоры с фашистскими главарями. К этому времени Германия, завершая подготовку к нападению на СССР, определила место Японии в стратегии держав «оси». Позиция Германии в переговорах с Японией была зафиксирована в директиве гитлеровского руководства от 5 марта 1941 г., которая гласила: «Цель сотрудничества, основывающегося на тройственном пакте, должна заключаться в том, чтобы побудить Японию по возможности скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. В результате там будут связаны крупные силы Англии, а центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан... Следует подчеркнуть, что общая цель в ведении войны должна заключаться в том, чтобы быстро повергнуть Англию и тем самым удержать США от вступления в войну»²⁸. Конкретно Гитлер и Риббентроп предложили Мацуока убедить свое правительство с «молниеносной быстротой» захватить Сингапур — оплот английской мощи в районе южных морей — и «тем самым разрубить гордые узел». Они указывали на необычную легкость операции, ибо с Англией фактически покончено, доказательством чего служат цифры тоннажа потопленных английских судов.

Мацуока заверил своих собеседников, что он не пощадит усилий, чтобы склонить кабинет в Токио к захвату Сингапура, хотя придется немало потрудиться. В Японии, объяснил Мацуока, есть «интеллигентские круги», оказывающие влияние даже на императорский двор. Чтобы ввести их в заблуждение, он, Мацуока, пока будет вести себя осторожно, но ведь существует старая японская

поговорка: «Открой огонь — и это сплотит нацию». Гитлер остался в счастливом убеждении, что подготовка к захвату Сингапура будет завершена к маю 1941 г., а сама операция не за горами.

В Берлине и Риме японский министр иностранных дел пытался выяснить политику европейских держав «оси» в отношении Советского Союза. Хотя МИД Германии и командование вооруженных сил рекомендовали сообщить о предстоявшей войне против СССР, Гитлер запретил передавать Мацуока какую-либо информацию. Частично это объясняется соображениями сохранения военной тайны, но главная причина заключалась в том, что в Берлине тогда были твердо убеждены, что справятся с СССР собственными силами, и пока не хотели ни отвлекать Японию от агрессии на юге, ни делиться с ней плодами победы. Риббентроп, однако, в значительной степени на свой страх и риск предостерег Мацуока: на обратном пути в Москве «не заводить разговоры с русскими слишком далеко», ибо конфликт с СССР возможен. Он многозначительно добавил, имея в виду продвижение Японии на юг: «Если Россия когда-нибудь нападет на Японию, то Германия немедленно нанесет удар»²⁹.

В правительственных канцеляриях Лондона и Вашингтона с затаенным дыханием следили за поездкой Мацуока. Несомненно, в Берлине фашистские заговорщики готовили новые ужасы для мира. Но что именно и как это выяснить? Американское и английское правительство ожидали, что Мацуока вернется в Японию через Англию и США, а Рузвельт даже предложил Хэллу «выразить некоторое удивление тем, что Мацуока не собирался посетить Вашингтон на обратном пути»³⁰. Но японский министр иностранных дел предпочел вернуться через Советский Союз.

В начале апреля 1941 г. в Москве состоялись советско-японские переговоры, и 13 апреля был подписан пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией сроком на пять лет. Заключение его вызвало известное замешательство в Берлине, но в еще большее смятение были повергнуты правительства Англии и США. Если гитлеровское руководство, хотя и неприятно пораженное самостоятельностью своего союзника, понимало, что Япония в конечном счете оплатила Германии той же монетой, то в Вашингтоне и Лондоне просто не могли простить «неблагоприятности» японских милитаристов. Японцы обманули ожида-

ния американских и английских политиков, которые в предвидении войны между Японией и СССР давно создали тепличные условия для японской агрессии на Дальнем Востоке. Вместо нападения на СССР, о чем в Токио громогласно твердили многие годы, Япония подписала пакт о нейтралитете с Советским Союзом!

Американская буржуазная печать не замедлила разъяснить фатальную ошибку Мацуока. Одна из статей такого рода настолько понравилась членам конгресса, что была включена в текст официального отчета о работе конгресса — «Конгрешил Рекорд». В ней, в частности, говорилось: «Заключен пакт о взаимном нейтралитете, но отнюдь не пакт о ненападении. А это громадное различие. Если бы был подписан пакт о ненападении, то он явился бы большим облегчением для Японии, позволив ей проводить более смелую политику в отношении Соединенных Штатов в теперешней напряженной обстановке... Нынешний пакт не помешает России объявить войну Японии, в то время как последняя находится в войне с США... Коротко говоря, Россия может быть и нейтральной в японо-американской войне и в то же время стать ее активным участником по собственному желанию»³¹. Подобного рода анализ носил, несомненно, провокационный характер. Однако профессиональные американские дипломаты, зная японских милитаристов, в служебных документах комментировали пакт далеко не истерически. Д. Грю писал 21 апреля 1941 г. государственному секретарю: «Будущее развитие советско-японских отношений в значительной степени зависит от того поворота, который примет война в Европе, и от размеров действительной или потенциальной угрозы Советскому Союзу»³².

В Вашингтоне тем не менее упорно не желали понять, что договор о нейтралитете может в конечном счете иметь неопценное значение для победоносной войны против государств фашистской «оси». Исходя из иных предпосылок, Советский Союз сделал выводы, аналогичные положенным в основу плана «АБЦ-1», — о приоритете европейского театра. Хотя на верность японских милитаристов своим обязательствам полагаться не приходилось (Тодзио, например, категорически отрицал, что пакт способствовал принятию в Токио решения об экспансии на юг) и СССР был вынужден сохранить значительные силы на Дальнем Востоке, пакт о нейтралитете с Японией дал возможность страте-

гически разграничить Европу и Дальний Восток, сосредоточить внимание на опасности, исходившей от фашистской Германии.

Так развитие событий — угроза державам «оси» всему человечеству — закладывало объективные предпосылки для создания антигитлеровской коалиции. Но весной 1941 г. усилия Советского Союза не были оценены по достоинству ни Белым Домом, ни государственным департаментом. Американские политики, хотя и имели перед глазами горькие плоды довоенной политики «невмешательства», по-прежнему не оставляли надежд, что можно отвести опасность от США, подтолкнув Японию к агрессии против СССР.

Традиции американской внешней политики, восходящие к «отцам-основателям» заокеанской республики, заключаются в том, что Соединенные Штаты извлекают выгоды для себя из войн в Европе и Азии. Собственно на этом в известной степени и основывалось благополучие США. Эта страна миролюбива в том смысле, что ее правительство не спешило вступать в крупные вооруженные конфликты, а выжидало ослабления борющихся сторон, чтобы затем бросить решающую гирию на весы войны и мира.

Политика США на первом этапе второй мировой войны дает тому блестящее доказательство. Хотя с самого начала конфликта Соединенные Штаты приняли сторону противников держав «оси», ибо агрессивный блок грозил самому национальному существованию, США стали фактическим союзником Англии, американское правительство вовсе не горело желанием ввязаться в вооруженную схватку. Но в Вашингтоне ни на минуту не упускали из виду, что участие Соединенных Штатов во второй мировой войне неизбежно, и проводили обширную подготовку к этому как внутри страны, так и внешнеполитически. Отсюда план «АВЦ-1», ленд-лиз и постепенное, пока в целом негласное, углубление американо-английского сотрудничества. Коротко говоря, Соединенные Штаты выдвигались на исходные позиции.

Весной 1941 г. из крупных государств мира, помимо США, в войне не принимали участия Советский Союз и Япония. Это обстоятельство побуждало Вашингтон к еще

большей осмотрительности: ни в коем случае не нарушить «очередности», дождаться прежде всего вовлечения в мировой конфликт СССР и Японии и потом, и только потом определить собственную позицию. Выполнение этого замысла открывало захватывающие перспективы для Соединенных Штатов — остаться единственной великой державой, силы которой не испепелит пожар мировой войны. Народы Европы и Азии, проливающие кровь, тем самым приближат наступление «Американского века» — мирового господства американской плутократии. Успех или неуспех этих планов в значительной степени зависел от того, что сделает и что не сделает американская дипломатия. Что касается распространения войны в Европе, то уже в начале 1941 г. в Вашингтоне получили обнадеживающую информацию.

С 1934 г. в американском посольстве в Берлине служил в качестве торгового атташе С. Вуд. Официально он был дипломатом, но в действительности вел работу, имевшую мало общего с почтенной профессией представителя США в Германии. С. Вуд был разведчиком, установившим прочные связи в высоких сферах Берлина. Как-то в августе 1940 г. он получил с утренней почтой конверт. В нем был билет на сеанс в кино, который С. Вуд не заказывал. Американец по роду своей профессии привык ничему не удивляться — в зале на соседнем кресле оказался один из его «знакомых». Во время сеанса сосед сунул в карман С. Вуда записку, содержащую сенсационную новость — Гитлер собирается напасть на Советский Союз!

Информация была немедленно передана в Вашингтон. Руководство госдепартамента крайне скептически отнеслось к ней: со дня на день ожидалось германское вторжение в Англию. Тем не менее С. Вуду было поручено удвоить усилия. Его агент разъяснил: «Воздушные налеты на Англию — маскировка подлинных и хорошо разработанных планов Гитлера нанести внезапный, сокрушительный удар России». 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 — «план Барбаросса». Через несколько дней ее текст был доставлен С. Вуду и переслан в Вашингтон. Теперь Хэлл больше не сомневался: другие источники подтверждали сообщения из Берлина. Тщательная проверка, проведенная заместителем государственного секретаря Б. Лонгом, дала аналогичные результаты. В начале января 1941 г. обо всем этом было доложено Ф. Рузвельту ³³.

Отныне государственные деятели Соединенных Штатов могли с большей легкостью произносить филиппики против нацистов. Даже человеку с посредственным интеллектом было очевидно, что в Берлине на пороге войны против СССР не рвались иметь еще одного могущественного противника — Соединенные Штаты. Кабинет Ф. Рузвельта состоял из неглупых людей, и поэтому было решено заодно предупредить Советский Союз о предстоявшем нападении, что и сделал в начале 1941 г. заместитель государственного секретаря С. Уэллес в беседе с советским послом К. А. Уманским³⁴. Так надежнее: высокоморальные сенсации из Вашингтона в адрес нацистских заговорщиков сольются с вооруженной борьбой Советского Союза.

Одновременно, дабы гитлеровское руководство помнило о своих истинных интересах, ведомство Э. Гувера — Федеральное бюро расследований — подбрасывало германскому посольству в Вашингтоне стратегическую дезинформацию такого рода: «Из весьма надежного источника стало известно, что СССР намеревается пойти на новую военную агрессию, как только Германия будет связана крупными военными операциями» на Западе³⁵. То была прямая провокация, осуществить которую Э. Гувер не мог без санкции самых высших руководителей США, что, вероятно, для последних не представляло непреодолимых нравственных препятствий.

Если в Европе назревавшие события не требовали сверхчеловеческих усилий от американской внешней политики, то обстановка на Дальнем Востоке складывалась совершенно по-иному. Ближайшие действия Японии предсказать было крайне трудно. Еще во время пребывания Мацуока в Москве Англия и США сделали попытку улучшить отношения с Японией и в то же время предостеречь ее от подписания пакта о нейтралитете с СССР. Американскому и английскому послам в Москве пришлось немало потрудиться, чтобы встретиться с японским министром иностранных дел. Им удалось, наконец, настичь Мацуока на спектакле во МХАТе, где английский посол вручил ему соответствующее послание У. Черчилля.

Мацуока, не читая, сунул документ в карман и ответ дал 22 апреля 1941 г., уже вернувшись в Токио. Мацуока писал: «Вы, ваше превосходительство, можете быть уверены, что внешняя политика Японии определяется после беспристрастного рассмотрения всех фактов и весьма тща-

тельной оценки всех элементов положения, с которым она сталкивается. В то же время никогда не упускается из виду великая расовая цель и создание в конечном итоге условий, отвечающих тому, что в Японии называют «Хакко ичю» (восемь углов мира под одной крышей.— *Н. Я.*),— японской концепции мира, где не будет ни завоеваний, ни угнетения, ни эксплуатации какого бы то ни было народа. Коль скоро решение будет принято, то мне едва ли нужно указывать вашему превосходительству, что оно будет претворяться в жизнь твердо, но весьма осмотрительно, с учетом всех деталей меняющейся обстановки»³⁶. Извлечь что-либо рациональное из этого потока трескучих фраз было невозможно. Недаром в Берлине, оценив красноречие Мацуока, преподнесли ему при прощании знаменательный подарок — звуковую киноустановку.

Выяснить намерения Японии было почти невозможно не потому, что маска японской дипломатии была непроницаема, а потому, что она скрывала государственную тайну — в Токио так и не было достигнуто единства мнений о дальнейших действиях. Мацуока рассматривал тройственный пакт как свой личный триумф, уже одно это усиливало оппозицию к его политике. Далеко не все в руководящих кругах Токио были готовы слепо следовать в фарватере германской политики. Сущность разногласий сводилась к тому, что если экстремисты, среди которых Мацуока был не последним, считали необходимым идти напролом, не останавливаясь перед войной, то «умеренные» деятели во главе с Коноэ надеялись вырвать уступки у США переговорами, поддержанными демонстрацией силы и шантажом. Пытаясь склонить кабинет в пользу своих идей, Мацуока приводил поразительные аргументы. На заседании координационного комитета 22 мая он высказался так: «Если мы тотчас не примем решения, не объединятся ли в конце концов Германия, Англия, США и СССР, чтобы подчинить Японию? Есть также возможность, что Германия и СССР выступят против Японии, а США также вступят в войну. Мне хотелось бы выслушать мнение представителей командования на этот счет!»

Присутствовавшие пришли в замешательство. Молчание. Старики в расшитых мундирах переглядывались через полированный стол. Наконец морской министр Ойкава громко произнес: «Господа, министр иностранных дел

рехнулся, разве не видно?» Обсуждение не состоялось, предложения Мацуока явно носили безумный характер. Сложилась любопытная ситуация: генералы и адмиралы буквально удерживали за фалды фрака воинственного дипломата. Они все же считали, что возможности курса Коноэ пока не исчерпаны.

Еще осенью 1940 г. между правительствами Японии и Соединенных Штатов завязываются неофициальные контакты. Начало им, по-видимому, положила американская сторона³⁷. В это время в Токио находились высокопоставленные представители католической церкви США — епископ Д. Уолш и преподобный отец Д. Дроут. Оба прибыли в Японию с внешне невинной целью: ознакомиться с положением католической паствы, вверенной попечению их японских духовных коллег. Очень скоро выяснилось, что Д. Уолш и Д. Дроут далеко не чужды мирских дел. Через чиновника Кооперативного банка Японии Тадава Викава они завязали связь с официальными кругами, которым был передан документ об урегулировании американо-японских отношений. Проект предусматривал ни много ни мало, как превращение Дальнего Востока в сферу монопольного владычества Японии и США, а также укрепления их позиций против СССР³⁸.

Предложения эти вызвали живейший интерес в японской столице. Даже непримиримый Мацуока счел необходимым конфиденциально побеседовать со скромными священнослужителями. Коноэ также не терял времени. Он предложил Д. Уолшу и Д. Дроуту доставить правительству США секретное послание от него. Премьер объяснил, что он не может направить документ через официальные каналы, опасаясь реакции экстремистских групп. Послание содержало поразительные предложения: японское правительство было готово, если не формально, то по существу аннулировать тройственный пакт, отозвать все японские войска из Китая и приступить к «изучению» основных экономических проблем, стоящих перед Японией и США. Почти одновременно к Д. Грю обратился Тетцума Хасимото, лидер очень влиятельной националистической организации «Черный Дракон». Хасимото заверял, что если бы он был американцем, то испытывал бы аналогичные чувства в отношении тройственного пакта. Хасимото апеллировал к «американскому великодушию» и просил дать ему возможность посетить Вашингтон и встретиться

с ответственными деятелями, дабы предотвратить сползание к войне. Грю рекомендовал государственному департаменту удовлетворить просьбу Хасимото.

Наконец, в начале ноября 1940 г. японским послом в Вашингтоне был назначен адмирал Китисабуро Номура, в прошлом министр иностранных дел. Он принял пост после долгих раздумий, рассматривая назначение «как трубный глас, зовущий рядового солдата к знаменам». Перед выездом в США Номура совещался почти со всеми высшими генералами. Он даже совершил поездку на континент, где встретился с командующим Квантунской армией, генерал-губернатором Кореи и командующим японскими войсками в Китае. Было известно, что Номура выступал против тройственного пакта и высказывался за улучшение отношений с США³⁹. В Вашингтоне маневры японской стороны были расценены как добрые предзнаменования: кабинет Коноэ, если не считать несносного Мацуока, очевидно, хотел договориться с Соединенными Штатами. Немалые надежды внушал и новый посол: он был давно лично знаком с Рузвельтом, который, даже будучи президентом, в переписке с Номура именовал его своим «другом».

В середине января 1941 г. неофициальные посланцы Японии прибыли в Вашингтон. Привезенные ими предложения были тщательно изучены. Католик, министр почт Ф. Уокер представил Д. Уолша и Д. Дрота государственному секретарю, а 23 января 1941 г. епископ и преподобный отец встретились в Белом Доме с президентом. Конфиденциальная беседа продолжалась более двух часов. Выяснилось, что в Токио домогались провозглашения США и Японией своего рода доктрины Монро для Дальнего Востока, американской экономической помощи, а также посредничества США в «урегулировании» японо-китайской войны. Если эти требования будут удовлетворены, Япония бралась защитить Соединенные Штаты в случае нападения на них Германии, пока не аннулирует своих обязательств по тройственному пакту. Предложения носили, очевидно, фантастический характер, и их наверняка не могло бы принять любое ответственное японское правительство.

Хасимото выдвинул примерно аналогичные требования, настаивая, кроме того, на признании США «главенствующей роли Японии в Восточной Азии». Представитель «Черного Дракона» явно хватил через край.

Из этих бесед в Вашингтоне вывели заключение, что правительство Коноэ побаивается США. Орудия, направленные на Америку, не заряжены. Военственные речи в Токио и тайные предложения привели к выводу, что Япония занимается обычным пантажом. Подводя итоги, главный советник государственного департамента по делам Дальнего Востока С. Хорнбек докладывал правительству: «Необходимо постоянно помнить об одном важнейшем факте — Япония не подготовлена к войне с Соединенными Штатами»⁴⁰. Было решено оставить в стороне неофициальные контакты и переговорить обо всем с Номура, когда он прибудет в Вашингтон.

В начале февраля чрезвычайно тревожные вести пришли из Юго-Восточной Азии. Япония, давно оказывавшая все возрастающее влияние на Таиланд, вмешалась в вооруженный конфликт между Таиландом и Французским Индокитаем. Она взяла на себя посредничество в установлении перемирия, одновременно проведя внушительную демонстрацию морской мощи в Юго-Восточной Азии. В Лондоне расценили эти действия, как очередные шаги к продвижению в сторону Сингапура, Малайи и Бирмы. Англия не располагала достаточными силами в Юго-Восточной Азии и, будучи занята войной в Европе, не могла направить туда подкреплений. Правительство Черчилля возобновило старую просьбу — послать американские военные корабли в Сингапур, чтобы предостеречь Японию, подчеркнув единство США и Англии. Правительство США отказалось.

Тогда английский посол в Вашингтоне Галифакс предложил опубликовать «совместную декларацию США и Британской Империи — любое нападение на Голландскую Индию или на английские владения на Дальнем Востоке немедленно и безвозвратно вовлечет Японию в войну с Соединенными Штатами и Британской Империей»⁴¹. Чтобы объяснить американцам, что иного выхода нет, Галифаксу было поручено также сообщить в Вашингтоне, со ссылкой на английский комитет начальников штабов: война-де одной Англии с Японией «неизбежно приведет к затяжке войны с Германией и сделает конечный успех войны маловероятным без всестороннего участия в ней Соединенных Штатов»⁴². Все эти разъяснения мало помогли делу. Правительство Черчилля никак не могло взять в толк, что США были готовы воевать до последнего английского солдата и вовсе не стремились занять место на первой линии

огня, что любезно предлагал Лондон. В Вашингтоне отнюдь не хотели заходить далеко. Рузвельт и Хэлл между собой договорились только о том, чтобы встретить Номура, говоря словами президента, «с постными физиономиями и прочитать ему серьезную нотацию».

14 февраля 1941 г. Номура, наконец, явился в Белый Дом для беседы со своим старым «другом» Рузвельтом и Хэллом. Государственные деятели США заняли места друг против друга, посадили между собой посла, и президент стал держать речь. О том, что и как было сказано, сам Ф. Рузвельт несколько спустя рассказывал со значительным чувством юмора. Он напомнил, как в свое время «президент Маккинли сделал все, чтобы избежать войны с Испанией, но случилась одна из тех ужасных вещей, которые называются инцидентами. Никто не знает, был ли «Мэн»* потоплен испанцами или нет, но президент Маккинли и Джон Хэй не могли сопротивляться требованиям американского народа начать войну (вздых). Когда японцы потопили «Пэнаи»**, волна негодования охватила страну. Я и г-н Хэлл (вот он сидит напротив) с большим трудом успокоили новую волну негодования и, благодарение богу, преуспели в этом (вздых). Я надеюсь, что адмирал Номура передаст своему правительству, что здесь прилагаются все усилия к тому, чтобы все было спокойно, однако терпение американского народа на исходе и, если плотину прорвет (три вздоха), цивилизации придет конец»⁴³.

Едва ли этот исторический экскурс мог произвести глубокое впечатление на Номура, а ссылки на гибель цивилизации являлись явным плагиатом — Мацуока в речи на завтраке, устроенном японо-американским обществом в связи с отъездом Номура в США, нарисовал куда более душераздирающую картину «гибели мировой культуры» в случае войны между США и Японией. Конкретно Номура не мог ни о чем говорить — Коноэ не информировал посла о сути тайных переговоров.

В феврале 1941 г. в Нью-Йорке появился Викава. Он был связан с Коноэ, для переписки с которым использовал

* Взрыв американского крейсера «Мэн» на рейде Гаваны в 1898 г. послужил поводом для объявления войны Испании Соединенными Штатами.

** Американская канонерка потопленная в 1937 г. японцами на Янцзы.

особый шифр. Новый посланец встретился с Д. Уолшем и Д. Дроутом, с ними он уже имел дело в Токио. В начале марта все трое выработали и передали Хэллу японскую программу переговоров. Прежние предложения повторялись, а договоренность между США и Японией надлежало увенчать исторической встречей Франклина Рузвельта и Фумимаро Коноэ на полпути — на Гавайских островах. Престарелого государственного секретаря озадачила сложность ходов японской дипломатии. При встрече с Номура 8 марта он хотя и воздал должное усилиям «ответственных, чудесных и способных граждан» урегулировать американо-японские отношения, все же просил передать этим «добрым людям», что не может вести переговоры с ними, если официальный представитель, Номура, не возьмет на себя ответственности. Посол был также крайне сконфужен, ибо находился в неведении о действиях Коноэ. Он ограничился тем, что часто и вежливо кланялся во время монолога Хэлла. Беседы не получилось.

Двинуть дело вперед попытался Рузвельт. 14 марта во время своей второй встречи с Номура президент весь светился благожелательностью и попытался показать глубокое понимание проблем, стоявших перед Японией. «Ему удалось поднять вопрос о Китае и настоящих Японии держать там войска для борьбы с коммунизмом. Он пытался убедить Номура, что китайские коммунисты вовсе не похожи на русских коммунистов, и поэтому страхи Японии необоснованы»⁴⁴. Номура уклонился от обсуждения — как раз в эти дни Мацуока находился на пути в Европу, а в Токио направил раздраженную телеграмму, прося прислать ему в помощь офицера армии, чтобы тот объяснил послу о чем идет речь. Тодзио распорядился командировать полковника Хидео Ивакура⁴⁵.

25 марта Ивакуро явился в Вашингтон и посвятил, наконец, Номура во все детали переговоров, протекавших пока без участия посла. 9 апреля Хэлл получил официальные японские предложения. Япония подтверждала свою верность тройственному пакту в случае нападения США на Германию. Что касается «урегулирования» японо-китайской войны, то президенту США предлагалось взять на себя посредничество и предложить Китаю следующие условия: вывод японских войск из Китая, учитывая при этом необходимость совместной борьбы с коммунизмом, применение к Китаю доктрины «Открытых дверей» в япо-

но-американской интерпретации, которую надлежит выработать позднее, признание Китаем захвата Японией Северо-Восточного Китая. Если Китай откажется принять эти предложения, США должны прекратить оказание ему помощи. В заключение предлагалось провести совещание Рузвельта с Коноэ в Гонолулу с предпрешенной повесткой дня: восстановление торговых отношений между США и Японией, свободный доступ Японии к источникам сырья и предоставление ей займа.

Договариваться, собственно, было не о чем. Принятие этих предложений означало бы согласие Соединенных Штатов на японское господство на Дальнем Востоке. «С самого начала я правильно понял,— писал Хэлл в своих мемуарах,— что на успех переговоров было менее одного шанса из двадцати, пятидесяти или ста. Прошлая и тогдашняя история Японии, ее откровенные честолюбивые устремления, возможность для экспансии, представившаяся в тот момент, когда неразбериха в Европе приковала наше основное внимание, и коренное различие между их и нашими взглядами на международные дела — все говорило против возможности достижения соглашения»⁴⁶. Хэлл, однако, вступил в переговоры с Номура, предложив Японии в качестве предварительных условий признать общие принципы уважения суверенитета всех стран, невмешательства в их внутренние дела, равенство экономических возможностей и взять обязательство не изменять статус-кво на Тихом океане иначе как мирными средствами.

Как можно было совместить эти абстрактно-прекрасные принципы с обсуждением откровенно-империалистической программы, выдвинутой Японией, государственный секретарь не объяснил. Крайне неловко пытается сделать это нынешняя официальная американская историография*. В Токио поняли, и вполне обоснованно, что

* Наиболее авторитетной официальной интерпретацией американской внешней политики в канун войны считается книга, написанная У. Лангером и С. Глисоном, «Необъявленная война 1940—1941», увидевшая свет в 1954 г. Авторы не могут не отметить: «Едва ли можно пройти мимо обращения президента и Хэлла к творением Дроута — Викава — Ивакуро. Как выяснилось позднее, государственный секретарь допустил довольно серьезную ошибку, попросив Номура послать эту неофициальную программу в Токио с просьбой сообщить, считает ли императорское правительство ее пригодной в качестве основы для переговоров. Японцы, совершенно естественно, поняли, что правительство США рассматривает ее

правительство США согласилось положить японский проект в основу для переговоров. Как заметил Тодзио, японское правительство уделяло больше внимания «практическому разрешению существовавших проблем, а не заявлениям об общих принципах»⁴⁷.

Вернувшись в Японию, Мацуока не выразил восторга по поводу проделанного Коноэ за его полуторамесячное отсутствие. Скоро в документах, поступавших из Токио в Вашингтон, стал заметен его почерк, японская дипломатия нагнала на глазах. Рузвельт, ознакомившись с перехваченными и дешифрованными очередными инструкциями Мацуока Номуре, только пожал плечами. «Они,— писал президент С. Уэллесу,— кажутся мне продуктом глубоко расстроенного мозга, неспособного спокойно или логично мыслить»⁴⁸. Но американцы продолжали переговоры, стороны обменивались различными проектами и контр-проектами, уточняли пункты и подпункты. В официальных документах фигурировало согласие США с изумительным пунктом «Совместная оборона (Японии и Китая.— Н. Я.) против вредоносной коммунистической деятельности, включая размещение японских войск на китайской территории. Вопрос подлежит дальнейшему обсуждению»⁴⁹. Если Хэлл считал возможным вдаваться в такие вопросы, понятно удовлетворение японской стороны ходом переговоров. Не случайно Номура и его помощники (Викава и Ивакуро были официально прикомандированы к японскому посольству) неоднократно заявляли за столом совещания, что их разделяют с американцами «только формулировки». 4 июня они даже сообщили, что, «преодолев гору и долину, которые лежали между нами, мы должны лишь перебросить мостик через ручей»⁵⁰.

Американская дипломатия только выпрыгивала время. В Вашингтоне трепетно ожидали нападения Германии на Советский Союз. А когда правительство США убедилось,

как таковую, особенно потому, что Хэлл настаивал на представлении ему этой программы в качестве официального документа... Впоследствии государственный секретарь педантично напомнил послу Номура, что пока нет и речи о «переговорах», обсуждение носит предварительный характер и имеет цель найти основу для настоящих переговоров. Определение названия, по-видимому, не имело большого значения и, конечно, не дает ответа на вопрос, почему американские власти согласились продолжать обсуждение, когда основные японские предложения ничего не обещали».

что до начала германо-советской войны остались считанные часы, Хэлл взял иной тон.

21 июня 1941 г. Номура получил из рук государственного секретаря «совершенно секретную» американскую ноту. Японии предписывалось выразить согласие с общими принципами международных отношений, изложенными Хэллом в ходе переговоров; принять интерпретацию обязательств Японии по тройственному пакту как договору, имеющему целью «предотвратить неспровоцированное расширение войны в Европе», а США обещали проводить свою политику в отношении войны в Европе «единственно и исключительно» с точки зрения своей национальной безопасности; прежде чем президент примет на себя посредничество в установлении мира между Японией и Китаем, Токно сообщает Вашингтону свои условия мирных переговоров. Хотя вопрос о выводе японских войск из Китая и статус Маньчжоу-Го подлежал дальнейшему обсуждению, США ожидали, что японо-китайское соглашение будет строиться «на взаимном уважении суверенитета и территории». Принципы равных экономических возможностей должны применяться не только к району юго-западной части Тихого океана, как предлагали раньше США, а ко всему Тихому океану.

И совершенно беспрецедентным было устное заявление, которое Хэлл сделал при вручении ноты японскому послу: «Тон недавних многочисленных публичных заявлений представителей японского правительства, подчеркивающих верность тройственному пакту, выражает политику, которую нельзя игнорировать. До тех пор, пока такие лидеры проводят эту политику на своих официальных постах и, очевидно, пытаются воздействовать на японское общественное мнение в указанном направлении, разве мы не гонимся за миражем, рассчитывая, что принятие рассматриваемых предложений послужит основой для достижения желательных результатов»⁵¹. Номура безуспешно попытался убедить Хэлла внести изменения в текст ноты, так как в таком виде она была неприемлема для передачи правительству. Хэлл не уступил.

Напомним, что беседа происходила за день до 22 июня 1941 г., когда гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз.

В июне 1941 г. в Токио оказались хуже информированными о ближайших действиях собственного союзника, чем в Вашингтоне о намерениях потенциального противника. Правда, японский посол в Берлине генерал-лейтенант Осима 6 июня сообщил, что Гитлер намеревается напасть на СССР. Посол довел до сведения своего правительства, что Германия, вероятно, хочет, чтобы Япония приняла участие в этой войне. Координационный комитет срочно обсудил телеграмму Осима и пришел к выводу, что посол не разобрался в обстановке. Германо-советской войны быть не может. Для перестраховки запросили мнение японского посла в Москве Татекава, который согласился с точкой зрения координационного комитета. Новое донесение Осима 16 июня о том же самом не произвело решительно никакого впечатления.

В четыре часа дня по местному времени 22 июня 1941 г. в Токио пришли известия о нападении Германии на Советский Союз. Японское правительство узнало об этом одновременно с остальным миром.

Вновь, как и в 1939 г., Германия поставила японских милитаристов перед совершившимся фактом. И снова в токийских кругах заговорили о том, что в Берлине не считаются с братьями по духу на Дальнем Востоке. Во весь рост встал вопрос об отношении к германо-советской войне. В тяжких испытаниях доверия к союзнику один Мацуока остался верен тройственному пакту. Уже в 17.30 он был в императорском дворце. Там Мацуока попытался убедить императора в том, что пробил долгожданный час для нападения Японии на Советский Союз.

Император был настроен скептически. Командование доложило, что Квантунская армия еще не оправилась от разгрома у Халхин-Гола и слабее советских вооруженных сил на Дальнем Востоке. Известно, что базы советской авиации и флота рядом, а от Владивостока до Токио по воздуху — рукой подать. Германия не уведомила заранее о своих намерениях, и поэтому для подготовки к войне против СССР потребуется по крайней мере шесть месяцев. Кроме того, кампания против СССР не даст Японии остро необходимого сырья и нефти, запасы которых находились в районе южных морей. И не лучше ли подождать, пока Германия не ослабит Советский Союз?

Эти вопросы и стали предметом обсуждения координационного комитета. С 25 июня по 1 июля состоялось шесть заседаний комитета. Принципиальных разногласий о необходимости до конца использовать возможности, открытые германо-советской войной, не было. Спорили лишь о направлении агрессии. Военный министр иностранных дел с пеной у рта доказывал, что Япония должна ударить немедленно на Север, затем на Юг, а в промежутке между этими прогулками «разрешить китайский инцидент». Когда ему указали, что у Японии просто не хватит сил, чтобы осуществить столь величественные замыслы, он заверил присутствовавших: «Соединенные Штаты не любят СССР и, по всей вероятности, не придут к нему на помощь, вступив в войну». С этим не спорили, но перспектива близкой войны против Советского Союза просто пугала. Мацуока заикнулся было о том, что необходимо основывать внешнюю политику на моральных принципах, т. е. верности тройственному пакту.

— Господин Мацуока,— воскликнул Хиранума, в прошлом премьер, а теперь министр внутренних дел.— Прошу вас, еще раз обдумайте проблемы, стоящие перед нами. Вы стоите за то, чтобы мы тотчас же нанесли удар по Советскому Союзу? Вы предлагаете нам, чтобы наша национальная политика состояла в немедленном развязывании войны против Советского Союза?

— Да,— ответил Мацуока.

— Я не оспариваю важность дипломатии, основывающейся на моральных принципах,— веско заметил начальник генерального штаба армии генерал Сугияма,— но, поскольку у нас в Китае связана большая армия, мы не можем действовать по-вашему. Верховное командование будет вести подготовку, однако ударим мы на Север или нет, пока нельзя решить.

— Престиж Японии необычайно поднимется, если мы нападем на Советский Союз, когда он, как спелая хурма, будет готов упасть на землю,— присовокупил военный министр Тодзио.

Руководители Японии сочли, что высшая государственная мудрость состояла в том, чтобы выждать ослабления Советского Союза в войне с гитлеровской Германией. Впоследствии Коноэ в своих мемуарах уточнил: «Хотя лидеры правительства сумели отвести настойчивые требования о незамедлительном начале войны против Совет-

ского Союза, они были вынуждены в качестве компенсации согласиться на вооруженную оккупацию Французского Индокитая»⁵². Итак, агрессия на юг все же оказывалась второстепенным делом, в Токио по-прежнему рассматривали Советский Союз как главного противника.

Итоги обсуждения были подведены на совещании с участием императора 2 июля, на котором была принята «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки». Документ гласил: «1. Императорское правительство преисполнено решимости вести политику, которая будет иметь своим результатом создание Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания и установление международного мира вне зависимости от того, какие международные события могут иметь место. 2. Императорское правительство будет продолжать свои усилия по разрешению китайского инцидента и стремиться создать надежную основу для безопасности страны. Это повлечет за собой продвижение в южные районы и в зависимости от будущих событий также разрешение советской проблемы. 3. Императорское правительство будет выполнять намеченную выше программу, невзирая на любые препятствия». В ближайшее время намечалось предъявить новые требования к властям Французского Индокитая и поставить под полный контроль эту страну, имея в виду в дальнейшем предпринять действия против Малайи и Голландской Индии.

О Советском Союзе в объяснительной записке к программе было записано: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе «оси» трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном * для империи, она, прибегнув к вооружен-

* В проекте документа первоначально записали «очень благоприятном», однако формулировка вызвала протест Мацуоки. «Мне не нравится словечко «очень», — кричал он, настояв на исключении его. На заседании 2 июля все же отметили, что нападение на СССР, с которым недавно подписан пакт о нейтралитете, все же даст повод обвинять Японию «в предательстве». Председатель тайного совета Хара отрезал: «Никто не назовет Японию предателем, если она нанесет удар по Советскому Союзу. Я трепетно молюсь, чтобы благоприятный момент для нападения наступил».

ной силе, разрешит северную проблему»⁵³. Боевая мощь Квантунской армии значительно увеличивалась.

В Маньчжурию непрерывным потоком направлялись подкрепления. К началу 1942 г. численность Квантунской армии перевалила за миллион человек личного состава, количество танков удвоилось, а самолетов утроилось. В Корее развернута новая армия. Как отмечается в специальном исследовании Центра по изучению международных отношений при Принстонском университете, увидевшем свет в 1961 г., «эта мобилизация и сосредоточение наземных и воздушных сил была величайшей во всей предшествовавшей истории японской армии.

...В Корею и Маньчжурию было завезено такое громадное количество вооружения и снаряжения, что, несмотря на позднейшие изъятия, около 50% осталось в этом районе к концу войны на Тихом океане»⁵⁴.

Решения императорского совещания не остались тайной для правительства США. Отлично поставленная американская служба дешифровки кодов иностранных государств еще летом 1940 г. достигла выдающегося успеха — криптографы после почти двухлетней работы сумели раскрыть японский дипломатический шифр⁵⁵. Правительство США рассматривало достижение своей разведки буквально как дар небес, и все материалы, добытые путем дешифровки, с целью замаскировать источник официально именовались — получены от «чуда». Под этим термином скрывалась обширная организация, насчитывавшая в описываемое время свыше 800 офицеров и рядовых. Они обслуживали станции радиоперехвата, а главное — машины для дешифровки.

У США имелось четыре комплекта оборудования для дешифровки японского «розового» кода — два в Вашингтоне, в распоряжении командования армии и флота, один у командующего американским флотом в Азиатских водах на Филиппинских островах. Четвертый комплект первоначально предназначался для штаба командующего тихоокеанским флотом адмирала Х. Киммеля. Но летом 1941 г. этот комплект был передан Англии⁵⁶. Считалось, что флот на Гавайских островах обеспечивается достаточным количеством информации из Вашингтона. Сведения, полученные при помощи «чуда», докладывались крайне ограниченному числу лиц: президенту, государственному секретарю, военному и военно-морскому министрам, командованию

вооруженных сил. Даже остальные члены американского правительства не имели представления об этом архиважном источнике. Равным образом не был посвящен в тщательно охраняемую тайну американский посол в Японии Д. Грю. Необходимо, однако, помнить, что в перехваченных телеграммах содержалось только то, что японское правительство считало возможным доверить своим представителям за рубежом, или сообщались решения, предназначенные для передачи Германии и Италии, а отношения внутри фашистской «оси» были далеки от искренности. Все это, естественно, затрудняло понимание политики японского правительства.

В самом деле, 2 июля в Берлин была послана телеграмма: «Япония готова ко всем возможностям в отношении СССР, чтобы соединиться с Германией в активной борьбе с коммунизмом и уничтожении коммунистической системы в Восточной Сибири». Осима в тот же день помчался на Вильгельмштрассе, встретился с Риббентропом и вечером доложил Токио: «Передал указанную ноту и сказал Риббентропу, помимо прочего, следующее: «Мацуока вскоре добьется решения. Если бы вы, немцы, своевременно уведомили нас, что собираетесь воевать с Россией так скоро, мы бы смогли уже подготовиться». При оценке этих телеграмм все же нужно было сделать корректив на личные взгляды Осима...⁵⁷

Великая держава не строит своей государственной политики на скупых строчках перехваченных и дешифрованных документов потенциального противника. Утверждать обратное смешно. Решения от 2 июля, естественно, не передавались шифром текстуально. В циркулярной ноте японского министерства иностранных дел сообщалась лишь их суть. О США говорилось только следующее: «Хотя будут использованы все средства, чтобы предотвратить вступление США в войну, в случае необходимости Япония будет действовать в соответствии с тройственным пактом и репит, когда и как употребить силу»⁵⁸. Из этого нельзя было извлечь многого, но в сочетании с другими сведениями информация «чуда» имела неопределимое значение для Вашингтона.

Когда криптографы ввели руководителей правительства США в курс дискуссии, развернувшейся в Токио после нападения Германии на Советский Союз, в Вашингтоне заключили, что, несмотря на все оговорки в решениях совеща-

ния у императора, агрессия Японии против Советского Союза неизбежна. Основопологающей посылкой для этого вывода послужила несомненная подготовка Японии к войне с СССР, а доказательством того, что она действительно разразится, — оценка командованием вооруженных сил США возможностей Советского Союза перед лицом натиска вермахта на Западе. Американский генералитет был убежден, что Германии потребуются от шести недель до двух месяцев для полного разгрома Советского Союза. Белый Дом и государственный департамент не ставили под сомнение профессиональное мнение военных. Поскольку в Токио приурочили открыть боевые действия против Советского Союза к тому моменту, когда силы советской страны будут подорваны, а в том, что именно так и случится, в Вашингтоне нисколько не сомневались, постольку война между Японией и Советским Союзом представлялась совершенно несомненной.

Правильно проследив, как им казалось, причинную связь между успехом агрессии Германии на Западе и выступлением Японии на Востоке, американские руководящие деятели положили этот вывод в основу практических действий. Уже 3 июля 1941 г. Г. Старк информирует штаб Х. Киммеля на Гавайских островах: «Из чрезвычайно надежного китайского источника» (о «чуде» ни слова) стало известно, что «в течение двух недель Япония аннулирует пакт о нейтралитете с Россией и нападет на нее»⁵⁹. 5 июля командующим американских гарнизонов на Филиппинских и Гавайских островах, в Карибском море и других местах было разослано предупреждение штаба армии США. Д. Маршалл не исключал возможности японской агрессии против голландских или английских владений, но наиболее вероятным объектом считался Советский Союз: «Договор о нейтралитете будет аннулирован, и основные военные усилия Японии будут направлены против приморских областей России, возможно, в конце июля или будут отложены до краха в Европейской России»⁶⁰.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Соединенные Штаты заявили, что они на стороне советского народа и готовы оказать ему помощь. Исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес на пресс-конференции 23 июня 1941 г. объяснил: «Для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как

принципы и доктрины нацистской диктатуры.. По мнению правительства США, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряют конец нынешних германских руководителей и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности»⁶¹.

Командование американских вооруженных сил рассматривало советско-германскую войну под углом зрения национальной безопасности США. Командующие потребовали немедленно вступить в войну в Европе с тем, чтобы Соединенные Штаты не остались в одиночестве перед грозной коалицией врагов, после того как Германия разгромит Советский Союз и потерпит крах Англия. «В ближайшие сорок восемь часов после того, как возникла эта ситуация в России,— писал через месяц Г. Старк,— с одобрения военно-морского министра я отправился к президенту и заявил... что мы должны, не теряя ни минуты, воспользоваться психологической обстановкой, созданной русско-германским столкновением, начать немедленно эскортирование (конвоев в Англию.— *Н. Я.*) и заявить об этом, приступить к защите Западной Атлантики в широких масштабах. Такое заявление, за которым немедленно последуют наши действия, почти наверняка вовлечет нас в войну, и я считаю каждый день промедления с вступлением в войну опасным». 23 июня военно-морской министр Ф. Нокс писал президенту: «Гитлеру потребуется от шести недель до двух месяцев, чтобы расправиться с Россией. На мой взгляд, мы не должны упускать этих трех месяцев, не нанеся сильного удара, чем раньше, тем лучше». Военный министр Г. Стимсон в письме Ф. Рузвельту в тот же день настаивал: «Мы должны действовать быстро и преодолеть первоначальные трудности, прежде чем Германия вытщит ноги из русской трясины». Их поддержал министр внутренних дел Г. Икес, который писал президенту также 23 июня: «Если мы не вступим в войну сейчас, мы окажемся без единого союзника в мире, когда придет наш черед». Аналогичную позицию занимал и министр финансов Г. Моргантау⁶². Сама страстность этих обращений к президенту показывала, что значительная часть американского правительства не понимала курса тех, кто стоял у руля государственного корабля.

Во внешней политике США имели в виду прямо противоположную цель — остаться максимально долго вне

войны. Министры — Ф. Нокс, Г. Стимсон, Г. Икес, Г. Моргантау — были за вступление в войну с Германией, потому что она связана в борьбе с СССР. В глазах Ф. Рузвельта и К. Хэлла, занимавшихся внешней политикой, именно это служило самой надежной гарантией, что по крайней мере в ближайшее время столкновение с Германией невозможно. Военственные члены кабинета, идолопоклонствуя перед святыней — планом «АБЦ-1», рассматривали Атлантику как американский фронт, а в Белом Доме рассудили, что германо-советская война превратила ее в американский тыл. Опасность исходила лишь с Востока. Во внешнеполитическом уравнении, которое пытался решить государственный департамент, единственным неизвестным оставалась Япония. После 22 июня 1941 г. отношения с ней приобрели первостепенное значение для архитекторов американской внешней политики: избежав вооруженного конфликта с Японией, Америка сохраняла возможность вступить во вторую мировую войну только тогда, когда это ей будет нужно. Но пассивное выжидание было бы губительно для далеко идущих планов США — решения императорской конференции недвусмысленно свидетельствовали о том, что японская агрессия готовится и в сторону южных морей. Американская дипломатия должна была действовать, но так, чтобы не подставить Соединенные Штаты под удар. Сложность задачи обусловила громадное разнообразие приемов, на первый взгляд, даже противоречивых.

В Вашингтоне терпеливо ждали ответа на резкую ноту Хэлла 21 июня. Японское правительство медлило, и это было расценено как доброе предзнаменование — в Токио готовятся идти походом на СССР и японцам не до второстепенных дел. Д. Грю все же прозондировал позицию Мацуока. Последний, заметно обнаглев, заявил, что политика Японии будет зависеть от «будущих событий», как-то: заключения союза между Англией и СССР или попытки Соединенных Штатов снабжать Советский Союз через Владивосток⁶³. В Вашингтоне уже приняли меры. Еще 22 июня С. Уэллес в беседе с английским послом Галифаксом выразил надежду, что «Англия не вступит в формальный союз с СССР». Уэллес подчеркнул, что «японцы рано или поздно нападут на Советский Союз, и если Англия заключит такой союз, тогда она будет вовлечена в военные действия на Дальнем Востоке»⁶⁴. Что касается морского пути

в СССР через Владивосток, то перевозки из США производились в основном на советских судах.

Мацуока тем временем все повышал ставки. В связи с подготовкой ответа на американскую ноту от 21 июня он указал своим коллегам, что устное заявление Хэлла при вручении этой ноты Номура — недопустимое вмешательство во внутренние дела Японии, ибо Хэлл по существу настаивал на его отставке. Именно так, патетически восклицал он, в 1905 г. во время марокканского кризиса кайзер заставил уйти в отставку французского министра иностранных дел Делькассе. Ссылаясь на прецедент и личную обиду, он категорически потребовал прежде чем давать ответ США, добиться, чтобы Хэлл взял назад свое устное заявление как «невежливое и неуместное». Коноэ еще не оставил надежд побудить США к уступкам в ходе переговоров. Требования Мацуока грозили сорвать их. Правительство воспротивилось. Тогда Мацуока единолично поручил Номура потребовать от Хэлла отказа от своего заявления. К глубочайшему изумлению Токио, Хэлл согласился⁶⁵. Хотя Мацуока одержал победу, его поведение стало нетерпимым для японского правительства.

Особое раздражение почти всего правительства вызывали тесные связи Мацуока с немцами. Коноэ и его сторонники имели веские основания подозревать, что чрезмерно самостоятельный министр иностранных дел прилагает все усилия к вступлению Японии в войну на стороне Германии. Он поддерживал постоянный контакт с германским послом в Токио Оттом. А Берлин, открыв карты нападения на СССР, теперь торопил Японию, соблазняя ее перспективами скорого разгрома Советского Союза. Гитлеровское руководство настойчиво убеждало своего союзника поднять оружие. Мацуока не только высказывался в пользу такого образа действия на заседаниях правительства, но попытался сплотить вокруг себя общественное мнение. Он распорядился отпечатать большим тиражом одну из своих речей, в которой ратовал за войну рука об руку с Германией. Правительство успело изъять тираж до начала распространения. В то же время по наущению гитлеровцев Мацуока вел дело к срыву переговоров с Соединенными Штатами. Его действия в конечном итоге лишали Токио свободы в определении собственной позиции.

Неудобного министра нужно было убрать. Чтобы у Соединенных Штатов не создалось впечатления, будто

Япония уступает их нажиму, 16 июля 1941 г. в отставку ушел весь кабинет. Состав нового правительства был объявлен 18 июля. Все главные действующие лица остались на своих местах, но пост министра иностранных дел занял адмирал Теихиро Тоеда. Это правительство в Японии прозвали «кабинетом японо-американских переговоров».

Японские политики отдавали себе отчет в том, что теперь добиться отступления Соединенных Штатов труднее. Как объясняет М. Сигемитцу в своих мемуарах, «участие России в войне немедленно сняло бремя, которое несла Англия, и соответственно усилило американские позиции. США отныне могли продвинуть их вперед. Им больше не было необходимости смягчать свое отношение к действиям Японии на Дальнем Востоке»⁶⁶. На Токийском процессе главных японских военных преступников Тодзио подробно рассказал о том, что на этот счет правительство было единодушно. Не менее единодушны в Токио были и в том, что пробил час осуществить давние планы империалистической экспансии.

Президенту и государственному секретарю была доложена перехваченная и дешифрованная телеграмма из Токио японскому посольству в Вашингтоне: «Перетасовка в кабинете была необходима для того, чтобы ускорить решение вопросов, связанных с делами страны, и не преследует иных целей. Политика Японии не будет изменена. Она остается верной принципам тройственного пакта»⁶⁷. Руководители американской внешней политики не могли не понять, что Япония даст ответ Соединенным Штатам, но, по-видимому, иной, чем требовала, на их взгляд, германо-советская война. В Токио, оказывается, следовали собственной логике.

Еще в сентябре 1940 г. японское правительство добилося от режима Виши согласия на ввод своих войск в северную часть Французского Индокитая. Дальнейшее овладение страной затянулось. В Тонкине, а затем в других частях Индокитая вспыхнули восстания, руководимые коммунистами. Против повстанцев совместно действовали японские и французские колонизаторы. Только поздней весной 1941 г. японские милитаристы были готовы овладеть оставшейся частью страны. «И если они несколько отложили решение, то лишь в ожидании прояснения

отношений между Германией и СССР», — замечают официальные американские историки В. Лангер и С. Глисон⁶⁸.

Не прошло и месяца после начала германо-советской войны, как Япония предъявила Виши требование разрешить занять стратегические пункты в Южном Индокитае. 21—23 июля были подписаны соответствующие соглашения, и японские войска общей численностью до 50 тысяч человек начали оккупацию южной части Французского Индокитая. Япония выходила на ближние подступы к Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинским островам. Сомнений быть не могло — японская агрессия распространилась на юг.

В Вашингтоне были серьезно озабочены действиями японских милитаристов, которые явно предпочитали южное направление агрессии северному — против СССР. На японское продвижение на юг Соединенные Штаты всегда реагировали крайне болезненно. Когда в сентябре 1940 г. Япония поставила под контроль северную часть Индокитая, американское правительство ответило введением системы лицензий на экспорт в Японию некоторых видов стратегических материалов и сырья. Ограничения эти остались в основном на бумаге: так, например, импорт чугуна, листового стали и металлического лома Японии из США в 1941 г. увеличился против 1940 г. в среднем в четыре раза⁶⁹. Крутых мер в области торговли с Японией правительство США не проводило, так как опасалось, что это будет, с одной стороны, способствовать нормализации советско-японских отношений, а с другой — приведет ее к вооруженному конфликту с Соединенными Штатами. Следовательно, будет сорван политический расчет американских правящих кругов — толкнуть Японию против Советского Союза.

Мудрость этой государственной политики неоднократно ставилась под сомнение членами американского правительства, реалистически оценивавшими опасность японской агрессии для самих Соединенных Штатов. В начале 1941 г. министр внутренних дел Г. Икес был назначен еще на один пост — руководителя управления по распределению горючего для целей национальной обороны. Г. Икес очень быстро выяснил, что громадное количество бензина и нефти, необходимых американским вооруженным силам, экспортируется в Японию. В конце июня своей властью он ввел эмбарго на вывоз горючего в Японию из портов

Атлантического побережья и Мексиканского залива. Министр резонно рассудил, что нельзя допустить, чтобы японские корабли и самолеты, которые завтра будут действовать против США, заправлялись американским горючим.

Президент, однако, по-иному взглянул на дело. Он немедленно отменил распоряжение Икеса, спросив его: будет ли министр выступать за эмбарго, если «введение его нарушит непрочное равновесие на чашах весов и побудит Японию выбрать между нападением на Россию и нападением на Голландскую Индию». Икес не мог постичь логики президента и обратился с просьбой об отставке с поста руководителя ведомства по распределению горючего в целях национальной обороны.

Рузвельт не принял отставки. Поскольку Икес входил в состав кабинета, но не был в курсе святая святых политики США, Рузвельт счел необходимым объяснить министру: «Речь идет не об экономии горючего, а о внешней политике, которой занимается президент и под его руководством государственный секретарь. Соображения в этой области сейчас крайне деликатны и весьма секретны. Они не известны и не могут быть полностью известны Вам или кому-нибудь другому, за исключением двух указанных лиц. Они оба — президент и государственный секретарь — полностью согласны в отношении экспорта нефти и других стратегических материалов, зная, что в настоящих условиях, как они им известны, данная политика наиболее выгодна для Соединенных Штатов»⁷⁰. И в другом письме Икесу 1 июля Рузвельт подчеркнул: «Мне кажется, Вам будет интересно знать, что на протяжении последней недели японцы дерутся между собой насмерть — пытаются решить, на кого прыгнуть: на Россию, в сторону южных морей (тем самым связав свою судьбу окончательно с Германией) или они будут продолжать «сидеть на заборе» и более дружелюбно относиться к нам. Никто не знает, какое решение будет принято в конечном счете, но, как Вы понимаете, для контроля над Атлантикой нам крайне необходимо сохранить мир на Тихом океане. У меня просто не хватает флота, и каждый небольшой инцидент на Тихом океане означает сокращение числа кораблей в Атлантике»⁷¹.

Занятие японскими войсками Южного Индокитая опрокинуло посылки, на которых строилась эта политика. Было необходимо предостеречь Японию, но как? Несколько дней

в Вашингтоне происходило тщательное обсуждение вопроса, во время которого основное внимание уделялось целесообразности наложения эмбарго на экспорт нефти в Японию. Правительство запросило наиболее компетентный в сложившихся условиях орган — командование военно-морского флота. 22 июля Г. Старк представил государственному департаменту рекомендации флота, конечный вывод которых гласил: «Введение эмбарго, вероятно, приведет к тому, что без большой задержки последует нападение Японии на Малаю и Голландскую Индию и, возможно, к раннему вовлечению Соединенных Штатов в войну на Тихом океане. Если США решили вести войну на Тихом океане, тогда действия, ведущие к ней, следует отложить, если это возможно, до тех пор, пока Япония не будет связана войной в Сибири... Сейчас несвоевременно накладывать эмбарго на торговлю с Японией»⁷².

Хотя рекомендации командования флота полностью совпадали с предшествующей позицией правительства, адмиралы, очевидно, не брали в расчет, что если США не примут никаких мер в связи с вступлением японских войск в Южный Индокитай, то это лишь укрепит Токио в убеждении, будто Япония находится на верном пути. Давление на юге увеличится, а война против Советского Союза будет отложена. Президент решил продемонстрировать силу.

25 июля американское правительство ввело эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозило все японские активы в США на общую сумму в 130 млн. долларов⁷³. На следующий день филиппинская армия была передана в прямое подчинение американского командования. В связи с «ремонтом» закрыли для японского судоходства Панамский канал. Англия и власти Голландской Индии последовали за США, заявив о замораживании японских активов и прекращении торговли с ней. Япония ответила аналогичными действиями в отношении активов этих стран. Было произнесено немало громких слов с обеих сторон. Американская печать превозносила твердость правительства, а японские газеты с таким отчаянием убеждали своих читателей в том, что Японию «окружают», как будто петля голода уже затягивалась на шеях редакторов. Как обстояло дело в действительности?

Эмбарго не прекращало, а лишь ограничивало американо-японскую торговлю. Государственный департамент разъяснил органам, ведавшим торговлей с Японией, что

они могут выдавать лицензии на экспорт в эту страну с тем, чтобы вывоз нефти (экспорт авиационного бензина воспрещался) равнялся примерно уровню 1935—1936 гг. Поскольку японские активы были заморожены, предписывалось следить за тем, чтобы стоимость экспорта примерно равнялась стоимости импорта. Ограничения должны были действовать примерно три месяца, по истечении которых в зависимости от политической обстановки торговлю можно было вновь расширить на основе клиринга.

Когда в Лондоне выяснили, что кроется за американским «эмбарго», там были вынуждены срочно пересмотреть свое решение и открыть ограниченную торговлю с Японией. Власти Голландской Индии также пошли на это. В противном случае, как понимало английское правительство, риск войны брала на себя только Англия, а США оставались в стороне. Министр иностранных дел Японии Тоеда, который 26 июля в полном расстройстве чувств говорил Грю: «Я едва спал последние ночи»⁷⁴, — вновь обрел душевный покой. «Итак, — записал Икес в своем дневнике, — мы снова дурачим страну, как и год назад»⁷⁵. Проанализировав все эти события, правоверные летописцы американской внешней политики В. Лангер и С. Глисон пишут: «Не будет преувеличением поэтому сказать, что президент все еще лаял, но не кусал»⁷⁶. Соединенные Штаты показали, на что они способны. В будущем.

26 июля Киммель написал длинное письмо, начинавшееся обращением «Дорогая Бетти». Он обоснованно ждал от адресата главнокомандующего ВМС США совета. Прозвище «Бетти» адмирал Г. Старк получил еще на первом курсе военно-морского училища в Аннаполисе. Кадеты давно состарились, на их плечах сверкали адмиральские погоны, но для однокашников Г. Старк оставался «дорогой Бетти».

Письмо было чуть ли не слезной мольбой объяснить, какова политика правительства Соединенных Штатов. Поэтому представляется необходимым привести пространную выдержку из этого документа. Киммель писал:

«1. Необходимо держать командующего (тихоокеанским) флотом в курсе политики министерства, решений и изменений в политике и решений, призванных встретиться изменения в международной обстановке.

а. До сих пор мы не получили официальных данных относительно позиции США в случае участия России в войне, в первую очередь в отношении содружества на Тихом океане, если оно будет вообще между США и Россией, если и когда обе державы примут активное участие в боевых действиях. В наших существующих планах Россия не предусмотрена и не предвидится координированных действий, совместного использования баз, общей системы связи и т. д. Новая обстановка открывает перед нами возможности, которые следует полностью использовать, и необходимо до конца воспользоваться возможностями взаимной помощи (разрядка моя.— *Н. Я.*). Конкретно прошу дать ответ на следующие вопросы:

1) Объявит ли Англия войну Японии, если японцы нападут на приморские провинции (России)?

2) Если ответ на первый пункт положительный, тогда окажем ли мы им активную поддержку, как предварительно предусмотрено в случае нападения на Голландскую Индию или Сингапур?

3) Если ответ на второй пункт положительный, тогда составляются ли планы совместных действий, оказания совместной помощи и т. д.?

4) Если ответ на первый пункт отрицательный, тогда какова будет позиция Англии? Какова будет наша позиция?

5) Если Англия объявит войну Японии, а мы не сделаем этого, какова наша позиция в отношении японского судоходства, патрулирования тихоокеанских вод, рейдеров и т. д.

б. В зависимости от хода боевых действий обстановка в России, по-видимому, дает нам возможность укрепить нашу оборону на Дальнем Востоке, в особенности Гуам и Филиппины... По моему мнению, нам следует двинуть укрепление Гуама и ускорить укрепление Филиппин. Война России с державами оси может дать нам передышку (разрядка моя.— *Н. Я.*)»⁷⁷.

Адмирала основательно занесло, он думал даже о сотрудничестве с СССР и просил ввести его в курс государственной политики на уровне Белого Дома, а последнего не знала даже подавляющая часть членов правительства. Что же мог ответить Старк? Письмо Киммеля от 26 июля было не единственным обращением такого рода, его разве отменяла развернутая аргументация. Старк — «Бетти» — про-

явил женскую изворотливость. 31 июля в связи с настойчивыми просьбами Киммеля он пишет командиру флагманского линкора тихоокеанского флота «Пенсильвания» капитану Г. Куку: «Ряд вопросов, которые недавно ставили вы, и ряд вопросов, которые ставит Киммель (на них я дам ответ по возможности скорее), принадлежат к числу тех, которые я сам все еще пытаюсь выяснить в Вашингтоне. Газеты дают вам по ним ровно столько информации, сколько я сам располагаю». Иными словами, Старк порекомендовал любознательным морякам на Гавайских островах читать газеты. Походя заметим, что своего обещания «дать ответ по возможности скорее» он так и не сдержал.

Оставив таким образом в стороне то, что в первую очередь интересовало Киммеля — политику США, Старк заключил письмо соображениями, ставшими, пожалуй, банальными в глазах командиров в Пирл-Харборе: «Как вам, вероятно, известно из наших телеграмм и моих писем, мы считаем, что первоочередная цель Японии — Советское Приморье. Тернер (начальник оперативного отдела штаба флота. — *Н. Я.*) считает, что Япония вторгнется туда в августе. Возможно, он прав. Обычно он бывает прав. Я придерживаюсь той точки зрения, что, хотя Япония в конце концов пойдет на Сибирь, она отложит выступление до приведения обстановки в Индокитае и Таиланде в желательное для нее состояние и до тех пор, пока не будет какого-либо прояснения в русско-германской войне»⁷⁸.

Всего этого Старк мог не писать, он трудился совершенно напрасно, его письмо (немедленно показанное Киммелю) не прибавило ничего нового к распухшим досье, где подшивались документы с предсказаниями неизбежного нападения Японии на СССР. Источники расходились только в сроках.

В 1946 г. объединенная комиссия конгресса, расследовавшая катастрофу в Пирл-Харборе, крепко взялась за капитана Лейтона, имевшего несчастье возглавлять разведку тихоокеанского флота на Гавайских островах в канун войны. На самые каверзные вопросы капитан отвечал очень просто, он даже припомнил, что Киммель четыре или пять раз в эти критические месяцы повторял вслух: «Хотелось бы мне знать, что мы собираемся делать». Ссылки Лейтона на то, что он был не в курсе «высшей политики», раззадорили допрашивавших его, они, наконец, выяснили лимиты тогдашних познаний начальника

разведки. «Видите ли, — сказал он, — существовала какая-то географическая линия, известная лишь высшим властям, и, если бы японцы переступили ее, тогда против них предприняли бы действия либо англичане, либо голландцы, либо, возможно, мы. Но по этому поводу не было ни авторитетных разъяснений, ни документов. Я узнал об этом, сплетничая в коридоре, и доложил штабу флота». «Другими словами, — возмутился член комиссии, конгрессмен Мэрфи, — вы, начальник разведки флота на Гавайях, занимались распространением коридорных сплетен!» Лейтон развел руками ⁷⁹.

И все же, что это была за таинственная «линия»? Придется вновь вернуться в мир «высокой политики», куда по служебному положению в 1941 г. не допускались Киммель и несчастливый Лейтон.

е

В начале августа состоялось первое за время войны совещание Ф. Рузвельта с У. Черчиллем. Англичане указывали, что только твердая позиция США, не считаясь с угрозой войны на Тихом океане, может остановить Японию. За возвышенными речами английских деятелей о единстве англо-саксонского мира американцы без труда разглядели желание защитить колониальные владения Англии на Дальнем Востоке руками Соединенных Штатов.

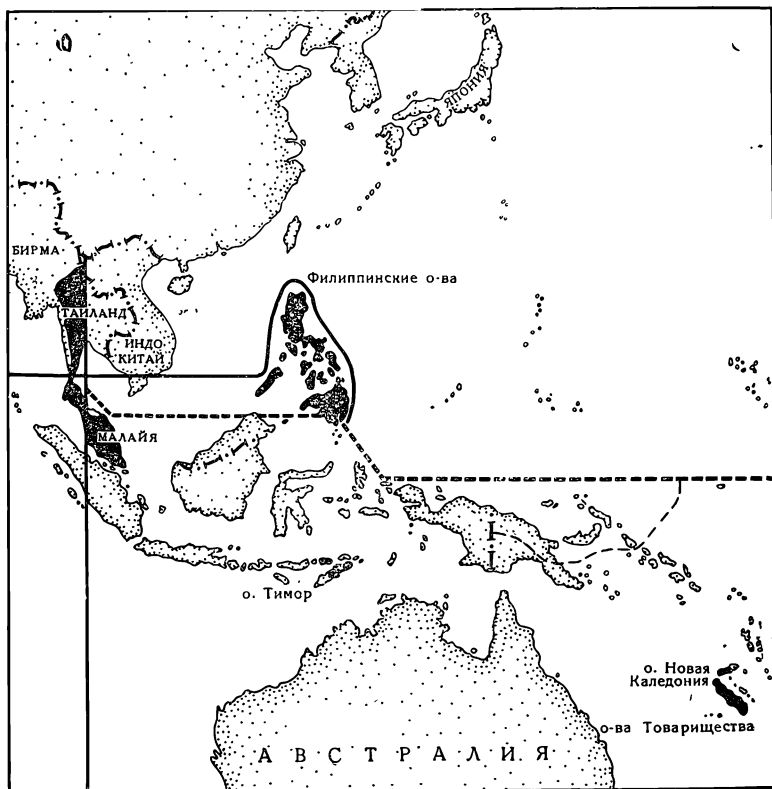
Рузвельт с трудом принял английское предложение, чтобы США одновременно с Англией, ее доминионами и Голландией предупредили Японию, что ее дальнейшая агрессия заставит эти державы применить оружие. Он объяснял англичанам, что цель США — отсрочить войну на Тихом океане хотя бы на месяц. Черчилль немедленно предложил текст соответствующей декларации. В пункте первом документа Японию предупреждали, что в случае ее нового продвижения в юго-западной части Тихого океана США «предпримут меры, даже если они могут привести к войне между Соединенными Штатами и Японией». А в пункте втором указывалось, что, если при применении указанных мер третья держава «станет объектом агрессии Японии», США окажут ей помощь.

Президент заметил, что достаточно первого пункта, о втором вообще говорить не нужно. Он указал, что по возвращении в США лично переговорит обо всем с Номурой. Черчилль ликовал. Ему казалось, что тревоги поза-

ди — Соединенные Штаты берутся защитить и британские владения. На радостях он сообщает кабинету в Лондон: «Президент сообщил, что немедленно телеграфирует м-ру Корделлу Хэллу, который устроит встречу президента с японским послом сразу же по возвращении в Вашингтон для вручения важного документа. Президент по возможности скоро встретится с послом и передаст ему письменное заявление. Я попросил копию заявления, но мне при отъезде ответили, что его еще не составили. Президент, однако, заверил меня многократно, что он включит в текст слова, приведенные выше (пункт первый декларации.— *Н. Я.*)... Я убежден, что он не смягчит формулировку»⁸⁰.

Что касается политики США в случае нападения Японии на СССР, то Рузвельт пообещал дополнительно устно предупредить Номура, что, «поскольку СССР является дружественной державой, США заинтересованы в равной степени в любом конфликте в северо-западной части Тихого океана». Даже если бы эти слова были произнесены, они остались бы словами. Как замечает современный американский историк Р. Даусон, «стремясь отсрочить схватку с Японией по возможности на более длительный срок, Соединенные Штаты едва ли приняли решение действовать, если бы Япония вторглась в Сибирь или блокировала Владивосток»⁸¹.

Но как быть с заверениями Черчиллю? По возвращении в Вашингтон Рузвельт и не помышлял выполнять свое обещание. Он посоветовался с Хэллом, и оба пришли к выводу, что ни в коем случае не нужно создавать у японцев впечатление существования какой-либо договоренности с англичанами. Стоит говорить только от имени одних Соединенных Штатов. А чтобы не возбуждать ненужных толков в Лондоне и избежать затруднительных объяснений с Черчиллем по поводу нарушения слова, английскому правительству ничего не сообщать. Итак, с сокрушенным сердцем пишет автор официальной английской истории второй мировой войны, «с глубокой печалью следует констатировать, что доверие Черчилля было обмануто»⁸². 17 августа Рузвельт пригласил Номура и подтвердил, что если Япония пойдет на дальнейшие действия для установления господства над соседними странами при помощи силы или угрозы силой, то США предпримут все возможные шаги для охраны своих «законных прав и интересов»⁸³. Где же находились границы этих «законных прав

Что американские политики считали поводом для войны с Японией: пересечение японскими вооруженными силами указанных на карте границ или вторжение на определенные территории (закрашены черным)? Нападение Японии на СССР и продолжение агрессии против Китая не служили поводом для вступления США в войну

и интересов»? Рузвельт, естественно, не уточнил их в беседе с Номура. Но для себя в Вашингтоне уже давно установили пределы допустимого японского продвижения.

Впервые они были намечены в итоге совещания военных представителей Англии, Голландии и США в Сингапуре в апреле 1941 г. Генерал Д. Маршалл и адмирал Г. Старк полагали, что США должны вступить в войну с Японией, если она нападет на американские, английские,

голландские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане или начнет продвижение за пределы района — в Таиланде западнее 100° в. д. или южнее 10° с. ш. — или попытается захватить Португальский Тимор, Новую Каледонию и острова Товарищества. Командование вооруженных сил США не видело необходимости вступать в бой с Японией, если она двинется против Советского Союза. Чтобы до войны с Японией дело не дошло, необходимо было растолковать Японии, какие пути агрессии для нее открыты, а какие закрыты.

Рузвельт предложил Номура возобновить американо-японские переговоры⁸⁴. Больше того, он согласился принять старое японское предложение — о личной встрече с Коноэ, правда, не на Филиппинах, а на Аляске в середине октября. Но в качестве предварительного условия возобновления переговоров президент просил «японское правительство любезно сообщить более ясно, чем до сих пор, о своей нынешней позиции и планах»⁸⁵.

Правительство Коноэ судорожно ухватилось за предложение Рузвельта. Обстановка в Токио к этому времени крайне обострилась. После 25 июля экстремисты взывали о мщении. Их тезис — положение Японии напоминает положение рыбы в пруду, из которого медленно, но верно выкачивают воду, — получил повсеместное распространение. Некоторые видные лидеры, поддерживавшие Коноэ, подвергались прямой физической угрозе. 14 августа произошло неудачное покушение на жизнь Хиранума, у него была прострелена шея. Полиция забеспокоилась, в донесениях правительству она проводила многозначительные параллели с обстановкой 26 февраля 1936 г. На автомобиль, в котором ехал Коноэ, было совершено нападение⁸⁶. Полиции удалось схватить четырех сверхпатриотов, именовавших себя «отрядом небесного мщения». 18 сентября в 10-летнюю годовщину начала японского вторжения в Маньчжурию⁸⁷ они намеревались воздать должное Коноэ за все его дела, в том числе за отставку Мацуока. Пришлось прикомандировать к Коноэ и его сторонникам отряды охранников.

Американское предложение, помимо прочего, давало возможность Коноэ хоть на время убраться из Токио. Японское правительство без минуты промедления начало подготовку к конференции: был подобран состав делегации, выделен специальный корабль, оснащенный мощной

радиостанций. 28 августа Номура вручил Рузвельту ответ Коноэ с согласием на встречу.

Относительно просимых заверений о своих намерениях японское правительство заявило: войска из Индокитая будут выведены по урегулировании «китайского инцидента». Япония не предпримет никаких военных действий в отношении соседних стран. Коноэ особо выделял: «Что касается советско-японских отношений, то японское правительство равным образом заявляет, что оно не примет никаких военных мер до тех пор, пока Советский Союз останется верным пакту о ненападении»⁸⁸. Но именно этих заверений не ждали в Вашингтоне! Их никогда и не просили у Японии! Инициатива японской дипломатии поставила Вашингтон в тупик. В правительственных ведомствах Соединенных Штатов не могли взять в толк, что заверения эти были порождены отнюдь не миролюбием Коноэ, а тем, что японские лидеры куда более трезво, чем американские, оценивали мощь Советского Союза. «Встречу (с Рузвельтом.— *Н. Я.*),— говорил Коноэ на совещании с военным и морским министрами,— нужно провести скоро. Ход дел в войне между Германией и СССР показывает, что кульминационный пункт будет достигнут где-то в середине сентября. Если, как предсказывают определенные круги, в боевых действиях наступит застой, тогда нет оснований оптимистически взирать на будущее Германии. В этом случае Америка займет более твердую позицию и больше не захочет вести переговоров с Японией... Учитывая возможность неблагоприятного развития событий для Германии, представляется делом первостепенной важности, не допуская ни одного дня отсрочки, достичь соглашения с Америкой!»⁸⁹. Военный и морской министры согласились с аргументацией Коноэ. 9 августа генеральный штаб армии принял решение — никаких операций против СССР в 1941 г. не проводить⁹⁰.

Тем временем сведения о предстоящей встрече Рузвельта с Коноэ просочились в печать и стали поводом для различных спекулятивных предположений о характере американско-японских переговоров. Японское правительство обратилось с просьбой к США — выступить с совместным заявлением о том, что встреча произойдет около 20 сентября. Коноэ торопил: он был убежден, что по возвращении с совещания с Рузвельтом экстремисты наверняка убьют его.

Когда в начале сентября стало ясно, что Соединенные Штаты уклоняются от уточнения своей позиции, координационный комитет в Токио приступил к выяснению военных возможностей Японии. 5 сентября император пригласил к себе Коноэ, начальников штабов армии и флота. Он осведомился у военных, сколько времени потребуется для кампании против США на Тихом океане. Генерал Сугияма браво отрапортовал: три месяца. Император резко напомнил генералу, что он был военным министром в 1937 г., когда возник «китайский инцидент». Тогда Сугияма обещал, что все будет кончено в один месяц, прошло уже четыре года, а войне в Китае нет ни конца, ни края. В смятении Сугияма принялся подробно объяснять, что громадные просторы Китая не дали возможности провести операции по плану. На это император раздраженно возразил, что если Китай велик, то Тихий океан безбрежен. Генерал смешался, понурил голову и замолк. На помощь пришел начальник штаба флота адмирал Нагано. Он с большим тактом заметил, что положение Японии напоминает состояние тяжелобольного, которому предстоит операция. Без нее большой утаснет, но и операция опасна. По мнению вооруженных сил, необходимо попытаться добиться успеха путем переговоров, если это не удастся, тогда пойти на операцию — начать войну.

6 сентября состоялось ключевое совещание у императора, на котором договорились, что если Япония к началу октября не осуществит своих «минимальных требований» в переговорах с Соединенными Штатами, тогда «мы немедленно примем решение о подготовке к войне против США, Англии и Голландии». Военщина была очень довольна. Октябрь был избран по настоянию военных в интересах успеха: наилучшая погода для десантных операций стояла в ноябре, в декабре действовать было бы труднее, а январь исключался из-за северо-восточных ветров. Участники совещания с большой долей лицемерия сетовали на США. После принятия решения император, сидя на троне, скорбно процитировал старинное стихотворение примерно такого содержания: «Моря простираются во все стороны от наших берегов, и мое сердце говорит народам мира: почему ветры волнуют море и нарушают мир между нами?»⁹¹. Сделал паузу и сообщил, что стихо-

творение написал его дед, император Мейдзи, и он напомнил его, чтобы все поняли миролюбивые чаяния деда.

После совещания у императора 6 сентября военные занялись реальным делом — форсированной подготовкой к войне, включая операцию против Пирл-Харбора, а политики устремились в погоню за миражем — возможно достичь удовлетворения японских требований путем переговоров с Соединенными Штатами. Уже вечером 6 сентября Коноэ пригласил Грю на тайное совещание. Они встретились в доме общего знакомого. Посол приехал в автомобиле, с которого были сняты все знаки, указывавшие на принадлежность машины дипломатическому корпусу. За поздним обедом премьеру и послу прислуживала только дочь хозяина дома; Коноэ заверил Грю, что о встрече никто не знает (на самом деле он получил согласие ключевых министров на нее). Премьер, разумеется, умолчал, что днем состоялось совещание у императора. Но Грю все равно почувствовал нечто необычное: собеседник заклинал его устроить встречу с Рузвельтом, ибо, хотя позиция Хэлла, как выразился Коноэ, «была блестящей с точки зрения принципа», конкретные проблемы можно решить лишь с президентом.

Грю немедленно сообщил в Вашингтон об усилиях японского правительства достичь «конструктивного примирения»⁹². Американские дипломаты по-прежнему приглашали японцев присоединиться к высоким принципам международных отношений, ставя переговоры на зыбкую почву абстрактных доктрин международного права.

Несмотря на новые просьбы Коноэ сообщить предложения США, американские руководители уклонялись от определенного ответа. Многочисленные документы, которыми обменялись в сентябре и первой половине октября США и Япония, не подвинули переговоры ни на шаг. Американская сторона в лучшем случае предлагала японцам еще раз изучить ноту Хэлла от 21 июня. В ответ японские представители прямо обвинили американских дипломатов в том, что они отказываются «выложить карты на стол». Грю, находившийся в Токио и имевший возможность вплотную наблюдать политическую обстановку в столице Японии, не мог понять неуступчивости собственного правительства. 29 сентября он предупредил Вашингтон: если встречи между Коноэ и Рузвельтом не произойдет, тогда правительство падет и будет заменено «военной

диктатурой, которая не захочет избежать столкновения в лоб с Соединенными Штатами»⁹³. Отправив телеграмму, посол пометил в своем дневнике: «Для премьер-министра Японии потрясти все прецеденты и традиции, а в этой стране их так чтят, и выразить желание явиться со шляпой в руке для встречи с президентом США на американской земле — одно это служит мерилом решимости правительства ликвидировать громадный вред, причиненный осуждением нашей могучей и потенциально разгневанной страны»⁹⁴. Однако Рузвельт упорно отклонял все попытки японского правительства убедить его встретиться с Коноэ. Неуступчивость Соединенных Штатов привела к резкому падению престижа правительства Коноэ в Японии. Экстремисты требовали призвать более энергичных людей к управлению страной. На них делали ставку и Соединенные Штаты. Коноэ не подходил: ведь именно он так неуместно заверил США, будто Япония не собирается открыть военные действия против Советского Союза.

20 сентября на очередном заседании координационного комитета военные предъявили Коноэ ультиматум — вынести решение о начале военных действий не позднее 15 октября. В противном случае вооруженные силы не смогут должным образом подготовиться к операциям в конце года. Коноэ положительно впал в отчаяние. Он уехал «отдыхать». Злоязычные в столице давно заметили странное совпадение: стоило назреть кризису, как премьер ощущал острую потребность в отдыхе.

1 октября он вернулся к делам, а 2 октября пришел долгожданный ответ из Вашингтона: Рузвельт отклонил предложение о встрече. Коноэ поделился с коллегами давней мечтой стать монахом в буддийском монастыре. Тодзио заметил, что в жизни человека бывают такие случаи, когда ему лучше прыгнуть с закрытыми глазами с террасы Кийомитцу-дера (буддийский храм в окрестностях Киото), нависшей над обрывом. Коноэ согласился, что такая идея может прийти человеку в голову, но он, как премьер страны, не может согласиться, что именно так следует решать проблемы, стоящие перед Японией.

Семейные праздники обычно смягчают сердца людей. По этой причине, а также для безотлагательного вынесе-

ния решения о дальнейшей политике князь Коноэ приурочил совещание важнейших министров ко дню своего рождения — 12 октября. В это воскресенье ему исполнилось пятьдесят лет. Министры собрались в доме именинника. Пристойной, приличествующей случаю беседы не получилось.

— Мы стоим на распутье и должны решить либо в пользу мира, либо в пользу войны. Я считаю, что решение целиком и полностью зависит от премьера, — холодно заметил морской министр.

— Я бы высказался за продолжение переговоров... — нерешительно начал Коноэ. Тодзио прервал князя и чеканя фразы произнес:

— Решение премьера поспешно. Коротко говоря, вопрос сводится к следующему: есть или нет возможность успешно завершить переговоры. Вести переговоры, в которых нет надежды на успех, и в конечном итоге упустить благоприятные условия для начала военных действий чревато серьезными последствиями.

Повернувшись к министру иностранных дел, Тодзио осведомился, есть ли возможность добиться сдвигов в переговорах. Тот ответил, что основное разногласие — вопрос о пребывании японских войск в Китае. Если армия уступит, тогда, быть может, можно рассчитывать на успех переговоров.

— Пребывание войск в Китае — вопрос жизни и смерти для армии, и здесь никакие уступки невозможны, — отрезал Тодзио.

— Разве нельзя, — мягко заметил Коноэ, — на время забыть о славе и пожать плоды, выполнить формальности, на которых настаивает Америка, причем результат будет тот же самый, что и «размещение войск»⁹⁵.

Тодзио не хотел и слышать об этом. Четырехчасовое совещание окончилось безрезультатно, день рождения Коноэ был безвозвратно испорчен. Гости разошлись сумрачные, а у князя опустели руки. Он видел, что дни премьерства сочтены.

14 октября Коноэ сделал последнюю попытку, переговорив до начала заседания кабинета с глазу на глаз с Тодзио. Он обратил внимание генерала на то, что никто не может предсказать продолжительность войны с США, стоило «выпустить стрелу из лука». Может быть, пять лет, может быть, десять. Князь провел параллель с курсом Япо-

нии в русско-японскую войну в 1904 г., что так любили делать многие лидеры в Токио. Он напомнил, что 4 февраля 1904 г. перед окончательным решением о нападении на Россию император вызвал доверенного советника маркиза Ито и спросил его, есть ли вероятность полной победы. Ито ответил, что нет, но Япония сможет закрепить первоначальные успехи быстрым заключением мира при посредничестве Соединенных Штатов.

Ныне, вызвал князь, такой третьей державы-посредницы сыскать невозможно. А дела Германии на восточном фронте идут неважно. Не лучше ли, предложил Коноэ, как-то разрешить «китайский инцидент», подождать исхода войны в Европе и сыграть решающую роль на мирной конференции, опираясь на военную мощь империи.

Тодзио не тронула взволнованная речь Коноэ. Он мрачно заметил, что премьер уделяет слишком много внимания слабостям Японии, забыв, что и у Соединенных Штатов есть слабые места. «Вообще я думаю, что разногласия в политике порождаются несходством наших характеров», — заявил Тодзио и откланялся.

На заседание кабинета, состоявшееся позднее в тот же день, Тодзио явился в состоянии крайнего озлобления. Нисколько не сдерживаясь, он обрушился на политиков. Министры замерли на своих местах. Попытка Тойоды объяснить цели дипломатии вызвала яростный приступ бешенства у Тодзио. Он иступленно бранился в адрес дипломатов, обвиняя их в том, что они срывают все и вся. Впервые кабинет увидел Тодзио в действии. После его нападок на Тойоду никому не захотелось принять участие в дискуссии. Военщина устами Тодзио дала ясно понять, что нынешний кабинет нетерпим. Военный министр ушел, оставив правительство в растерянности. Вскоре через посланца он передал Коноэ: пусть премьер больше не ищет встречи с ним, генерал не может за себя поручиться.

В политических кругах Японии давно горько шутили: если вы хотите узнать, какова внешняя политика страны, не нужно терять время и обращаться к премьеру или к министру иностранных дел, нужно сходить в генеральный штаб. Разрешение правительственного кризиса 15—17 октября 1941 г. подтвердило правоту острословов.

Военщина пошла напролом. Представители генерального штаба уведомили политиков, что, если правительство не окажется полностью в руках армии, возникнут

«внутренние беспорядки». Больше пояснений не требовалось: события 30-х годов еще были свежи в памяти. Тодзио и его сторонники усиленно нагнетали тревогу. Именно в эти дни, узнав, что в Токио работает запеленгованный радиопередатчик, по приказу Тодзио полиция арестовала двух германских подданных — Зорге и Клаузена. Разумеется, в момент ареста никто в японской охранке не подозревал, что они советские разведчики. Тодзио просто не хотел оставить ни одного камня нетронутым, чтобы подорвать положение ненавистного Коноэ, при правлении которого в столице работали тайные передатчики.

16 октября правительство Коноэ подало в отставку. 17 октября император вызвал Тодзио и поручил ему формирование нового кабинета. 57-летний генерал согласился. По дороге из императорского дворца он объехал ближайšie места: гробницу императора Мейдзи, памятник герою русско-японской войны Того и храм Ясукуни. Он смиренно просил богов наставить его на истинный путь. Они, вероятно, подсказали состав нового правительства, метко прозванного немногочисленными либералами «ненадежнейшей маньчжурской бандой». Новый премьер сохранил за собой пост военного министра и еще взял портфель министра внутренних дел. Открывается эра «сегуната Тодзио», испуганно шептались по углам токийцы.

18 октября было официально объявлено о создании правительства Тодзио и о присвоении премьеру ранга полного генерала. Напутствие императора оказалось беспрецедентным: Тодзио было сказано, что новое правительство не связано никакими предшествующими решениями. «Знаете,— задумчиво сказал император лорду-хранителю печати Кидо,— кажется, есть поговорка: «Нельзя заполучить тигренка, если нет смелости проникнуть в логово тигра»...

В Соединенных Штатах популярнейший «Лайф» сообщил читающей публике: приход Тодзио — «победа нацистов», от нового кабинета «попахивает порохом». Но, разъяснил журнал, «Тодзио давно рвется в бой. В 1937 г. он заявил: «Япония должна быть готова воевать одновременно с Китаем и Россией». Она уже воюет с Китаем, а сосредоточение 25 японских дивизий на советской границе выглядит, как будто Япония собирается вот-вот броситься на Россию»⁹⁶.

В середине октября советник японского посольства в Вашингтоне Хинденари Терасаки встретился с начальником оперативного управления штаба флота США адмиралом Ричмондом Тернером. Встреча носила полуофициальный характер, и поэтому обычно сдержанный Терасаки дал волю своим чувствам. Он заявил: «Соединенные Штаты стоят на крайне идеалистических позициях относительно Дальнего Востока... Но разговоры о принципах — всего лишь любимый конек богатей. Если оставить в стороне принципы, то, на мой взгляд, ваша цель заключается в том, чтобы заставить нас воевать в Китае, пока мы не будем истощены. С другой стороны, вы сами проводите очень реалистическую политику в Центральной Америке. Не будем говорить о Панаме, мы можем найти массу современных примеров, подтверждающих мою мысль... Материально мы, японцы, беднее американцев. Я не знаю, какой исход может быть в японо-американской войне, но даже если мы потерпим поражение, мы будем драться до конца»⁹⁷.

16 октября на первой странице «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение из Токио о публичном выступлении начальника японской морской разведки капитана Хидео Хирада. США и Япония, говорил он, «подошли к тому пункту, когда их дороги разойдутся... Америка, чувствуя себя неуверенной в нынешней обстановке, проводит громадное расширение флота. Однако Америка не может вести одновременно операции в Атлантическом и Тихом океанах. Императорский флот готов к худшему и завершил всю необходимую подготовку. Больше того, императорский флот горит желанием действовать, если это окажется необходимым».

Такого рода заявления ясно говорили о том, что в американо-японских отношениях назрел кризис, который может быть разрешен только силой оружия. Однако в Вашингтоне слепо верили, что Япония начнет войну, но не против Соединенных Штатов. Под это убеждение ответственные деятели американского правительства стремились подгонять факты, которые допускали совершенно иное толкование.

15 октября Рузвельт сообщает Черчиллю о несомненных, как ему представлялось, последствиях прихода к

власти нового правительства: положение с японцами определенно ухудшилось, «и я думаю, что они направляются на Север (разрядка моя.— *Н. Я.*), однако ввиду этого вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке»⁹⁸. 16 октября правительство Коноэ ушло в отставку. Как реагировали на это Соединенные Штаты? Хотя американские историки написали библиотеки книг по вопросам внешней политики, этот важнейший вопрос почти не освещается. Вот объяснение В. Лангера и С. Глисона: «Президент, узнав об отставке Коноэ, немедленно отменил обычное заседание правительства и в течение двух часов совещался с министрами: Хэллом, Стимсоном, Ноксом, генералом Маршаллом, адмиралом Старком и Гарри Гопкинсом. К сожалению, нет никаких сведений об этом совещании, за исключением пометки в дневнике Стимсона... «Мы стоим перед деликатной проблемой вести дипломатические дела так, чтобы Япония оказалась неправой, чтобы она первой совершила дурное — сделала первый открытый шаг!»⁹⁹.

Директива Г. Старка, направленная Х. Киммелю 16 октября, проливает, однако, свет на выводы совещания: «Отставка японского кабинета создала серьезную обстановку. Если будет сформировано новое правительство, оно, по-видимому, будет крайне националистическим и антиамериканским. Если у власти останется кабинет Коноэ, он будет действовать, имея другой мандат, не предусматривающий сближение с США. В любом случае наиболее возможна война между Японией и Россией (разрядка моя.— *Н. Я.*). Поскольку в Японии считают США и Англию ответственными за ее нынешнее отчаянное положение, есть вероятность того, что Япония может напасть и на эти две державы». О том, каковы были шансы последнего по сравнению с агрессией Японии против СССР красноречиво говорит следующее: Старк изменил в проекте «вероятна» на «возможна» при подготовке директивы, а также предписал командующему тихоокеанским флотом «принять должные меры предосторожности..., но не провоцировать Японию»¹⁰⁰.

Ход мысли Г. Старка отчетливо виден из его письма 17 октября, в котором объяснялась директива, отданная накануне: «Дорогой Киммель! Дела у нас здесь последние двадцать суток идут ни шатко ни валко, а впрочем, ты знаешь все, что мы делаем. Лично я не верю, что Япо-

ния может пойти на нас войной, и в директиве, посланной тебе, я говорю о «вероятности», больше того, я значительно смягчил в окончательной редакции представленный мне проект директивы. Быть может, я не прав, но надеюсь, что это не так. В любом случае после долгой возни в Белом Доме решили, что нам все же нужно быть начеку... Ты, наверно, помнишь то письмо, мое письмо, в котором я сообщал мнение оперативного управления, предсказывавшего нападение Японии на Сибирь в августе. Тогда я писал, что Япония не сделает ни одного определенного шага в этом направлении, пока обстановка не прояснится. Я думаю, что все это произойдет автоматически»¹⁰¹. Действительно, во второй половине октября положение на советско-германском фронте было очень тяжелым для СССР.

Естественно, эти документы подробно обсуждались Киммелем и Шортом. Впоследствии генерал Шорт свидетельствовал: в штабах на Гавайях из них заключили, что «была очень большая вероятность войны между Россией и Японией... Это ослабило, с моей точки зрения, возможность немедленной войны между США и Японией, ибо они (в Вашингтоне. — *Н. Я.*), очевидно, считали наиболее вероятной японо-русскую войну»¹⁰².

Со своей стороны американская дипломатия также не собиралась сидеть сложа руки. 17 октября английский посол в Вашингтоне Галифакс явился к Хэллу и вручил ему тревожное послание Лондона. Английское правительство было всецело согласно с США, что Япония в ближайшее время нападет на СССР. Однако, рассматривая этот вопрос с точки зрения национальных интересов Англии, в Лондоне считали неразумным допустить, чтобы державы «оси» били своих противников «поодиночке», в данном случае Советский Союз. Английское правительство осведомлялось, что «сделают Соединенные Штаты в случае нападения Японии на Россию». Американские расчеты строились на том, что 18 октября правительство сформировал генерал Хидеки Тодзио. Он был тесно связан с Квантунской армией и рассматривался американскими политиками как сторонник Германии.

В Вашингтоне было упущено из виду только то небольшое обстоятельство, что как Тодзио, так и новый министр иностранных дел Сигемори Того, в прошлом служивший в Москве, лучше, чем кто-либо другой в Токио, понимали силу Советского Союза и сложность войны про-

тив него. 22 октября Хэлл ответил англичанам: «Правительство США еще не решило, что делать в случае нападения Японии на СССР»¹⁰³. Тогда в Лондоне решили помочь США преодолеть нерешительность. Английское правительство высказалось за совместное предостережение США, Англии и СССР Японии «против блокады Владивостока или нападения на Сибирь». Соединенные Штаты отказались. Почему? К. Хэлл, пишут В. Лангер и С. Глисон, «решил на время рассматривать японскую агрессию в целом, а не заниматься ее отдельными проявлениями. Тем не менее Вашингтон решил отныне направлять поставки в Россию через Архангельск, а не Владивосток»¹⁰⁴. Объяснение американских официальных историков решительно ничего не объясняет. Дело было, конечно, в том, что Соединенные Штаты старались не сделать ничего, что могло бы отвратить Японию от агрессии против Советского Союза.

В разведывательном управлении штаба армии США офицеры имели доступ ко всем материалам, что и президент. Они видели глобальные замыслы агрессоров и понимали, что основной фронт второй мировой войны держит Красная Армия, защищающая на советской земле и американцев. Простой здравый смысл и элементарное чувство самосохранения подсказывали — нельзя допустить, чтобы на Востоке Советскому Союзу нанесли предательский удар в спину. Этими бесхитростными мыслями офицеры управления поделились с правительством.

2 октября разведывательное управление представило меморандум касательно возможной встречи Рузвельта с Коноэ: «Управление считает, что ни встреча лидеров, ни экономические уступки в это время не принесут ощутимой выгоды Соединенным Штатам, если Япония до этой встречи не даст твердого обязательства порвать с державами «оси». Непосредственная цель Соединенных Штатов — любым путем ослабить Гитлера. Японская гарантия не нападать на Сибирь освободит Россию психологически и в военном отношении и даст ей возможность оказывать более сильное сопротивление Гитлеру. Имея в виду указанное, обязательным предварительным условием предлагаемого совещания должен быть окончательный разрыв

Японии с остью и гарантия, искренность которой должна быть бесспорной, не нападать на Россию в Сибирь»¹⁰⁵.

Нам уже известно, что именно в день поступления меморандума в Белый Дом — 2 октября — Рузвельт окончательно отклонил японское предложение о встрече с Коноэ. Но сделано это было вовсе не так, как предлагало управление: президент практически не объяснил мотивов и, конечно, о Советском Союзе ни слова.

В связи с падением правительства Коноэ неутомимые разведчики сочинили новый меморандум, направленный правительству 16 октября. Они сообщили: падение правительства — «логический результат того, что министр иностранных дел Тойода не смог добиться ослабления американского экономического давления на Японию... и давления националистов в пользу прекращения японо-американских мирных переговоров». Кто от этого пострадает? Отражая известные настроения в Вашингтоне, составители документа подчеркивали: «Теперь японская армия, а не флот будет оказывать решающее влияние. Командование армии не замедлит воспользоваться любым ослаблением сибирской армии, вызванной русскими неудачами в Европе»¹⁰⁶. Иными словами, разведчики прозрачно намекнули, что они проникли в суть игры собственного правительства.

Если Белый Дом, как мы видели, успокоился с появлением на посту премьера Тодзио — агрессия на Север обеспечена, то разведывательное управление забило тревогу. 21 октября оно поторопилось доложить правительству: «В тот самый момент, когда Квантунская армия сочтет, что она превосходит Сибирскую армию по силам 2 к 1, весьма вероятно, что она начнет наступление независимо от политики и намерений правительства в Токио. А если это соотношение станет 3 к 1 или больше, то вероятность станет неизбежностью». Доклад завершался категорическими рекомендациями. «В наших лучших интересах... принять все возможные меры, чтобы сохранить нынешнее равновесие в силах русских и Квантунской армии»¹⁰⁷.

По всей вероятности, разведывательное управление не теряло времени и в военном министерстве, во всяком случае в день поступления приведенного доклада — 21 октября — и Стимсон обратился с громадной докладной к президенту. Офицеры разведки сумели завербовать на свою сторону самого военного министра! Г. Стимсон,

исходя из чисто военных соображений, считал, что единственное эффективное средство в руках США для обуздания Японии — сосредоточить на Дальнем Востоке и Тихом океане мощные силы бомбардировочной авиации. Он настаивал на всемерном усилении соединений бомбардировщиков на Филиппинах и продолжал: «Еще одна возможность открывается в северо-западной части Тихого океана. Гавань и порт Владивостока — одни из трех ворот России. Ворота в Архангельске могут захлопнуться в любой момент. Пропускная способность ворот через Персидский залив недостаточна. Близость Аляски к Сибири и Камчатке, возможности, которые там есть (хотя мы еще не удостоверились в них), дают нам случай использовать эти бомбардировщики в дополнение к указанным действиям с юга. Этот район может послужить базой для северной клешни американского влияния и мощи на этот раз не только для защиты против японской агрессии, но и для сохранения оборонительной мощи России в Европе... Контроль над западной частью Тихого океана, который будет таким образом установлен, едва ли не явится серьезнейшим предостережением Японии, равно как средством гарантии России. Есть все основания ожидать, что таким образом можно оторвать Японию от держав оси»¹⁰⁸.

Слов нет, расчеты эти делались без хозяина Сибири и Камчатки — Советского Союза, и всяческие упования на то, что американская авиация разместится на нашей земле в мирное время, были необоснованны. Как бы ни были прекрасны побуждения Стимсона, то был вернейший путь навлечь на советский Дальний Восток японскую агрессию. При всем этом, однако, очевидно, что достаточно влиятельные и компетентные офицеры в командовании американской армии изыскивали пути, разумеется, в национальных интересах США, предотвратить новое осложнение положения Советского Союза в результате японской агрессии. Если планы, развитые Стимсоном, по указанным соображениям были невыполнимы, то Соединенные Штаты имели полную возможность предостеречь Японию против нападения на СССР. Больше того, коль скоро это нападение представлялось Вашингтону неизбежным, такое предостережение было совершенно обязательно в интересах коалиционной войны против держав «оси». Слово оставалось за правительством США.

Оно прозвучало. 23 октября «Нью-Йорк таймс» под основным заголовком оповестила, что отныне главный поток грузов в СССР будет направляться не через Владивосток, а через Архангельск. Газета объяснила, что Вашингтон таким образом стремится избежать инцидентов с Японией. На следующий день Белый Дом благочестиво возмутился и с негодованием опроверг объяснение газеты¹⁰⁹, однако американские суда больше не появлялись на путях к Владивостоку.

Как видно из американской документации, на том закончилась эскапада разведывательного управления, оно перестало досаждать правительству своими прожектами. По-видимому, офицерам, совершившим вылазку в политику, указали их место. Как именно, представить нетрудно — в армии нет недостатка в уставах, наставлениях и инструкциях. Достаточно отослать к ним. Что до Стимсона, оказавшегося в рядах интеллектуальных инсургентов, то и его, вне всяких сомнений, дисциплинировали, и он больше не был замечен в еретических суждениях. И, конечно, все это было проделано в ядерных терминах просвещенной «демократии», существующей в США, — верховенства политиков над военными, в чем и состояло по официальной американской доктрине их преимущество над тоталитарными режимами, погрязшими в тупом милитаризме.

Случилось так, что Соединенные Штаты и Япония приняли важнейшие решения в один день — 5 ноября. Им предшествовала цепь событий как в Вашингтоне, так и в Токио. Американское правительство понимало, что после прихода к власти кабинета Тодзю не за горами решительные шаги Японии. Нужно было заранее определить свою позицию, а для этого изучить соотношение военных и политических возможностей страны. 5 ноября командование вооруженных сил США представило президенту развернутые рекомендации. Высшие военные деятели вновь указали, что главная цель США — нанести поражение Германии, в войне против Японии следует придерживаться обороны, ибо неограниченное наступление на Тихом океане поглотит ресурсы, необходимые для Европы. Схватки с Японией следует избегать до тех пор, пока США не накопят достаточных военных сил на Тихом океане.

Если же Япония в ближайшее время встанет на путь вооруженной агрессии, «тогда военные действия против Японии следует предпринять в одном или нескольких нижеследующих случаях: 1) открытый акт войны японских вооруженных сил против территории или подмандатных территорий Соединенных Штатов, Британского Содружества или Голландской Ост-Индии, 2) продвижение японских войск в Таиланд, к западу от 100° в. д., или южнее 10° с. ш., или вторжение на Португальский Тимор, Новую Каледонию или острова Товарищества... 3) если войны с Японией нельзя избежать, тогда во время нее следует придерживаться установленных стратегических планов, т. е. военные операции должны носить в основном оборонительный характер с целью удержания территории и ослабления японской экономики; 4) учитывая глобальную стратегию, японское продвижение против Куньмина, в Таиланде, за исключением указанного выше, или нападение на Россию не оправдывают вмешательства Соединенных Штатов против Японии» (разрядка моя.— *Н. Я.*). Исходя из всего этого, высшее командование вооруженных сил США считало, что отношения с Японией не следует вести к разрыву. Рекомендации завершала лаконичная фраза: «Не предъявлять никаких ультиматумов Японии»¹¹⁰. Ф. Рузвельт согласился с этими доводами.

Военные возможности Японии изучались и ее руководителями. Координационный комитет почти не прерывал заседаний. 23 октября его участники согласились, что нет иного пути, кроме войны, однако военный потенциал США в 7—8 раз больше японского. Поэтому «нет никакой возможности полностью возобладать над США в случае войны с ними». Вывод — следует провести скоротечную кампанию с ограниченными целями.

Министр иностранных дел Того на заседании 1 ноября все же попытался получить от военных ответ, какими силами располагает Япония для войны с США. На это Тодзио ответил, что министру «следует успокоиться и довериться верховному командованию». Морской министр поддержал Тодзио, заверив Того, что «японский флот потопит американский». Последний пробормотал что-то в том смысле, что «абсурдно основывать расчеты на предположениях», и согласился с военными¹¹¹.

5 ноября в Токио состоялось решающее заседание

тайного совета у императора. Участники решили, что переговоры с США следует пока продолжить и вручить американскому правительству два варианта предложений Японии, условно названных план А и план Б. Если до 25 ноября правительство США не примет одного из этих планов,— тогда война. План А предусматривал: Япония соглашается с принципом отказа от дискриминации в международной торговле на Тихом океане и в Китае, если этот принцип будет признан и в остальном мире; что касается тройственного пакта, то японское правительство согласно не расширять сферы «самообороны» и желает избежать распространения европейской войны на Тихий океан; после заключения мира между Японией и Китаем японские войска останутся на 25 лет в Северном Китае, на границе МНР и острове Хайнане. Если США отвергнут план А, тогда надлежало передать план Б, носивший характер модус вивенди. Япония обязывалась воздержаться от дальнейшей экспансии в обмен на ослабление американских ограничений на торговлю с ней. 7 ноября японское правительство установило ориентировочно день начала войны — 8 декабря (по токийскому времени). Началось развёртывание вооруженных сил в предвидении войны с США, Англией и Голландией с тем, чтобы немедленно вслед за провалом японо-американских переговоров можно было открыть боевые действия.

Теперь ключевой фигурой в японо-американских переговорах стал Номура. Адмирал к этому времени устал и был издерган бесцельным топтанием на месте. Попав в шестерню чудовищной дипломатической машины, Номура не понимал, что от него лично мало что зависело, и в неуспехе своей миссии был склонен винить только себя, в первую голову проклиная слабое знание английского языка. Когда пало правительство Коноэ, Номура обратился с просьбой об отставке в МИД Японии. Он объяснил, что не верит в возможность достижения соглашения и не имеет ни малейшего желания продолжать «это лицемерное существование, обманывая других людей». Из Токио последовал ответ: новое правительство искренне стремится урегулировать отношения с США¹¹². Номура остался на своем посту. В Токио удовлетворили настойчивые просьбы посла прислать ему помощника. Им был избран Курусу, старый друг Номура, в прошлом японский посол в Берлине, подписавший тройственный

пакт. Чрезвычайные и полномочные послы Империи Восходящего Солнца вели переговоры, не зная о подлинных намерениях собственного правительства. Немного спустя, когда уже разразилась война, фашистская дипломатия возвела это в особую доблесть. Гитлер в начале января 1942 г. с восторгом рассказывал своим приближенным: «Осима объяснил мне, что для обмана американцев японцы направили Номура и Курусу, ибо было известно, что они всегда стояли за достижение взаимопонимания с Соединенными Штатами. Действительно, когда хочешь обмануть противника, симулируя слабость, не следует использовать мужественного человека, прося его симулировать слабость! Лучше выбрать такого, кто слаб духом!»¹¹³

В начале ноября Курусу срочно выехал в США. С собой он вез только прекрасное знание английского языка: все инструкции, включая тексты планов А и Б, уже были переданы телеграфом Номура. Ему поручалось представить американскому правительству план А, в случае его отклонения вручение плана Б должно было состояться с участием Курусу. Рузвельт и Хэлл были своевременно осведомлены обо всем, что творилось на японской дипломатической кухне: американская разведка перехватывала и дешифровывала всю переписку в обоих направлениях между Токио и японским посольством в Вашингтоне. В Белом Доме и государственном департаменте знали как содержание двух планов, так и то, что Токио установило предельный срок ведения переговоров с Соединенными Штатами — 25 ноября, сообщенный телеграммой под № 736 от 5 ноября. Было над чем поразмыслить.

7 ноября Номура вручил план А Хэллу. 10 ноября посла принял президент. Хотя 6 ноября Рузвельт говорил Стимсону, что он может предложить японцам модус вивенди на шесть месяцев, при встрече с Номура президент ограничился бессодержательной лекцией о прелестях мира, необходимости способствовать процветанию человечества и т. д. По получении сообщения о реакции президента на план А Того был разъярен. Он немедленно телеграфировал Номура, напомнив, что дату 25 ноября «абсолютно нельзя изменить». Телеграмма была дешифрована и доложена Рузвельту и Хэллу. 15 ноября Номура выслушал окончательный вердикт Хэлла по поводу плана А: японские предложения относительно международной торговли и тройственного пакта неудовлетвори-

тельны. Если бы стороны договорились по ним, тогда «мы бы могли сесть рядом как братья и как-то разрешить вопрос о размещении японских войск в Китае»¹¹⁴. План А, следовательно, отвергался.

Напряжение в Японии нарастало. Когда 17 ноября открылась 77-я чрезвычайная сессия японского парламента, в нижней палате от имени Лиги содействия трону взял слово депутат политик-ветеран Тосио Симадо. Он заклинал правительство «перестать пастись у дороги», ибо «нацию сжигает пожар», Япония «объект невидимого воздушного налета». США и Англия не перестают издеваться над Японией, но, напомнил Симада, даже над Буддой нельзя смеяться больше трех раз, вообще два раза — максимум для святого. Он сказал: «Раковая опухоль на Тихом океане находится в умах высокомерных американских лидеров, которые стремятся к мировому господству». Симада, высказав предположение, что для борьбы с раком необходим «большой нож», спросил, «когда правительство разрешит нации взять скальпель», а также внес резолюцию, в которой между прочим говорилось: «Совершенно очевидно, что основная причина нынешнего конфликта между державами оси с английским, американским и советским народами — ненасытное стремление Соединенных Штатов к мировому господству... Но терпение японцев не неисчислимо, ему есть предел»¹¹⁵. Палата единогласно одобрила резолюцию. Такова была атмосфера в Японии, когда Курусу прибыл в Соединенные Штаты.

Дешифрованные материалы, поступавшие президенту и государственному секретарю, ежедневно зловецю напоминали, что Япония ведет не войну нервов, а действительно в ближайшие недели готовится начать войну. 15 ноября Того телеграфирует Номура: «Срок, установленный моим № 736, абсолютно нельзя изменить. Поэтому, пожалуйста, сделайте все, чтобы США усмотрели истинный свет, и стало возможным подписание соглашения к этой дате»¹¹⁶. Телеграмма дешифрована и доложена в день отправки.

16 ноября посольству Японии в Вашингтоне передается подробная инструкция об уничтожении «в случае чрезвычайных обстоятельств» шифровальных машин. В тот же день Того в четвертый раз, начиная с 5 ноября, указывает Номура: «По вашему мнению, мы должны терпеливо сидеть, ожидая, какой оборот примет война

(в Европе.— *Н. Я.*). Однако с крайним сожалением я вынужден указать, что в создавшихся условиях об этом не может быть и речи. Я установил предельный срок для окончания этих переговоров в телеграмме № 736, и он не будет изменен. Пожалуйста, постарайтесь понять это. Вы сами видите, как мало осталось времени, и поэтому не позволяйте Соединенным Штатам увести нас в сторону и еще затягивать переговоры. Требуйте, чтобы они приняли решение на основе наших предложений, и сделайте все, что в ваших силах, чтобы добиться немедленного разрешения вопроса»¹¹⁷. Телеграмма дешифрована и доложена 17 ноября, в тот самый день, когда Курусу прилетел в Вашингтон и вместе с Номура был принят президентом и государственным секретарем.

Новый обмен мнениями в течение трех дней оказался бесплодным. Курусу сухо заметил Хэллу: «Необходима немедленная помощь, и если пациенту нужна тысяча долларов на лечение, то триста долларов не помогут»¹¹⁸. 19 ноября Токио информирует некоторые японские посольства и миссии, аккредитованные за рубежом: «В случае возникновения чрезвычайных обстоятельств (опасность разрыва наших дипломатических отношений) и разрыва международной системы связи следующие предостережения будут включены в середине ежедневных бюллетеней о погоде, передающихся из Японии на коротких волнах: 1) в случае опасности в японо-американских отношениях — «восточный ветер, дождь», 2) японо-советских отношениях — «северный ветер, облачно», 3) японо-английских отношениях — «западный ветер, ясно»¹¹⁹.

Руководители американской разведки полностью оценили важность этой телеграммы. Всем работникам, имевшим касательство к «чуду», раздали карточки, на которых было указано значение соответствующих условных фраз. Несколько радиостанций перевели на круглосуточную работу — прослушивать и записывать все радиопередачи Токио. В результате если раньше в неделю поступало 3—4 фута телетайпных лент с японскими радиопередачами, то теперь в день получали 200 футов таких лент. Вашингтон настороженно ждал.

Официальные переговоры к этому времени вызывали у Хэлла тошнотворное чувство. Ему надоело, по собственным словам, «двигаться вокруг да вокруг по одному и тому же кругу». Кроме того, другие министры постоянно

поучали его, как руководить внешней политикой. Интересы сохранения государственной тайны и профессиональная этика не позволяли ему обуздывать непрошенных советчиков. Он только горько пожаловался своему заместителю А. Берли: «Все эти советчики ходят ко мне с ножами и дубинами»¹²⁰.

20 ноября Номура и Курусу передали Хэллу план Б. Он предусматривал: оба правительства обязуются не продвигать своих сил в любые районы Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана, за исключением Индокитая, где уже находятся японские войска; японское правительство выводит свои войска из Индокитая по установлению мира между Японией и Китаем; Япония и США будут сотрудничать в целях получения необходимого сырья из Голландской Индии; Япония и США обязываются восстановить свои торговые отношения, а США будут поставлять Японии необходимое количество нефти; США обязываются воздерживаться от принятия таких мер, которые помешают установлению мира между Японией и Китаем¹²¹. В Токио были настолько уверены, что Соединенные Штаты пойдут на предлагавшийся модус вивенди, что снабдили Номура и Курусу преамбулой к соответствующему соглашению и текстами нот, которыми надлежало обменяться с английским и голландским правительствами.

Когда Хэлл принимал документ от японских послов, у Номура и Курусу сложилось впечатление, будто американское правительство согласится с ним. Это обнадежило Того, и он добился в Токио небольшой, последней отсрочки. 22 ноября Того телеграфирует послам: «Нам страшно трудно изменить дату, установленную в моей телеграмме № 736. Вы должны знать это, но я знаю и то, что вы прилагаете сверхчеловеческие усилия. Придерживайтесь нашей политики и делайте все возможное. Не щадите никаких усилий, чтобы добиться желательного для нас решения. Вы не можете и догадаться о причинах, по которым мы хотим урегулировать японо-американские отношения к 25, однако если в течение ближайших трех или четырех дней вы сможете закончить ваши переговоры с американцами, если подписание соглашения может быть завершено к 29 (давайте я напишу эту дату для вас прописью — к двадцать девятому), если окажется возможным обменяться соответствующими нотами, если мы сможем добиться понимания с Англией и Голландией и, коротко го-

вора, если все будет завершено, мы согласны ждать до этого дня. Но эту дату абсолютно нельзя изменить. После нее события будут развиваться автоматически. Пожалуйста, помните это и приложите еще большие усилия, чем раньше. Об этом в настоящее время должны знать только вы — двое послов»¹²².

Того переоценил надежность японского кода, его инструкции немедленно стали известны значительно большому кругу лиц — телеграмма была перехвачена, дешифрована, переведена и доложена руководителям США в день передачи — 22 ноября. Президент и государственный секретарь держали в руках новое доказательство, если еще требовалось таковое, что быть или не быть войне на Тихом океане и Дальнем Востоке зависит от американского ответа.

Если правительство США стремилось к тому, чтобы оттянуть вооруженный конфликт с Японией (а имеющиеся документы подтверждают это), тогда Соединенные Штаты должны были пойти на модус вивенди. Государственный департамент и командование вооруженных сил, зная об этой установке правительства, считали ее разумной. 21 ноября у Хэлла состоялось совещание, на котором рассматривались предложения о модус вивенди, разработанные госдепартаментом. Они не слишком отличались от японского план Б. Что касается японских предложений, то генерал Джероу, представлявший на совещании командование армии, подчеркнул: «Документ удовлетворителен с военной точки зрения... Принятие этих предложений даст возможность достичь одной из наших главных целей — избежать войны с Японией... Особо следует подчеркнуть, что модус вивенди остро необходим для успеха наших военных усилий в Европе»¹²³.

22 ноября в государственном департаменте был разработан американский проект модус вивенди сроком на 90 дней. Его отличие от японского плана Б заключалось главным образом в том, что США требовали немедленного вывода японских войск из Южного Индокитая, а в северной части страны должно было остаться не более 25 тысяч японских солдат. Остальные американские условия в общем совпадали с японскими предложениями. 22 ноября английский и китайский послы, посланники Австралии и Голландии были ознакомлены Хэллом с американским

проектом. Все согласились. Хэлл считал возможным уже 24 ноября дать этот ответ Японии. До вечера этого дня действия американской дипломатии представляется возможным проследить с большей или меньшей степенью вероятности. Объяснить мотивы американского правительства в последующие 12 дней, до начала войны, значительно труднее. Даже американская официальная историография вынуждена признать, что на основе известных фактов удовлетворительного объяснения дать нельзя.

Утром 25 ноября состоялось полуторачасовое совещание Хэлла, Стимсона и Нокса. Участники согласились, что нужно передать американские предложения Японии. О том, что еще говорилось на этом совещании, данных нет. В 11 утра все трое прибыли в Белый Дом, где состоялось новое полуторачасовое совещание у президента, в котором приняли участие Маршалл и Старк. О нем также почти нет сведений, за исключением загадочной записи в дневнике Стимсона: «Президент, вместо того чтобы обсуждать «Виктори пэрейд» (условное обозначение действий США в случае участия в войне в Европе. — *Н. Я.*), занялся только вопросом об отношениях с Японией. Он указал, что на нас, по-видимому, будет совершено нападение, быть может, не позднее следующего понедельника (30 ноября. — *Н. Я.*), ибо японцы, как известно, атакуют без предупреждения. Что нам делать? Проблема сводится к тому, как нам маневрировать, чтобы Япония сделала первый выстрел, и в то же время не допустить большой опасности для нас самих. Это трудная задача»¹²⁴. На совещании у президента были высказаны предположения, что Япония может двинуться в сторону южных морей, однако американские владения не подвергнутся нападению. Тем не менее было решено передать Номура и Курусу американские предложения о модус вивенди.

Военные участники совещания, четверо из шести присутствовавших, были глубоко удовлетворены. Они имели время для завершения военной подготовки на Тихом океане. С таким впечатлением оба министра — Стимсон и Нокс и начальники штабов — Маршалл и Старк ушли из Белого Дома.

Сразу же после заседания Старк пишет Киммелю: «Я не знаю, что будут делать США. Разрази меня гром, если я знаю. Я бы хотел знать. Я знаю только одно: мы можем совершить любой поступок и к этому нужно быть готовым,

а, может быть, мы ничего не будем делать, но все же скорее всего я склоняюсь в сторону «любого» постушка»¹²⁵. Едва ли эта информация помогла Киммелю.

Однако в Белом Доме все же знали, что делать. Нет сомнения в том, что должное внимание было уделено сообщениям, поступившим из Берлина в тот же день — 25 ноября 1941 г., там с большой помпой был продлен на пять лет «Антикоминтерновский пакт». На это в Вашингтоне смотрели серьезно*. Через несколько часов после совещания с военными президент и государственный секретарь приняли решение, противоположное согласованному с военными руководителями. Проект модус вивенди был отброшен. В большой спешке в государственном департаменте был подготовлен пространный документ — «программа десяти пунктов». Времени не хватало, и в качестве вводной части к документу была приобщена преамбула модус вивенди, от которого уже отказались. Правительство США предлагало Японии заключить многосторонний пакт о ненападении на Дальнем Востоке; подписать коллективный договор о целостности Индокитая; вывести все войска из Китая; США и Япония будут поддерживать в Китае только чунцинский режим; оба правительства вступят в переговоры о заключении торгового договора. Наконец, ни одно из соглашений, участниками которого являются соответственно США и Япония, не должно толковаться как противоречащее данному американо-японскому соглашению¹²⁶. Таковы были основные положения этого изумительного документа. Коротко говоря, Соединенные Штаты предлагали Японии восстановить по доброй воле положение, существовавшее на 18 сентября 1931 г., т. е. до начала японских захватов. На всем протяжении американо-японских переговоров в 1941 г. американское правительство не выдвигало условий, хотя бы отдаленно напоминавших «программу десяти пунктов». По существу это был ультиматум.

В пять вечера 26 ноября Хэлл вручил американский ответ Номура и Курусу. Послы, бегло прочитав документ, не могли поверить глазам. Они осведомились о судьбе

* Военно-морская разведка США, например, докладывала правительству 1 декабря: «Отношения между Японией и Россией остаются напряженными. 25 ноября Япония вместе с Германией и другими державами «оси» продлила на пять лет «антикоминтерновский пакт».

модус вивенди. Хэлл заявил, что в руках послов ответ. Государственный секретарь заметил, что «его могут линчевать, если выяснится, что нефть поставляется в Японию». Номура возразил: «Иногда государственные деятели, придерживающиеся твердых убеждений, не имеют симпатий у общественного мнения, только мудрецы могут понять будущее и порой нести мученический венец, однако жизнь коротка и каждый должен выполнить свой долг». Курусу присовокупил — американский ответ «равносителен концу переговоров»¹²⁷. Хэлл, по словам Курусу, остался «тверд как скала». На том и расстались.

Действительно, американский ультиматум от 26 ноября 1941 г. был программой-максимум, когда-либо выдвигавшейся Соединенными Штатами в отношении Дальнего Востока и Тихого океана. Крупнейший американский буржуазный историк первой половины XX в. Чарльз А. Бирд подчеркивает: «Никогда в истории американских дипломатических отношений с Востоком, если можно доверять опубликованным материалам, правительство США не предлагало Японии немедленно убраться из Китая под замаскированной угрозой войны и под давлением экономических санкций, которые могли привести к войне. Даже самые отчаянные империалисты, действовавшие под эгидой республиканской партии, никогда не осмеливались официально применять этой доктрины в отношении с Японией... соблюдать в Китае политические и экономические принципы, когда-то сформулированные в лозунге, на первый взгляд, носящем справедливый характер — Открытые Двери, а на деле старую формулу республиканской партии, предусматривающей американское вмешательство в Китае, а также руководствоваться принципами международной морали, изложенными Хэллом... Президент Рузвельт пошел на то, что не осмеливались сделать империалисты-республиканцы: он поддержал решительными экономическими санкциями опасный, хотя и обветшалый, жупел Открытых Дверей, а в переговорах с Японией довел дело до выдвижения максимальной программы, которая вела к войне на два фронта. Антиимпериалисты, как демократы, так и республиканцы, могли легко различить в меморандуме его смысл — старый империализм в новых одеждах»¹²⁸. Хотя личные нападки Ч. Бирда на Ф. Рузвельта придают особый колорит его суждениям, суть дела изложена с достаточной полнотой.

Американские историки, особенно те, кто задним числом обосновывают разумность образа действия, предлагавшегося «изоляционистами», сводят все к тому, что Ф. Рузвельт вовлек США в войну без особой на то необходимости. Действительно, Соединенные Штаты внезапно оказались в войне — Пирл-Харбор тому достаточное доказательство. Но это было следствием не продуманной политики, а громадного политического промаха.

Ультиматум Хэлла имел в виду не спровоцировать Японию на войну против Соединенных Штатов, а напротив, отбить у нее охоту к продвижению на юг. Чтобы Англия и эмигрантское правительство Голландии не сорвали игры Вашингтона, Ф. Рузвельт 27 ноября поручил передать им — США не дают никаких гарантий, что придут на помощь в случае нападения Японии на английские и голландские владения¹²⁹. Иными словами, сидеть смиренно, не шевелиться, пока старший партнер занят делом — пытаясь направить японскую агрессию в другом направлении — против Советского Союза.

Понятно, что в этом направлении творческая мысль американских официальных историков не работает, они только сетуют, как делают В. Лангер и С. Глисон, — «до тех пор и если не будут добыты дополнительные документы, о роли как президента, так и государственного секретаря Хэлла можно только гадать»¹³⁰. Или, как пессимистически заявляет профессор С. Бемис, «историки еще сотни лет будут спорить о характере и деталях переговоров Хэлла — Номура в 1941 году»¹³¹. Между тем, как ни досадны промахи в американской документации, историк может и обязан судить по фактам. А факты неоспоримо говорят о том, что ультиматум от 26 ноября и был «большой дубинкой», при помощи которой США иной раз добивались своих целей. В данном случае толкнуть Японию против Советского Союза, а самим остаться в стороне.

Если не принять этого тезиса, следует согласиться либо с политическими спекулянтами в США, которые обвиняют Ф. Рузвельта в том, что он сознательно превратил тихоокеанский флот в приманку для Японии, чтобы получить повод и вовлечь американский народ в войну, либо заподозрить эпидемию массового безумия в Вашингтоне: зная о войне, там не приняли никаких мер предосторожности. Но руководители внешней политики Соединенных Штатов пребывали в здравом уме и твердой памяти.

В Вашингтоне твердо усвоили, что нападение Японии на Советский Союз последует тогда, когда положение на советско-германском фронте ухудшится для советской страны. Знали также о том, что подготовка Японии к войне против СССР займет примерно шесть месяцев. В конце ноября 1941 г. с точки зрения американских политиков оба эти условия были налицо — немецко-фашистские полчища осаждали героический Ленинград, находились на ближайших подступах к Москве и все еще продвигались, на юге вышли к Дону, а из Японии поступали сообщения о громадном усилении Квантунской армии, занявшей исходные позиции на советской границе*. Дислокация японских вооруженных сил в целом едва ли могла быть секретом для американской разведки. Из 51 дивизии, которыми располагала Япония в ноябре 1941 г., 21 дивизия находилась в Китае, 13 — в Маньчжурии, 7 дивизий требовалось для обороны метрополии и, следовательно, лишь 11 дивизий можно было использовать в других районах. Равным образом из 5 воздушных флотов 3 находились на материке и на японских островах и лишь 2 были свободны. Описанная дислокация отражала подготовку Японии к войне против СССР.

В этих условиях, действительно, трудно было поверить, чтобы Япония начала войну против США и Англии, против которых можно было бросить (и так действительно случилось) лишь 11 дивизий, т. е. около 20% японской армии¹³². В то же время служба дешифровки продолжала оповещать о завершении подготовки японских вооруженных сил во всех районах, где бы они ни находились. В

* Американские политики увязывали даже второстепенные передвижения японских войск с положением на советско-германском фронте. Так, Г. Стимсон указывал после войны: «Утром 1 декабря президент возвратился в Вашингтон. Я вспоминаю, что за это время были получены сведения, говорившие о том, что японские экспедиционные силы, за которыми мы наблюдали, вместо того чтобы следовать в Сиамский залив и к полуострову Малакка, стали высаживаться в Индокитае, недалеко от Сайгона. Это обстоятельство, казалось, давало нам небольшую отсрочку, поскольку позволяло предположить, что Япония не намеревается немедленно вторгнуться в Таиланд. К этому времени русские предприняли новое контрнаступление против немцев в районе Ростова, и мы подумали, что, возможно, это наступление явилось причиной паузы в продвижении японских сил».

этом потоке информации были и дешифрованные телеграммы Токио японскому генеральному консульству в Голландию и обратно. Но вся масса перехваченных сообщений давала основание полагать, что в Токио решение о направлении агрессии может быть принято в самый последний момент. «Код ветров» убедительно свидетельствовал о том, что война возможна против любого из трех противников — США, СССР и Англии. Американские политики решили помочь Токио сделать выбор.

Еще 29 октября 1941 г. самый влиятельный советник Хэлла по делам Дальнего Востока С. Хорнбек подчеркнул в меморандуме Хэллу: «Япония не будет склонна предпринимать новые военные авантюры в тех районах, где она имеет основания ожидать, что встретит энергичное сопротивление, а скорее нанесет удар по слабым районам, которые легко захватить»¹³³. 27 ноября, на следующий день после вручения ультиматума, ликующий Хорнбек докладывает правительству свое мнение: «Сегодня меньше оснований, чем неделю назад, ожидать, что Япония пойдет войной на нас. Если бы можно было заключать пари, то нижеподписавшийся поставит пять против одного, что США не будут в войне с Японией до или 15 декабря (т. е. к тому времени, когда, по словам генерала Джероу, завершится передислокация наших войск), три против одного, что США не будут воевать с Японией до или 15 января (т. е. через семь недель), один против одного, что США не будут воевать с Японией до или 1 марта (т. е. более чем через 90 дней, в течение которых, по мнению наших стратегов, мы выиграем время для дальнейшей подготовки)... Коротко говоря, нижеподписавшийся не верит, что страна стоит на пороге скорой войны на Тихом океане»¹³⁴.

Ультиматум от 26 ноября и имел цель разъяснить Японии, что Соединенные Штаты, наконец, решили занять твердую позицию. Теперь, рассуждали в Вашингтоне, перед лицом вооруженных сил США Япония сделает выбор — устремится на север, против Советского Союза, изнемогающего в войне с Германией. Но в Токио лучше представляли военные возможности СССР, чем в Соединенных Штатах. Как заметил Того в своих мемуарах, «после начала германо-советской войны я испытывал значительные опасения по поводу военных перспектив Германии и никогда не мог избавиться от опасений, что эта война закончится для нее так же, как война 1914—1918 гг.»¹³⁵.

Американские политические деятели на поверку оказались более легковверными в отношении геббельсовской пропаганды, твердившей о «крахе» СССР.

Американский ответ от 26 ноября положил конец последним колебаниям в Токио. События начали «развиваться автоматически». Что касается командования вооруженных сил США, то оно узнало об ультиматуме, предъявленном Японии, не от собственного правительства, а из перехваченной и дешифрованной телеграммы японского посольства в Вашингтоне. Утром 27 ноября Стимсон связался по телефону с Хэллом, спросив, какая судьба постигла проект, согласованный на совещании у президента 25 ноября, — предложить Японии трехмесячное «перемирие». Хэлл ответил, что он вообще прекратил переговоры. «Я умываю руки в этом деле, — сказал он, — теперь все дело зависит от Вас и Нокса, армии и флота». Тогда Стимсон позвонил президенту. Рузвельт подтвердил, что переговоры «закончились великолепным заявлением, подготовленным Хэллом»¹³⁶.

Утром 27 ноября командующие вооруженными силами США собрались на совещание. Сошлись на том, что «если переговоры закончатся без достижения соглашения, Япония может напасть». Вновь перечислили возможные объекты агрессии. Как обычно, среди них видное место заняли «приморские провинции» СССР. О Гавайях никто не подумал, накануне вечером генерал Маршалл заверил своих советников: «Риск нападения на острова настолько велик, чтобы Япония могла пойти на него»¹³⁷. Решили все же быть начеку.

С согласия президента 27 ноября командование армии и флота послало предупреждение командующим на местах, в том числе и на Гавайские острова. Боясь, чтобы подготовительные меры не были использованы японцами как повод для нападения, командующих особо предупреждали действовать осмотнительно, не вызывая ненужной тревоги среди гражданского населения. О том, как поняли эти указания из Вашингтона на Гавайских островах, уже известно. В этот же день было принято решение послать два самолета с Гавайских островов на разведку. Они должны были пролететь на высоте, недостижимой для японских истребителей, на подмандатными Японии островами в Тихом океане и провести разведывательную аэрофотосъемку, чтобы установить, есть ли в этом районе сосредоточе-

ние японских кораблей. Приняв эти меры, в столице Соединенных Штатов успокоились. Вновь, как раньше, все истолковывалось в пользу японо-советской войны, хотя каждый день приносил известия, которые, казалось, должны были привести к иным выводам.

30 ноября Годзио выступил с речью, которая вызвала тревожные комментарии американской печати, но не колебала каменного спокойствия правительства. Через несколько дней взял слово Того. Он публично заявил: «На основании соглашения с Францией мы заняли Южный Индокитай для совместной обороны. Едва просохли наши следы, и вот появляется старый, добрый дядюшка Сэм и захватывает Голландскую Гвиану (эта территория была оккупирована США «с целью защиты» 24 ноября 1941 г. — *Н. Я.*). Если США в собственных интересах понадобится любая американская страна, тогда под флагом совместной обороны они захватят ее, как только что доказано». В Японии нарастала волна антиамериканских настроений, в Вашингтоне продолжали ждать.

1 декабря дешифровано указание МИД Японии в Лондон, Гонконг, Сингапур и Манилу — уничтожить в посольствах и миссиях шифровальные машины и сжечь шифры. Посольство в Вашингтоне исключалось. Это обнадежило. 4 декабря станция радиоперехвата флота в Челтенхеме, штат Мэриленд, приняла долгожданный сигнал, передававшийся для сведения посольства в Лондоне, с которым больше нельзя было снестись шифром.

Капитан II ранга Лоренс Сэффорд (в декабре 1941 г. начальник отдела скрытой связи разведывательного управления военно-морского министерства) так рассказал после войны о достопамятном происшествии: «Вот, наконец, она», — сказал Краммер, вручая мне телеграмму с «кодом ветров». Именно для перехвата этой телеграммы и были мобилизованы все наши возможности. Мы достигли выдающегося успеха. Эта информация давала возможность обезопасить американский тихоокеанский флот от внезапного нападения в Пирл-Харборе, т. е. от такого нападения, которому русские подверглись в свое время в Порт-Артуре. Именно к этому готовилась разведка скрытой связи флота со дня своего основания — войне с Японией». Сэффорд утверждает, что перехваченный сигнал («западный ветер, ясно» и «восточный ветер, дождь», означавший войну Японии против Англии и США) немедленно доложили

начальнику управления связи флота контр-адмиралу Нойсу, который разослал его по разметке — президенту, военному и военно-морскому министрам. Сэффорд давал эти показания под присягой в 1946 г. объединенной комиссии конгресса, расследовавшей обстоятельства нападения на Пирл-Харбор.

Другие работники разведки под присягой дали противоположные показания. Капитан Макколлум подтвердил, что 4 или 5 декабря была перехвачена телеграмма с «кодом ветров», однако она гласила: «северный ветер, облачно», т. е. война против Советского Союза. Посоветовавшись с Краммером, он решил, что это был обычный прогноз погоды. Так что же было получено в действительности и что было доложено президенту? Ключевой свидетель — начальник оперативного отдела штаба флота адмирал Р. Тернер — также под присягой, без большого энтузиазма сообщил, что, хотя он сам не видел текста телеграммы, адмирал Нойс 5 декабря позвонил ему, сказав: «Телеграмма «северный ветер, облачно» получена». Проверить, кто прав, не удалось: те, кому по разметке была направлена дешифрованная телеграмма, начисто отрицали ее существование. Когда комиссия конгресса обратилась к сверхсекретным архивным папкам, выяснилось, что чьи-то заботливые руки изъяли документ. Очень тщательные поиски не дали никакого результата. В описях остался только порядковый номер — исходящий 7001, под которым, по-видимому, значился этот документ. Влиятельные силы в Вашингтоне были заинтересованы в том, чтобы истина никогда не была установлена¹³⁸.

Действия правительства Соединенных Штатов в эти критические дни говорят сами за себя и не оставляют ни малейших сомнений в том, что соответствующая телеграмма была перехвачена, хотя эксперты разведки, по-видимому, ошибочно прочли «война против СССР» вместо «война против США». Это предположение не является слишком смелым. В пользу его можно привести свидетельство человека, который никак не заинтересован в том, чтобы выставить к позорному столбу собственное правительство. Речь идет о главном историографе американского флота профессоре С. Морисоне. Этот очень крупный американский историк описал операции ВМС США в минувшую войну. На его труды в Соединенных Штатах ссылаются, как на самый авторитетный источник по проблеме.

В одной из своих книг, вышедшей в 1963 г., профессор Морисон замечает: «Положение офицеров разведки армии и флота в Вашингтоне напоминало положение женщины, пытающейся посоветоваться по телефону с доктором о здоровье своего большого ребенка, в то время как соседи выкрикивают ей прямо в уши противоположные советы, собаки лают, дети плачут, а мимо дома с грохотом проходят грузовики. Личные качества людей также играли роль. Вице-адмирал Тернер, руководивший оперативным отделом штаба флота, держался предвзятых мнений, и с ним было трудно работать. Он запретил всем офицерам, владевшим японским языком, занимавшимся дешифровкой и переводом, и даже начальнику разведки флота делать выводы из перехваченных документов, настаивая на том, что только он лично будет делать это. А сам Тернер до конца ноября непоколебимо считал, что Япония нападет на Россию, а не на владения Англии и США»¹³⁹.

Уместная и компетентная характеристика Морисоном Тернера дает недостающее звено. Ясно, что он не мог предупредить правительство о нависшей опасности, которое само, впрочем, недалеко ушло от недальновидного начальника оперативного отдела штаба флота. Только поэтому американские вооруженные силы не были подняты по тревоге. Телеграмма с «кодом ветров» рассеяла последние сомнения, если они вообще были: в Вашингтоне сочли, что США в безопасности.

Последние дни перед войной в Токио. Некоторые японские политики, хотя уже не занимавшие ответственных постов, сделали посильную, а следовательно, слабую попытку предотвратить войну. Среди них наиболее активным оказался бывший японский посол в Лондоне Сигеру Иосида. Он сумел получить полный текст американской ноты от 26 ноября и отметил слова, которые открывали документ: «строго секретный, предварительный и без обязательств». Никто в японском правительстве не обратил на них внимания. Иосида же заключил, что нота — не ультиматум, а имеет в виду продолжение переговоров.

Сделав это открытие, он бросился 29 ноября к Того. «Каковы бы ни были истинные намерения, кроющиеся за документом,— горячо внушал Иосида министру,—

нам никоим образом не предъявлен ультиматум... и если вы не можете предотвратить объявление войны Японией Соединенным Штатам, — подайте в отставку. Это прервет работу кабинета и заставит задуматься даже армию. Если же в результате вы будете убиты, то вас постигнет счастливый конец». Того не обратил внимания на тонкий анализ документа, а рекомендованный Иосидой образ действия, по-видимому, не устраивал министра. Он не торопился одеть мученический венок.

Чиновники МИДа Японии были заняты совершенно иным: они делали официальный перевод на японский язык ноты от 26 ноября в усиленном варианте, т. е. придавали ее и без того резкому содержанию определенно угрожающий характер. Тем временем Иосида встретился с Грю, последний заверил его, что нота никоим образом не ультиматум*, а «просто указывает основу, на которой можно вести дальнейшие переговоры между Японией и США»¹⁴⁰. Посол вызвался объяснить это лично Того. Однако министр отклонил настойчивые предложения Грю встретиться с ним. На то были веские причины — время слов прошло.

1 декабря координационный комитет принял окончательное решение о войне против США, Англии и Голландии. Докладчик Тодзио подчеркнул: «Теперь ясно, что японские требования не могут быть удовлетворены путем

* Современная американская историография также разделяет эту точку зрения. Упрямое доказательство ее, однако, еще раз подтверждает, что документ от 26 ноября был предназначен для того, чтобы Япония сделала выбор между северным и южным направлением агрессии. Р. Бутю пишет: «Японские лидеры (включая министра иностранных дел Того), по-видимому, считали, что все американские ссылки на «Китай» автоматически включали Маньчжурию. Этот вопрос был вкратце обсужден в Вашингтоне 16 апреля 1941 г. Тогда Номура заметил, что защита Хэллом принципа, требующего не нарушать статус-кво иначе, как мирными методами, будет означать вмешательство в маньчжурский вопрос. На это Хэлл ответил: «Проблема признания Маньчжурии будет обсуждена и разрешена в ходе переговоров. Поэтому пункт о статус-кво не затронет «Маньчжоу-Го» и будет применяться в дальнейшем со времени подписания общего соглашения». Следовательно, японские утверждения о том, что нота Хэлла была еще более неприемлема ввиду ее требований разрыва связи Японии с Маньчжоу-Го, не следует серьезно принимать в расчет». (R. Butow. Tojo and the coming of the War, Princeton University Press, 1961, p. 343—344). Стремясь доказать миролюбие США, Р. Бутю доказал, если принять его интерпретацию, другое — Вашингтон никогда не хотел лишать Японию ее маньчжурского плацдарма агрессии.

переговоров». Днем начала войны было подтверждено 8 декабря по токийскому времени (7 декабря по гавайскому времени). Военные заверили комитет, что в отношении Советского Союза будет проявляться «величайшая бдительность»¹⁴¹.

Хотя правительство приняло решение, ставившее на карту судьбу страны, за исключением военных никто из его членов не знал об оперативных планах командования. В особой тайне охранялась «Операция «Z», как был зашифрован налет на Пирл-Харбор. Даже Тодзио узнал о предстоявшем ударе по Гавайским островам лишь за день или два до 1 декабря¹⁴². Императору решили ничего не говорить и обрадовать его успехом соединения Нагумо одновременно со всем народом¹⁴³.

Но как быть с международным правом? Командование вооруженных сил предложило министру иностранных дел Того вручить ноту с фактическим объявлением войны 7 декабря в 12. 30 по вашингтонскому времени. По расчетам штабов бомбы начнут падать на Пирл-Харбор ровно через час после этого. Следовательно, Япония открывала боевые действия, предупредив о них. Но потом адмирал Нагано и генерал Сугияма спохватились, а не много ли давать американцам час? 5 декабря их представители явились к Того и предложили изменить время вручения на 13.00. Министр все же полюбопытствовал, сколько времени пройдет между передачей ноты и первыми выстрелами. Посланцы военных очень сухо ответили, что это «военная тайна». Того не стал настаивать, тем более они заверили его, что дело шло лишь об исправлении некой «ошибки» в подсчетах.

И еще одна забота — окончательно договориться с европейскими державами «оси». Еще 29 ноября были получены заверения из Берлина о том, что Германия «в случае начала войны Японии против США, конечно, немедленно вступит в войну»¹⁴⁴. 3 декабря японское правительство попросило у Германии и Италии формальных обязательств о том, что они будут воевать совместно с Японией против Соединенных Штатов и не заключат сепаратного мира. Из Берлина не успели прислать ответа до начала военных действий. Муссолини ничему не удивлялся. Он дал заверения, указав, что японо-американская война неизбежна «ввиду крайнего тупоголовия Соединенных Штатов и склочной натуры президента Рузвельта»¹⁴⁵.

Американская и английская разведки тем временем доложили о том, что конвой с японскими войсками, эскортируемые военными кораблями, движутся на юг. Одновременно усилилась концентрация японских войск в Индокитае. Вашингтон был несколько озадачен. Номура и Курусу спросили, что это значит. Ответ, который они дали по поручению Токио, был явно лживым. Об этой беседе А. Берли записал в дневнике: Хэлл «хорошенько обляял (японских послов) и пробрал их за то, что Япония делает, особенно в свете заявления Тодзио». Вернувшись из государственного департамента, Курусу по телефону (используя условный код) заклинал Токио: «Помогите нам! Премьеру и министру иностранных дел следует изменить тон своих речей! Понимаете? Будьте более сдержанны!»¹⁴⁶

Острый обмен мнениями по официальным каналам совершенно не затрагивал уже сложившийся в Вашингтоне взгляд на ближайшие действия Японии. 5 декабря разведывательное управление армии ориентирует правительство и государственный департамент: Япония «имеет перед собой множество стратегических целей, однако по ряду причин она не может с надеждой на успех сосредоточить для достижения их достаточное количество сил. Исключение в этом отношении составляет возможность серьезного ослабления русских сил в Восточной Сибири». И далее эти цели перечислялись следующим образом: «А. Напасть на Сибирь. В. Напасть на провинцию Юнань, перерезать Бирманскую дорогу, чтобы быстро покончить с войной в Китае. С. Оккупировать Таиланд. D. Через Таиланд напасть 1) на Бирму и Бирманскую дорогу; 2) на Малаю. E. Напасть на Филиппины и Гонконг, готовясь к наступлению на Сингапур или Голландскую Индию...»¹⁴⁷

Имея на руках данные о подозрительных и широких передвижениях японских войск и приведенную оценку ближайших целей Токио, Белый Дом больше не медлит. Старая идея — личное обращение президента к императору — претворяется в жизнь. Решено на самом высшем уровне предостеречь Японию. Служебный документ разведывательного управления под пером искусных политических литераторов приобрел волнующий характер, но его содержание было решительным образом извращено. Президент ни словом не обмолвился о том, что фигурировало на первом месте среди возможных объектов японской агрессии — «нападение на Сибирь», а говорил только о губительных последствиях японского продвижения на юг.

В личном послании императору Рузвельт сокрушался: «События, совершающиеся на Тихом океане, грозят лишить наши народы и все человечество благ длительного мира между нашими странами». Он указал далее, что в результате концентрации японских войск в Индокитае «совершенно понятно, что народы Филиппин, сотен островов Голландской Индии, Малайи и Таиланда задаются вопросом — не собираются ли японские войска нанести удар» по ним. Рузвельт давал заверения от имени США, брался получить заверения от властей Голландской Индии, Малайи и правительства Таиланда и даже Китая о том, что никто из них не нападет на Индокитай. В заключение президент настаивал, что ни один из перечисленных им азиатских народов не может «бесконечно сидеть на бочке с динамитом», и просил императора предпринять действия, чтобы «рассеять тучи войны»¹⁴⁸. Текст послания был передан открытым текстом Д. Грю в Токио в 9 вечера 6 декабря. Послание, задержанное доставкой в Токио, передали послу уже после начала войны.

В течение дня 6 декабря с 12 до 21 часа американские криптографы были заняты дешифровкой перехваченного пространного документа — ответа японского правительства на ультиматум Хэлла от 26 ноября. Документ передавался четырнадцатью частями. Номура и Курусу были предупреждены, что о времени вручения ответа они будут уведомлены отдельной телеграммой, и особо — не доверять оформлению документа в интересах соблюдения тайны машинисткам. Хотя в тексте меморандума не было ничего нового — подробно излагался ход американо-японских переговоров в 1941 г., — его тон говорил о том, что Япония намеревается порвать отношения с Соединенными Штатами. В 21.30 Краммер из отдела скрытой связи разведки доставил в Белый Дом и передал помощнику военно-морского адъютанта президента капитану III ранга Лестеру Шульцу текст расшифрованных и переведенных 13 пунктов японского ответа. Шульц взял папку и, получив разрешение, явился в кабинет президента. Там находились Ф. Рузвельт и Г. Гопкинс.

Президент углубился в чтение документа, а затем передал его Гопкинсу. Последний также прочитал. Рузвельт

Ф. Рузвельт подписывает прокламацию об объявлении войны Японии

проронил: «Это война». Гопкинс согласился. Шульц был свидетелем последующего разговора: Рузвельт обсудил с Гопкинсом известную дислокацию японских сил. Гопкинс сказал, что дело явно идет к войне. Очень плохо, что Соединенные Штаты не могут предупредить противника, первыми нанести удар и лишить японцев преимуществ внезапности. Президент кивнул и заметил: «Нет, мы не можем этого сделать. Мы демократический и миролюбивый народ». Он возвысил голос и добавил: «И у нас хорошая репутация». Единственным действием президента вечером 6 декабря в связи с этими событиями была попытка связаться с

Г. Старком по телефону. Рузвельту ответили, что адмирал находится в Национальном театре на спектакле «Принц-студент». Рузвельт не захотел вызывать его из театра, так как это, несомненно, было бы замечено публикой и вызвало бы ненужные толки¹⁴⁹.

По возвращении из театра Старку доложили, что звонил Рузвельт. Когда после войны адмирала спрашивали, о чем он говорил с президентом поздно вечером 6 декабря, он заявил, что вообще не помнит, был ли какой-нибудь разговор. Что касается Маршалла, то секретарь штаба армии полковник Беделл Смит не считал нужным 6 декабря передавать ему документ, а сам Маршалл забыл, что он делал вечером этого дня. Ноксу были посланы тринадцать частей японского ответа. О его реакции, равно как Хелла и Стимсона, которые не могли не быть извещены, ничего не известно.

Около 7 утра в воскресенье 7 декабря в адрес японского посольства поступила шифровка, оказавшаяся заключительной частью меморандума, переданного накануне. Она была, как обычно, перехвачена, и отдел скрытой связи дешифровал и подготовил к рассылке последнюю, четырнадцатую часть японского меморандума. Она гласила: «Очевидно, намерение американского правительства состоит в том, чтобы тайно сговориться с Великобританией и другими странами и помешать усилиям Японии установить мир путем создания нового порядка в Восточной Азии, а также в том, чтобы сохранить англо-американские права и интересы, вытекающие из состояния войны между Японией и Китаем. Такое намерение явно обнаружилось в ходе настоящих переговоров. Таким образом, искренняя надежда японского правительства урегулировать японо-американские отношения и сохранить и укрепить мир в зоне Тихого океана путем сотрудничества с американским правительством была окончательно потеряна. Японское правительство сожалеет, но не может не уведомить американское правительство, что ввиду указанной позиции американского правительства достижение соглашения путем дальнейших переговоров японское правительство считает невозможным». Номура и Курусу предписывалось вручить ответ Хэллу в 13.00 по вашигтонскому времени (7.30 утра по гавайскому времени)¹⁵⁰. Намерения Японии были совершенно очевидны, а указание часа передачи меморандума имело особенно зловещий смысл.

В 9 утра документ был доставлен в кабинет Старка. Прочитав его, адмирал воскликнул: «Боже мой! Это означает войну. Я должен немедленно предупредить Киммеля». Однако Старк не сделал этого, а попытался найти Маршалла. Генерал совершал обычную утреннюю верховую прогулку в окрестностях Вашингтона. Старк решил подождать его возвращения. В 10 утра военно-морской адъютант президента Берделл принес Рузвельту четырнадцатую часть японского ответа. Президент еще не вставал и просмотрел ее в постели. Он заметил: «Похоже на то, что японцы собираются разорвать отношения», — и отпустил адъютанта.

В 10.30 в кабинете государственного секретаря собрались Хэлл, Стимсон и Нокс. Они обсудили сложившуюся обстановку. Хэлл высказал свое твердое убеждение в том, что «Япония готовит какой-то дьявольский ход». Все трое принялись гадать, где будет нанесен удар. Это известно, но американские источники умалчивают о конкретных предположениях, хотя, по свидетельству Стимсона, они продиктовали свои взгляды стенографистке. Хэлл информировал присутствовавших, что японские послы просили принять их сначала в 13.00, а затем перенесли встречу на 14.00 или даже позднее. На этом совещании окончилось, и государственные деятели отправились завтракать.

В 11.25 Маршалл, окончив верховую прогулку и приняв душ, появился, наконец, на службе. Он ознакомился с документом и переговорил по телефону со Старком. Они решили, что отдаленным гарнизонам, включая Гавайские острова, нужно направить предупреждение — в штабы армии. Специального предупреждения флоту не посылать. Маршалл написал следующую телеграмму: «Сегодня в 13.00 по восточному поясному времени Япония намерена сделать представление, равносильное ультиматуму. Японские послы имеют указание о немедленном уничтожении своих шифровальных машин. Что именно может быть предпринято в назначенный час, нам неизвестно, однако будьте в соответствующей готовности. С настоящей телеграммой ознакомьте военно-морское командование»¹⁵¹.

Генерал Маршалл имел богатый выбор возможностей для скорейшей передачи предупреждения. На его столе стоял телефон с кодирующим устройством, обеспечивав-

ший прямую связь со штабом Шорта. ФБР располагало собственной телефонной линией с Гавайскими островами. Старк предложил использовать радиостанцию военноморского флота, более мощную, чем радиостанция армии. Маршалл избрал путь, который оказался самым медленным, — в 11.52 телеграмма была передана на радиостанцию армии. Там потеряли драгоценное время, разбирая почерк генерала, — Маршалл отнюдь не был мастером каллиграфии. Наконец разобрали текст и зашифровали его. Поскольку с Гавайскими островами связаться не удалось, телеграмму направили через обычные коммерческие каналы связи — компанию «Вестерн Юнион». Это означало, что по приему в Гонолулу юноша-посыльный на мотоцикле привезет шифровку в штаб генерала Шорта.

Так и случилось: по коммерческой линии телеграмма была исправно передана и вручена адресату через несколько часов после окончания налета на Пирл-Харбор*.

С отправкой предупреждения на Гавайские острова государственные и военные деятели в Вашингтоне сочли свою миссию оконченной, за исключением разве Хэлла, знавшего, что около двух часов ему придется получить от Номура и Курусу пространный документ, текст которого он уже изучил. Рузвельт и Гопкинс заперлись на втором этаже Белого Дома в овальном кабинете. Президент в рубашке с короткими рукавами, без галстука разбирал свою коллекцию марок. Гопкинс, как всегда небрежно одетый, валялся на диване, играя с любимой собакой президента Фала. Все телефоны были выключены,

* После войны Маршалл объяснил объединенной комиссии конгресса по расследованию обстоятельств нападения на Пирл-Харбор: он не воспользовался телефоном, так как опасался, что разговор могут подслушать японцы, — «что поставит в затруднительное положение государственный департамент». Тогда Маршаллу напомнили о приказе военного министерства направить два американских самолета для фоторазведки над японскими островами, включая о. Трук. До 7 декабря полет не состоялся, так как из США на Гавайские острова еще не успел прилететь второй самолет «Б-24» с необходимым оборудованием. Во время готовившегося полета летчики должны были применить оружие, если бы японские истребители попытались чинить им препятствия. В этой связи сенатор Фергюсон спросил Маршалла: «Как же использование телефона можно считать открытым актом по сравнению с этим полетом?» — «Это вопрос суждений», — ответил генерал (G. Morgenstern, Pearl Harbor, The Story of the Secret War. The Devin-Adair Company. N. Y., 1947, p. 278—279).

и узлу связи отдан строжайший приказ — не тревожить воскресного отдыха президента. Затем оба сели обедать. Вскоре после часа дня раздался телефонный звонок. Недовольный президент — он как раз завершал обед — взял трубку. Звонил Нокс.

Военно-морской министр неуверенно начал: «Господин президент, похоже на то, что японцы напали на Пирл-Харбор...» — «Не может быть», — в смятении воскликнул президент. Но это было горькой правдой. Через несколько минут в Вашингтоне все, кому ведать надлежит, знали о том, что произошло. Теперь генерал Маршалл считал возможным связаться по телефону со штабом Шорта. Во время разговора он отчетливо слышал в телефонной трубке взрывы японских бомб. О нападении на Пирл-Харбор был оповещен и Хэлл.

На Токийском процессе главных японских военных преступников в 1946—1948 гг. американское обвинение разоблачало адские планы японских военных, придав особое значение тому, что уведомление, которое можно рассматривать как объявление войны, было вручено Хэллу после начала нападения на Пирл-Харбор. Жизнь много проще, чем представляют ее изодранные умы, иссушенные юриспруденцией.

Текст меморандума, подлежавший вручению Хэллу, стал передаваться в японское посольство с утра 6 декабря. Приступив к работе, шифровальщики с удивлением обнаружили, что МИД решил не обременять посольство переводом — перед ними был английский текст. Приятное открытие задавало темп, часам к 6 расшифровали восемь из поступивших тринадцати частей документа. Затем перерыв: шифровальный отдел в полном составе проследовал на прощальный вечер, устроенный коллегой в связи с отъездом. В теплой, дружеской атмосфере подогретое саке лилось рекой, однако долг превыше всего — около 10 вечера шифровальщики вернулись в отдел и вдохновенно подготовили к полуночи еще пять частей.

Что делать дальше? В первую очередь следовало бы позаботиться об оформлении меморандума, т. е. перепечатывать начисто документ по мере расшифровки. Нетрудно было сообразить, что, поскольку Того запретил

доверять это дело машинисткам, перепечатка пространного меморандума (22 страницы) кем-нибудь из дипломатического персонала выльется в мучительную процедуру. Простая мысль никого не осенила. Всю ночь шифровальщики томились в посольстве в ожидании заключительной части документа. Чтобы занять время, они довершили приказанное ранее уничтожение шифровальных машин, а на рассвете разошлись по домам.

Около 7 утра 7 декабря дежурный по шифровальному отделу принял пачку телеграмм из Токио. Среди них — четырнадцатую часть меморандума. Он по телефону вызвал своих коллег, которые часам к 10 утра уселись за работу. В 11 утра Номура передал только что расшифрованное указание Того — вручить ноту Хэллу в 13.00. Посол немедленно связался с госдепартаментом и договорился о встрече в указанный час, затем — бегом в шифровальный отдел. Там секретарь Окумура по своей воле с раннего утра прилежно перепечатывал начисто меморандум. Однако похвальное трудолюбие не могло изменить простого факта: он печатал двумя пальцами.

Лишь к полудню Окумура завершил мучительный процесс, справившись с тринадцатую частями. Шифровальщики никак не могли дать заключительную часть, и у Окумуры нашлось время критически осмотреть дело своих пальцев. Он заявил, что непристойно вручать столь плохо изготовленный документ, и засел за машинку переписывать самые грязные страницы. Тут подоспели две телеграммы из Токио с незначительными поправками к тексту, шифровальщики принесли четырнадцатую часть, а Номура беспрестанно просовывал голову в дверь, осведомляясь как идут дела. Конечный итог оказался плачевным — лишь в 13.50 Окумура передал дрожавшему от нетерпения послу готовый текст.

Номура и Курусу скатились по лестнице посольства, прыгнули в машину и через четырнадцать минут стояли у дверей кабинета Хэлла. Государственный секретарь не мог понять безответственности японских дипломатов. Он разгневанно писал в своих мемуарах: «Последняя встреча Номура со мной была организована таким же глупейшим образом, каким он вел переговоры с самого начала. Намерение его правительства, приказавшего провести встречу в час дня, заключалось в том, чтобы вручить ноту за несколько минут до удара по Пирл-Харбору. Посоль-

ство Номуры испортило все это, задержав расшифровку. Тем не менее, поскольку Номура понимал необходимость явиться в указанный час, ему бы следовало встретиться со мной точно в час дня, хотя бы у него на руках были тогда лишь первые строки ноты, дав указание посольству подвозить оставшийся текст по мере готовности»¹⁵².

Хэлл отлично знал, о чем собирались говорить с ним послы. Он продержал их в приемной четверть часа, затем двери кабинета раскрылись. Номура и Курусу наконец выполнили миссию, возложенную на них императорским правительством. О встрече Хэлла с послами государственный департамент передал печати официальное заявление: «В 1 час дня японский посол обратился с просьбой, чтобы государственный секретарь принял японских представителей. Встреча была назначена на 1.45 дня. Японские представители прибыли на прием к государственному секретарю в 2.05 дня. Государственный секретарь принял их в 2.20 дня. Японский посол вручил государственному секретарю документ, который рассматривается как ответ на документ, переданный ему государственным секретарем 26 ноября. Государственный секретарь Хэлл внимательно прочитал заявление, врученное ему японскими представителями, затем повернулся к японскому послу и с величайшим негодованием сказал: «Я должен заявить, что во время всех переговоров с вами на протяжении последних девяти месяцев я не сказал ни одного слова неправды. Это абсолютно ясно из документов. За все мои пятьдесят лет государственной службы я никогда не видел документа, наполненного таким количеством гнусной лжи и извращений — гнусной ложью и извращениями в таких размерах, что до сегодняшнего дня я никогда не думал, чтобы хоть одно правительство на нашей планете было способно на это»¹⁵³. Хэлл кивнул головой в сторону двери. Послы, молча откланявшись, покинули кабинет в большом смущении: они еще не знали о Пирл-Харборе.

Легко понять чувства Хэлла. Правительство Соединенных Штатов, затеяв сложную дипломатическую игру с целью вызвать нападение Японии на СССР, подверглось той участи, которую готовило другим. Руководители американской внешней политики могли винить только самих себя. Известно, однако, что ничто не вызывает такого гнева, как осознание собственного промаха.

Как это объясняют в США

Нападение на Пирл-Харбор глубоко потрясло страну. Американский флот на Тихом океане был разгромлен. Вечерние выпуски газет намекали, что США потерпели серьезное поражение.

По несчастному совпадению еще утром 7 декабря на первых страницах газет был помещен ежегодный отчет военно-морского министра Ф. Нокса. «Я горд сообщить,— писал министр,— что американский народ может испытывать полную уверенность в своем флоте. По моему мнению, лояльность, моральное состояние и выучка личного состава не имеют себе равных. С любой точки зрения, флот Соединенных Штатов — сильнейший в мире. Международная обстановка такова, что мы должны вооружаться с возможной быстротой, чтобы обеспечить выполнение наших оборонительных задач против любой коалиции противников одновременно на обоих океанах. Наша цель должна всегда заключаться в том, чтобы иметь достаточные силы, что даст нам полную свободу действий на одном океане, в то время как на другом океане останутся силы, обеспечивающие эффективную оборону»¹. Американские корабли шли ко дну не с развевающимися флагами в бою, а запертые в тесной мышеловке гавани Пирл-Харбор. Кто виноват?

Выступая по радио 9 декабря, Ф. Рузвельт постарался придать общественному мнению нужное направление. Голос президента звучал с большим подъемом: «Я могу сказать с величайшей уверенностью, что ни один американец сегодня или спустя тысячу лет не будет испытывать ничего, кроме гордости по поводу нашего терпения и наших усилий на протяжении многих лет, направленных на достижение мира на Тихом океане, который был бы достоин и справедлив для всех стран, больших и малых. И ни один честный человек ни сегодня, ни тысячу лет спустя

не сможет подавить чувства негодования и ужаса по поводу предательства, совершенного военными диктаторами Японии под прикрытием флага мира, который несли среди нас их специальные представители»². Итак, овцы были отделены от козлищ, виновники заклеены, невинные оправданы — на тысячу лет.

Что на Пирл-Харбор напали японцы, сомнений не было. Но почему нападение оказалось внезапным и кто виноват в Соединенных Штатах? Правительство поторопилось известить народ. 9 декабря военно-морской министр Ф. Нокс вылетел на Гавайские острова. По возвращении в США 15 декабря он совещался с Рузвельтом. Было решено в интересах сохранения военной тайны не раскрывать действительные размеры ущерба. Представителям прессы Ф. Нокс сообщил, что во время японского нападения на Пирл-Харбор был потоплен линкор «Аризона», другой линкор, «Оклахома», перевернулся, но будет восстановлен. Потоплены корабль-мишень «Юта», три эсминца и вспомогательное судно. Повреждено несколько других кораблей. Погибло 2897 моряков и солдат³. 17 декабря были названы козлы отпущения — Х. Киммель и У. Шорт были сняты со своих постов.

В конгрессе стали раздаваться голоса, что неплохо было бы провести расследование беспримерной катастрофы. Эти предложения были крайне опасны для администрации: не говоря уже о духе партийной борьбы, неизбежном в таком случае, правительству было бы трудно поставить под контроль действия сенаторов и конгрессменов. Ф. Рузвельт опередил события: 16 декабря он назначил собственную следственную комиссию в составе пяти человек, возглавлявшуюся заместителем судьи Верховного суда О. Робертсом. Этот юрист давно отстаивал необходимость ведения войны для создания мирового правительства. Остальные члены комиссии были тесно связаны с администрацией. Контр-адмиралы в отставке В. Стендли и Д. Ривс едва ли могли критиковать военную неподготовленность на Гавайских островах. Оба совсем недавно на своих постах несли прямую ответственность за обороноспособность баз флота. Отставной генерал-майор Ф. Маккой, руководитель «Ассоциации внешней политики», был ярким сторонником Ф. Рузвельта. Пятый член комиссии — бригадный генерал действительной службы Д. Макнерни являлся ближайшим советником генерала Д. Маршалла.

Нет ничего удивительного в том, что свою основную обязанность комиссия усмотрела в оправдании правительства и командования вооруженных сил, одновременно закрепив вину за Х. Киммелем и У. Шортом. Отсюда стиль работы комиссии. Несмотря на то что О. Робертс знал все тонкости американской юриспруденции, он не позаботился опросить многих важных свидетелей и изучить документы. Члены комиссии знали о существовании «чуда», однако не проявили никакого любопытства к этим материалам и не истребовали их. О. Робертс заявил после войны: «Я бы не потрудился прочитать перехваченную японскую документацию, даже если бы она была нам показана»⁴. Доклад комиссии был представлен президенту на просмотр и утвержден им.

24 января 1942 г. доклад был опубликован. В его первой части расхваливались политические и военные руководители США. «Государственный секретарь,— говорилось в докладе,— выполнил свои обязанности, подробнейшим образом информируя военное и морское министерства о международной обстановке и полностью сообщая им о ходе и возможном окончании переговоров с Японией. Военный и морской министры полностью выполнили свои обязанности, часто совещаясь с государственным секретарем и друг с другом, сообщая начальникам штабов армии и флота о переговорах с Японией и об их существенных последствиях». Все факты истолковывались в пользу Вашингтона. Задержка с отправкой предупреждения Д. Маршалла 7 декабря, например, объяснялась так: «Оно было лишь дополнительным предупреждением, учитывая переданные раньше предупреждения и приказы. Если бы даже предупреждение пришло в назначенное время, то все равно оно не принесло бы значительной пользы ввиду того, что командиры на месте не приняли мер до предполагавшегося момента получения этого предупреждения, которые дали бы возможность эффективно отразить нападение».

Комиссия заключила, что «главной причиной» японского успеха в Пирл-Харборе было «невыполнение своего долга» Х. Киммелем и У. Шортом. По мнению комиссии, «каждый из них не сумел должным образом понять серьезность обстановки». В числе дополнительных причин комиссия перечислила: нарушение Японией норм международного права, ограничения на ведение контршпионажа,

существовавшие в США. «За исключением незначительных случаев, употребление спиртных напитков личным составом вечером накануне дня нападения не снизило его возможностей». Выводам комиссии была придана самая широкая гласность. Президент поблагодарил О. Роберта «за тщательное и всестороннее расследование»⁵. Народ Соединенных Штатов теперь знал имена злоумышленников — Х. Киммеля и У. Шорта, навлекших на великую страну неслыханный позор*.

Оба оказались в незавидном положении. Военное и военно-морское министерства потребовали от них подать рапорты об отставке. В официальных кругах и печати неоднократно требовали предать Х. Киммеля и У. Шорта суду военного трибунала. Добрые граждане во всех концах страны слали им письма, иной раз высказывая намерения лично покончить с преступниками, если медлит юстиция. Авторы некоторых писем взывали к профессиональной чести. Некий бывший судья Д. Микс писал Х. Киммелю 11 февраля 1942 г.: «Как американский гражданин, налогоплательщик, выпускник Йельского университета и один из тех, чьи предки сражались во всех войнах, которые вели США, я предлагаю: вместо того чтобы трусливо просить об отставке и стать иждивенцем налогоплательщиков — пенсия 6000 долларов в год — и учитывая то, что в Пирл-Харборе в результате вашей небрежности, беззаботности и бездумности были уничтожены на миллионы долларов собственности налогоплательщиков, вы должны попытаться показать, что вы настоящий мужчина, — возьмите пистолет и покончите с вашим земным существованием, ибо, конечно, вы не нужны ни себе, ни американскому народу»⁶.

Эта разнузданная кампания направлялась правительственными органами. 22 февраля 1942 г. Х. Киммель в письме на имя Г. Старка заметил: «Следует подождать суждения истории, когда все факты можно будет предать гласности. Но я полагаю, что было бы справедливо, если

* Члены комиссии были осыпаны милостями администрации. Адмирал В. Стендли вскоре после подписания доклада получил медаль «За отличную службу» и в 1942—1943 гг. был послан США в Советском Союзе. Д. Макнерни быстро пошел по службе, к концу войны стал генералом и командующим оккупационными войсками США в Европе. Ф. Маккой после капитуляции Японии был назначен председателем Советательной комиссии по делам Дальнего Востока. Контр-адмирал Д. Ривс получил ранг полного адмирала.

бы военно-морское министерство не делало ничего больше, чтобы еще сильнее разъярить народ против меня». Однако травля продолжалась. Было объявлено, что с 1 марта 1942 г. Х. Киммель и У. Шорт увольняются в отставку, а в дальнейшем, когда позволят «общественные интересы и безопасность», они будут преданы суду военного трибунала. Это решение означало, что оба должны будут объяснять свои действия или бездействие военным судьям, а до тех пор молчать. Коротко говоря, Х. Киммелю и У. Шорту заткнули рот.

Время шло, оба настойчиво требовали суда. Но никаких юридических действий против обвиняемых не предпринималось. Американское законодательство, действовавшее на 7 декабря 1941 г., предусматривало, что лица, виновные в преступлениях, инкриминировавшихся Х. Киммелю и У. Шорту, должны предстать перед судом в течение двух лет. Когда в декабре 1943 г. истек установленный законом срок, конгресс специальной резолюцией продлил его на шесть месяцев. 13 июня 1944 г. конгресс принял новую резолюцию, продлившую этот срок еще на шесть месяцев, а также потребовал нового расследования катастрофы в Пирл-Харборе военным и военно-морским министрами. Недовольство выводами комиссии О. Робертса нарастало.

Значительную роль в оживлении интереса ко всему делу сыграла проходившая в это время очередная кампания по выборам президента. Республиканцы проявляли к Пирл-Харбору, очевидно, нездоровый интерес. Сенатор Г. Трумэн, выдвинутый кандидатом на пост вице-президента, попытался погасить его, но в действительности подлил масла в огонь. В статье в «Кольерз Мэгазин» 26 августа 1944 г. Г. Трумэн «объяснил» причины катастрофы личной неприязнью между Х. Киммелем и У. Шортом, которые не могли наладить взаимодействия между флотом и армией. Г. Трумэн писал: «На Гавайях генерал Шорт и адмирал Киммель встречались друг с другом лишь в те периоды, когда они разговаривали между собой. Обычно они ограничивались обменом телеграммами и радиogramмами». Совершенно необоснованное обвинение в дополнение ко многим другим сплетням, распространявшимся печатью, побудило Х. Киммеля нарушить молчание, которое он хранил два с половиной года, и взяться за перо.

Адмирал с возмущением писал Г. Трумэну: «Ваши инсинуации насчет того, что генерал Шорт и я не разговари-

вали, не верны. Ваши заявления о том, что мы будто бы не сотрудничали и не согласовывали своих действий, также лживы... До тех пор, пока я не предстану перед гласным судом, крайне несправедливо повторять лживые обвинения в мой адрес, в то время как официальные органы постоянно лишают меня возможности защитить себя публично. Х. Киммель передал письмо печати⁷. Г. Трумэн не ответил Х. Киммелю, сославшись на то, что у него есть документы, подтверждающие обвинение. Учитывая большой политический резонанс Пирл-Харбора, военный и военно-морской министры дали указание вести новые расследования, назначенные в соответствии с июньским решением конгресса, в глубокой тайне.

Только 1 декабря 1944 г. от имени военного и военно-морского министров были опубликованы краткие сообщения об итогах работы соответствующих комиссий. Г. Стимсон заключил: «В любом случае собранные ныне доказательства не оправдывают возбуждения судебного дела против какого-либо офицера в армии». Военно-морской министр Д. Форрестол добавил: «Собранные доказательства не оправдывают суда военного трибунала против лица или лиц, находящихся во флоте». Оба министра также довольно туманно сообщали, что были допущены ошибки не только на Гавайских островах, но и некоторыми сотрудниками военного и военно-морского министерств⁸. До момента опубликования полных текстов докладов комиссий о причинах катастрофы в Пирл-Харборе можно было только гадать. Однако стало ясно одно — виновников нужно искать не только на Гавайских островах.

29 августа 1945 г. Г. Трумэн устроил пресс-конференцию в Белом Доме. На столе перед собравшимися корреспондентами возвышалась груда документов — многочисленные экземпляры текстов докладов комиссий военного и военно-морского министерств. Объем каждого экземпляра, отпечатанного на ротаторе, составлял свыше четырехсот страниц. Г. Трумэн сообщил, что он передает документы печати, заметив, что «полностью доверяет искусству, энергии и компетентности всех наших военных руководителей — как армии, так и флота». Президент скромно признался, что не читал докладов. Толпа корреспондентов, с трудом сдерживавшая нетерпение, не слишком внимательно выслушала краткую речь президента. Едва он кончил, как представители печати, энергично работая локтями,

бросились к столу. В мгновение ока стол опустел, корреспонденты разъехались по редакциям.

На следующий день газеты посвятили первые страницы поспешному анализу преданных гласности документов. Основываясь на докладах, газеты обрушили на администрацию шквал обвинений. Г. Трумэн понял, что допустить промах. На следующий день он созвал новую пресс-конференцию, на которой заявил: «Я прочитал доклады очень внимательно (400 страниц за сутки! — *Н. Я.*) и пришел к выводу, что все это результат политики, которую проводила сама страна. Страна не была подготовлена. Каждый раз, когда президент пытался провести программу военной подготовки через конгресс, ее урезали. Когда бы президент ни выступал с заявлением о необходимости подготовки, его предавали анафеме. Я думаю, что нужно винить страну в целом не менее, чем любого человека, за то, что произошло в Пирл-Харборе»⁹. Виновны все без исключения американцы! Заявление Г. Трумэна еще более запутало дело.

6 сентября 1945 г. лидер большинства в сенате сенатор А. Баркли предложил создать объединенную комиссию конгресса для расследования обстоятельств японского нападения на Пирл-Харбор. Предложение было единодушно поддержано в обеих палатах: слишком противоречивы были имевшиеся выводы различных комиссий*. Объединенной комиссии конгресса предстояло внести ясность. Она состояла из пяти сенаторов и пяти членов палаты представителей. Господствовавшая партия в конгрессе — демократическая — позаботилась, чтобы большинство в комиссии принадлежало ей. В комиссию вошли шесть демократов и четыре республиканца. Ее работа началась 15 ноября 1945 г. и закончилась 31 мая 1946 г. Состоялось 70 открытых заседаний, не считая закрытых, объем собранных материалов

* Расследованиями занимались: 1) военная разведка для Ф. Рузвельта; 2) военно-морской министр Ф. Нокс в декабре 1941 г.; 3) комиссия О. Робертса; 4) комиссия военного министерства, назначенная в соответствии с решением конгресса 13 июня 1944 г.; 5) комиссия военно-морского министерства, назначенная тем же решением конгресса; 6) адмирал Т. Харт с 12 февраля по 15 июля 1944 г.; 7) адмирал Г. Хевитт, генерал-майор М. Крамер, майор Г. Клаузен, полковник К. Кларк в 1944 г.; 8) комиссия военного министерства в составе полковника Г. Банди и подполковника Д. Риккера не успела приступить к работе — оба погибли при авиационной катастрофе в пути на Гавайи.

и стенографических отчетов составил 10 млн. слов. Доклад комиссии был представлен конгрессу в одном томе 20 июля 1946 г., 39 томов материалов и стенографических отчетов опубликованы в октябре 1946 г. Однако, несмотря на гору материалов, многие аспекты американской внешней политики остались в тени. В этой связи Ч. Бирд заключает: «Тысячи документов, относящихся к вопросу, о существовании которых известно, остались засекреченными. Что они откроют, если когда-либо эти документы увидят свет, может быть только предметом догадок как для читателей, так и для историков»¹⁰. Поэтому наивно было бы полагаться на «объективность» комиссии. Ее работа никогда не могла быть направлена к всестороннему критическому анализу внешней политики Соединенных Штатов.

Главные действующие лица в 1940—1941 гг. не были допрошены в комиссии, часть из них по понятным причинам: скончался Ф. Рузвельт, умерли Ф. Нокс и Г. Гопкинс. Г. Стимсон в период работы комиссии был болен. Хотя он разрешил включить в материалы комиссии извлечения из своего личного дневника, на заседаниях Г. Стимсон не появлялся и на поставленные ему вопросы отвечал письменно так, как считал нужным. К. Хэлл обогатил собрание документов комиссии длинным заявлением, в котором с особой педантичностью изложил личную философию международных отношений и собственные взгляды на политику в отношении Японии. Один раз он был на заседании комиссии, однако оно велось так, что бывший государственный секретарь не подвергся перекрестному допросу.

Республиканцы, члены комиссии, проявили понятное рвение в расследовании. Но решения о вызове свидетелей, истребовании документов и т. д. принимались большинством голосов. Более того, им было запрещено самостоятельно просматривать архивы правительственных ведомств. А целесообразность предоставления тех или иных документов из личного архива покойного президента единолично решала его личный секретарь Грэгс Талли! Такая процедура сбора материалов, естественно, была не случайна, и многое, что могло бы разоблачить истинную политику Соединенных Штатов в канун войны, не было предано гласности. Больше того, во время работы комиссии выяснилось, что уже была проделана работа по сокрытию некоторых фактов, ставших в основном случайно известными в ходе более ранних расследований.

Наиболее поучительный пример в этом отношении — судьба японской телеграммы, содержащей предупреждение из Токио о начале войны, переданной «кодом ветров». Этот документ 4 декабря 1941 г. был разослан разведкой по разметке руководящим политическим и военным деятелям США. Уже комиссия военного министерства, работавшая в 1944 г., после безуспешных поисков документа констатировала: «Оригинал телеграммы исчез из архива военно-морских сил. Этот оригинал был на месте сразу же после Пирл-Харбора и вместе с другими документами был взят для представления комиссии Робертса. Копии находились и в других местах, но теперь они все исчезли... В течение минувшего года были уничтожены журналы радиостанции, в которых было зарегистрировано получение телеграммы. Свидетель армии показал, что эту телеграмму командование армии никогда не получало. Она была ясным указанием Соединенным Штатам (о войне.— *Н. Я.*) еще 4 декабря. Легко понять чрезвычайно важное значение этой телеграммы»¹¹.

Объединенная комиссия конгресса установила, что Г. Стимсон и Д. Форрестол, недовольные выводами комиссий военного и военно-морского министерств, работавших в 1944 г., назначили в конце войны собственных расследователей. Особенное рвение проявил Д. Форрестол — ведь сигнал по «коду ветров» был перехвачен радиостанцией флота. Военно-морской министр сначала попытался поручить расследование такому деятелю, один авторитет которого подавил бы допрашиваемого. Он предложил адмиралу Д. Ричардсону взять на себя эти функции. Бывший командующий ядовито ответил: первейшая обязанность расследователя катастрофы в Пирл-Харборе — отсутствие предубеждения, а он сам твердо уверен, что значительная доля ответственности за нее лежит на Вашингтоне. Какие бы доказательства ни приводились, это не поколеблет его мнения. Д. Ричардсон отказался¹². Тогда расследование было поручено более покладистому адмиралу Г. Хевитту.

Адмирал вместе со своим помощником Д. Сонеттом добился выдающихся успехов. Краммер, докладывавший перехваченную телеграмму 4 декабря 1941 г., был приглашен на обед в дом к самому адмиралу Старку, где его память «освежили». С этого момента он стал давать весьма противоречивые показания. Другие опрошенные офицеры, имевшие в 1941 г. касательство к перехвату и дешифровке

японских документов, также «освежили» память, изменили предшествующие показания и заявили, что они и в глаза не видели радиограммы с «кодом ветров».

Практически единственным упрямцем оказался капитан Л. Сэффорд. Он упорно стоял на своем. Как показывал Л. Сэффорд комиссии конгресса, «цель Сонетта, по-видимому, заключалась в том, чтобы заставить изменить ранние показания, невыгодные Вашингтону, заставить «враждебных» свидетелей изменить свои показания и внести элемент сомнения там, где он не мог добиться отказа от показаний. Больше всего он пытался заставить меня изменить показания о послании с «кодом ветров» и побудить меня поверить, что я страдаю галлюцинациями». Когда это не удалось, Соннет в присутствии Хевитта прибег к угрозам, заявив Сэффорду: «Никто не поставит под сомнение ваши умственные способности, если ваша память сыграет дурную шутку по прошествии столь длительного периода времени. Многочисленные свидетели, которых вы называли, отрицают существование телеграммы с «кодом ветров». Вам не следует нести факел для адмирала Киммеля»¹³. Такую «работу» по прямому указанию военного и военно-морского министров проводили их доверенные «расследователи» весной и летом 1945 г.

Результат очевиден. Как замечает американский исследователь Р. Волстеттер, «кто видел, и какие материалы «чуда», и кому что передавалось вечером 6 декабря (1941 г.) — очень деликатный вопрос. Протоколы показаний полны противоречий. Сказанное осенью 1945 г. неизменно противоречило показаниям, данным перед предшествовавшими следственными комиссиями. В 1945 г. документы либо скрывались, либо исчезли, а память участников событий была «освежена», или они начисто забыли происходившее. Поэтому в ряде случаев на настойчивые вопросы следовал стереотипный ответ: «Не помню». Даже сенаторы, стремившиеся нажить политический капитал на расследовании, устали и перестали углубляться в дело»¹⁴.

В апреле 1945 г. правительство сделало попытку законодательным путем запретить разглашение сведений о том, что США имели возможность дешифровать японскую документацию. 9 апреля 1945 г. сенат принял законопроект Э. Томаса, предусматривавший 10 лет тюрьмы и штраф в 10 тыс. долларов за разглашение шифрованных материалов, американских или иностранного государства. Респуб-

ликанцы, почувствовавшие, что за повышенной заботой о сохранении государственной тайны кроется какой-то коварный замысел правительства, сорвали принятие этого законопроекта. В результате комиссии конгресса было представлено более 700 перехваченных и дешифрованных японских документов.

При формулировании окончательных выводов объединенная комиссия конгресса по расследованию нападения на Пирл-Харбор так и не пришла к единому мнению. Основной доклад подписали семь членов комиссии, восьмой — конгрессмен Ф. Кифи — поставил подпись с оговорками. Этот доклад получил название «доклад большинства». Члены комиссии — сенаторы-республиканцы О. Брестер и Х. Фергюсон — составили свой собственный доклад, так называемый «доклад меньшинства». Перед составителями «доклада большинства» стояла дилемма — либо полностью поддержать выводы расследования О. Роберта, тем самым оправдав правительство и взвалив всю вину на Х. Киммеля и У. Шорта, что автоматически привлекло бы последних к суду военного трибунала, либо высказаться в пользу выводов расследований военного и военно-морского министерств, проведенных в 1944 г. Тогда досталось бы крепко и политикам.

Первый путь был невозможен, так как все собранные документы в своей совокупности не давали возможности начать судебное преследование бывших командующих на Гавайях. Второй путь также был закрыт: изобличающих документов не хватало, ибо объединенная комиссия не желала углубляться в дебри вопроса об ответственности политиков. Был избран средний путь. Виновниками Пирл-Харбора, естественно, были объявлены японцы. Что касается американского правительства, то в «докладе большинства» утверждалось: «Внешняя политика США отнюдь не носила провокационного характера, что бы давало Японии повод для нападения на них... Комиссия не обнаружила никаких документов до или во время своей работы, которые подтверждали бы обвинения, что президент, государственный секретарь, военный министр, военно-морской министр заманивали, провоцировали, побуждали или принуждали Японию к нападению на США с тем, чтобы легче провести объявление войны в конгрессе. Напротив, все данные свидетельствуют о том, что они выполняли обязанности достойно, проявляя свои способности и предвидя будущее

в соответствии с высочайшими традициями нашей внешней политики». Политики были полностью оправданы.

Виновниками, по мнению объединенной комиссии, были военные и только военные. На первом месте среди них оказались командующие на Гавайских островах, которые «не сумели выполнить свои обязанности с учетом предупреждений, полученных из Вашингтона». В докладе подробно перечислялось все, что они должны были сделать, но не сделали в области военной подготовки. При всем этом подчеркивалось, что ошибки были «промахами суждения, а не упущениями по службе». Эта формулировка раз и навсегда освобождала Х. Киммеля и У. Шорта от опасности преследования по суду. В качестве виновников Пирл-Харбора в Вашингтоне указывались также работники оперативного управления военного министерства и разведки армии и флота. «Доклад большинства», однако, был устремлен главным образом в будущее. Его выводы заканчивались 5 рекомендациями и 25 конкретными предложениями, имевшими в виду реорганизацию и улучшение военной машины Соединенных Штатов. Горькие уроки Пирл-Харбора умело использовались для того, чтобы в 1946 г. — первом послевоенном году — обосновать необходимость широких военных приготовлений. Это был ловкий ход со стороны тех сил в США, которые были заинтересованы в разжигании военного психоза в стране. Составителей документа, по-видимому, в наибольшей степени заботило достижение этой цели, чем воссоздание объективной истории событий, которые привели к Пирл-Харбору.

Ф. Кифи приобщил к «докладу большинства» собственное мнение. Он обращал внимание на то, что объединенной комиссии «было отказано в получении многих важнейших сведений». На его взгляд, «факты подбирались таким образом, быть может и ненамеренно, чтобы возложить вину на Гавайи и уменьшить вину, которую следовало бы возложить по справедливости и на Вашингтон». Ф. Кифи выразил мнение, что «в основе трагедии лежала тайная дипломатия... В будущем народ и его конгресс должны знать, насколько близко американская дипломатия подвинула дело к войне с тем, чтобы они могли бы остановить ее действия, если последние становятся неразумными, или поддержать их, в случае если американская дипломатия занимает разумную позицию... Для того чтобы предотвратить любой Пирл-Харбор в будущем, который может оказаться

более трагичным и катастрофичным, чем Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г., должна существовать тесная координация между американским общественным мнением и американской дипломатией». Благие пожелания Ф. Кифи были пропущены мимо ушей. Но конгрессмен указал на основную причину катастрофы — виновниками были не военные, а политики. Более четко сформулировать свои выводы он не мог, ибо объединенная комиссия сознательно старалась уйти от определения вины политиков.

«Доклад меньшинства» был в основном продиктован соображениями партийной борьбы, и уже одно это сузило содержащиеся в нем выводы. Однако сенаторы-республиканцы смотрели в корень дела. Внешняя политика Соединенных Штатов не была исследована по той простой причине, что вопрос об оценке мудрости внешнеполитического курса США «исключен уже самой формулировкой задач комиссии». Поэтому «выводы о дипломатических аспектах основываются на недостаточных материалах». Выправить это положение сенаторы-республиканцы не могли — они не получили в ходе работы всех нужных материалов, — да и не хотели. Составители «доклада меньшинства» решительным образом разошлись с мнением большинства объединенной комиссии конгресса.

В своем докладе сенаторы О. Брестер и Х. Фергюсон дали исторический обзор событий в канун Пирл-Харбора, из которого явствует, что нападение Японии не могло быть неизбежностью для американского правительства. Конкретными виновниками катастрофы они назвали Ф. Рузвельта, Г. Стимсона, Ф. Нокса, Д. Маршалла, Г. Старка, Л. Джероу, Х. Киммеля и У. Шорта. В «докладе меньшинства», указывалось: «Утверждение, исходящее от столь высокоавторитетного лица, как президент Трумэн, который 30 августа 1945 г. заявил: «Нужно винить страну в целом не менее, чем любого человека, за то, что произошло в Пирл-Харборе», — необоснованно, ибо американский народ не имел решительно никакого представления о проводимой тогда политике и предпринимавшихся действиях».

Пока речь шла о партийной борьбе, сенаторы-республиканцы были, как видим, красноречивы и выносили безапелляционные суждения. Но когда дело коснулось внешней политики, они проявили куда большую сдержанность. Это и понятно: в США говорят, что межпартийные распри кончаются у берега океана. В отношении внешней политики

«доклад меньшинства» далеко не пошел. Составители констатировали: «Государственный секретарь Корделл Хэлл, который был в центре японо-американских переговоров, несет серьезную ответственность за дипломатические события, приведшие к неизбежности Пирл-Харбора, однако он не выполнял никаких функций в цепи военного командования, ответственного за оборону Пирл-Харбора, — от главнокомандующего до командующих на Гавайских островах. По этой причине, а также потому, что дипломатические аспекты не были полностью исследованы, мы не делаем никаких выводов в отношении его»¹⁵. Итак, как большинство, так и меньшинство комиссии оказались единодушными в одном — в оправдании внешней политики Соединенных Штатов, хотя этот вердикт основывается только на тех документах, которые было сочтено возможным рассекретить в ходе расследования.

Никто и никогда в объединенной комиссии конгресса не сказал об основной внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов в канун войны — попытаться натравить Японию на Советский Союз. Поскольку этот вопрос вопросов был обойден, поскольку работа комиссии, равно как предшествующих расследователей в США, не дала удовлетворительного объяснения причин внезапности японского нападения на Пирл-Харбор, поэтому и остается в американской исторической науке загадка Пирл-Харбора. Она вызвана к жизни не историческими фактами, а упорными попытками в Соединенных Штатах извратить историю в целях оправдания внешнеполитического курса американского правительства.

Пирл-Харбор и в наше время привлекает внимание американцев. Материалов, содержащих сенсационные открытия, разумеется, не появляется, но читающей публике по сей день предлагаются новые факты по проблеме. Журнал «Лук», например, имеющий более чем 8-миллионный тираж, 14 декабря 1965 г. напечатал большое извлечение из бумаг генерала Д. Маршалла, специально посвященных предыстории Пирл-Харбора. Статья была подготовлена известнейшим военным историком Ф. Погью и носила сенсационный заголовок: «Ошибки в связи с Пирл-Харбором. 24 года спустя: Первая публикация бумаг Д. Маршалла»¹⁶. Кроме пары анекдотов сомнительной свежести, в ней нет ничего нового. Примечательно, однако, не это, а то, что знатоки читательского спроса, каковыми, несомненно, яв-

ляются редакторы журнала «Лук», считают историю Пирл-Харбора интересной для нынешнего поколения.

Работа объединенной комиссии конгресса не положила конец горячей дискуссии в американской историографии вокруг вопроса о вступлении Соединенных Штатов в войну. Напротив, сорок томов дали дополнительные материалы для противоречивых суждений. Спор, по-видимому, будет продолжаться бесконечно. Глубокий старик, отставной адмирал Киммель вносит в него посильную лепту.

В письме составителям сборника документов о Пирл-Харборе, увидевшем свет в конце 1962 г., Киммель высказался категорически: «Мне никогда не дали возможности полностью ознакомиться с архивами о Пирл-Харборе, хранящимися в военно-морском министерстве и Белом Доме. Мне отказали в разрешении просмотреть так называемую папку Белого Дома, в которой, по-видимому, находятся послания Рузвельта и Черчилля... По моему мнению, хотя, конечно, я лицо заинтересованное, нет никаких сомнений в том, что м-р Рузвельт знал о плане японцев напасть на флот в Пирл-Харборе и дату планировавшегося удара и сознательно утаил эту информацию от командующих на Гавайях, чтобы атака состоялась»¹⁷. Если один из основных участников событий придерживается столь крайних взглядов, тогда что спрашивать с историков.

В Соединенных Штатах в буржуазной исторической науке возникла школа «ревизионистов», которая сосредоточила свои усилия на том, чтобы доказать, будто Ф. Рузвельт, стремившийся к вступлению в войну, сознательно оставил командование на Гавайских островах в неведении о предстоящем японском нападении. А когда японская авиация нанесла удар по Пирл-Харбору, он использовал это как повод для того, чтобы поднять народ Соединенных Штатов, не желавший воевать, на вооруженную борьбу. Основателем направления считается Чарльз А. Бирд. Впрочем, этот маститый буржуазный историк в первую очередь занимался вопросом о том, почему в условиях американской «демократии» правительство безответственно перед народом. Эту печальную для буржуазного либерала, каким был Ч. Бирд, тему он развивал в своих двух книгах, увидевших свет в 1946—1948 гг.¹⁸ Указанные крайние выводы в адрес Ф. Рузвельта сделали его ученики, сплотившиеся после смерти Ч. Бирда в 1948 г. вокруг профессора Х. Барнса, столпа «ревизионистов» 20-х годов, которые

тогда доказывали, что США не нужно было вступать в первую мировую войну.

На концепции этих историков, основными среди которых являются Ч. Тэнзилл, Ф. Санборн, Д. Моргенштерн¹⁹, наложила значительный отпечаток дискуссия о путях современной американской внешней политики. Как замечает один из сторонников Ф. Рузвельта Р. Тагвелл, в годы «нового курса» входивший в «мозговой трест», «ожесточение ревизионистов отражает отвергнутую политику... Ревизионизм в данном случае, как и в случае Вильсона и его войны, является возрождением точки зрения влиятельных кругов о том, что Франклин (Рузвельт) шел напролом и проводил ошибочную политику. Аргументация основывается на том, что он желал войны и маневрировал с тем, чтобы вовлечь США в войну против держав «оси». Аргументация идет дальше: указывается, что войны следовало бы избежать, ибо дела обстоят хуже по завершении военных действий, чем они были бы, если бы проводилась политика компромисса. Совершенно очевидно, что в дискуссии такого рода нельзя прийти к каким-либо определенным выводам»²⁰. Школа «ревизионистов» получила широкую известность в Соединенных Штатах на рубеже 40-х и 50-х годов. Маккартистам особенно пришлось по душе нападки на Ф. Рузвельта. Однако историки этого направления, ссылаясь на события кануна второй мировой войны, стали на позиции «неоизоляционизма» — Соединенным Штатам и ныне нужны свободные руки, т. е. высказались против участия страны в военных блоках. Это привело к тому, что на «ревизионистов» ополчилась официальная историография и влияние школы быстро упало.

Идейный манифест «ревизионистов» — сборник статей под редакцией Х. Барнса «Вечная война за вечный мир»²¹, выпущенный в 1953 г., — мог убедить только убежденных. Не больше. Впрочем, таких немало и не только в США. Заявил же министр производства Англии О. Литтлтон еще в июне 1944 г., выступая на собрании американской торговой палаты: «Америка настолько провоцировала Японию, что японцы были вынуждены напасть на Пирл-Харбор»²².

Подводя итоги изучению проблемы в Соединенных Штатах, американский профессор Л. Сearс замечает: «Ревизионизм относительно второй мировой войны не слишком развился. Историки, оправдывающие вступление США в войну, более объединены и более наступательны, чем бы-

до после первой мировой войны, а их противники не сумели добиться, чтобы их выслушали как следует. Послание «восточный ветер», говорившее о намерении Японии напасть, весьма уместно исчезло из правительственных архивов... Было бы опрометчиво полагать, что американцы в 1984 году будут столь же хорошо информированы о второй мировой войне, как нынешнее поколение американцев о первой мировой войне»²³. Л. Сеарс пишет с известным пессимизмом, хотя сам и не принадлежит к «ревизионистской» школе. Независимо, однако, от взглядов данного историка освещение в США событий, связанных с Пирл-Харбором, ярчайшим образом иллюстрирует беспомощное положение, в котором оказалась историческая наука под давлением официальной пропаганды в «свободной стране».

Один из ведущих американских специалистов в области стратегии О. Моргенштерн прямо указывает, что правильное исследование о Пирл-Харборе едва ли когда-нибудь увидит свет в США. Рассуждая о том, что для разработки современной стратегии необходимо точное знание фактов прошлого, он замечает: «Тщательное, объективное и строго историческое исследование нападения на Пирл-Харбор и предшествовавших событий не разрешают опубликовать. Его автор работает в правительственном ведомстве, и рукопись оказалась в тисках бесконечных капризных цензурных ухищрений»²⁴.

Если исследование проблемы Пирл-Харбора в США с исторической точки зрения в силу изложенных причин едва ли будет расширено, то ее военно-стратегические аспекты постоянно изучаются в целях извлечения уроков для современной американской военной науки, строительства вооруженных сил. Еще при Трумэне японский успех 7 декабря 1941 г. использовался для обоснования реорганизации структуры командования американских вооруженных сил. Г. Трумэн в своих мемуарах заметил: «Из материалов слушаний (в комиссии конгресса. — Н. Я.) дела о Пирл-Харборе мне стало ясно, что трагедия явилась результатом как неподходящей военной структуры, не обеспечившей единства командования ни в Вашингтоне, ни в войсках, так и личных промахов офицеров армии и флота». В 1947 г. в США создается министерство обороны.

Пирл-Харбор подтолкнул и организацию Центрального разведывательного управления. «Мне часто приходило в голову, — писал Г. Трумэн, — что, если бы у правительства

существовал координационный центр при сборе информации, Японии оказалось бы значительно труднее, если вообще было бы возможно, осуществить успешное предательское нападение на Пирл-Харбор. В те дни военные не знали всего, что было известно государственному департаменту, а дипломаты не имели доступа ко всему, что знала армия и флот»²⁵. Хотя многие иные факторы способствовали созданию ЦРУ, ссылки на Пирл-Харбор облегчили проведение через конгресс соответствующего законодательства.

Особое внимание вызывает вопрос: возможен ли Пирл-Харбор, т. е. внезапное нападение, в век ядерного и ракетного оружия, ибо последствия такого удара в наши дни окажутся совершенно несоизмеримыми с тем, что произошло 7 декабря 1941 г. Вопрос, естественно, совсем не академический. Наиболее авторитетным исследованием этой стороны дела, по-видимому, является книга Роберты Волстетер «Пирл-Харбор: предостережения и решения», подготовленная в сотрудничестве с корпорацией «Рэнд». Автор посвятила пять лет, чтобы дать ответ на вопрос, сформулированный ею так: «Что дает нам Пирл-Харбор для выяснения возможности внезапного нападения в наши дни, когда его результаты окажутся значительно большими и, возможно, фатальными?»

Выводы Р. Волстетер: «Коротко говоря, мы не смогли предсказать Пирл-Харбора не из-за недостатка нужных данных, а из-за изобилия материалов, не имевших отношения к делу». Что до ошибок американских командующих и правительства, то они кроются «в особенностях человеческого восприятия и проистекают из такой глубокой неопределенности, что ошибок нельзя избежать, хотя возможно и сократить шансы совершения их». Переходя к ответу на свой вопрос, автор подчеркивает: «Несмотря на громадное увеличение расходов на сбор и анализ разведывательной информации и несмотря на успехи дешифровки и перевода при помощи машин, по всей вероятности со времен Пирл-Харбора, преимущества вне всякого сомнения перешли к нападающему внезапно».

Итог: «Если изучение Пирл-Харбора и дает что-либо для будущего, то только одно: нам нужно сжиться с фактором неопределенности. Никакое «чудо» ни в области шифров или в других областях не обеспечивает уверенности в происходящих событиях. Наши планы должны быть действительными без всего этого»²⁶.

К этому и сводится бегство в будущее от проблемы Пирл-Харбора.

Послесловие

«Сколько бы нам ни потребовалось времени, чтобы отразить это тщательно подготовленное нападение, — говорил Франклин Д. Рузвельт 8 декабря 1941 г., — американский народ в своем справедливом гневе пройдет путь до конца — до полной победы. Я полагаю, что выражу волю конгресса и народа, когда скажу: мы не только не пощадим усилий, защищая себя, но сделаем все, чтобы подобное предательское нападение никогда больше не угрожало нам»¹. Против Японии была обращена мощь Объединенных Наций, а вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке в августе 1945 г. привело к быстрой капитуляции японских милитаристов.

Япония была оккупирована американскими войсками. Встал вопрос о наказании японских военных преступников, что являлось декларированной целью Объединенных Наций в годы войны. Американский генерал Д. Макартур, формально верховный союзный главнокомандующий на Дальнем Востоке, впоследствии писал: «Принцип уголовной ответственности политических лидеров страны, побежденной в войне, был для меня отвратителен. Я считал, что поступающие таким образом нарушают основные принципы уголовного законодательства. Я считал и соответственно рекомендовал ограничить уголовную ответственность политических лидеров Японии за начало войны обвинением в нападении на Пирл-Харбор, как совершенного без предварительного уведомления»². Если обвинение захочет привлечь к суду еще и императора, заметил как-то Д. Макартур, тогда придется увеличить оккупационные силы на миллион человек.

Личные взгляды генерала Д. Макатура, однако, не могли определить структуру и работу Международного военного трибунала, учрежденного в Токио в начале 1946 г. Он состоял из представителей одиннадцати стран, в том числе Советского Союза. Однако, поскольку Д. Макартур

был наделен высшей властью в Японии, американские власти сумели взять в свои руки большую часть подготовительной работы. Вызов свидетелей и отбор документов в известной степени зависел от них. В результате магнаты монополистического капитала — клика «Дзайбацу», двигавшая страну к войне, — полностью избежали ответственности. Перед трибуналом предстали только политики и военные.

Ответственность милитаристской клики за агрессивную войну, в том числе за Пирл-Харбор, была установлена вне всяких сомнений. В приговоре Международного военного трибунала было также записано: «Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (т. е. с 1928 года); что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке»³. Семерых главных военных преступников приговорили к смертной казни и повесили 22 декабря 1948 г.

Какова судьба непосредственных исполнителей преступных замыслов японской военщины. Подавляющее большинство служивших в оперативном соединении Нагумо 7 декабря 1941 г. погибли в войне, их поглотили волны Тихого океана. Но военная судьба капризна, она пощадила некоторых, кто сыграл выдающуюся роль в налете на Пирл-Харбор. Время унесло в могилу многих, живут, здравствуют и известны трое, кто был относительно молод в день Пирл-Харбора — Сугуру Судзуки, Мичуо Футида и Минору Гэнда. Тогда им было 33—37 лет. В свое время их заслуги были высоко оценены императорскими вооруженными силами, а ныне — союзником Японии по агрессивным блокам Соединенными Штатами. Футида после войны оставил военную службу, сейчас он священник. Судзуки и Гэнда по-прежнему носят мундиры. Первый — контр-адмирал «оборонительных военно-морских сил» Японии⁴, второй — генерал-лейтенант. До весны 1962 г. он занимал пост командующего военно-воздушными силами Японии. По случаю ухода в отставку — Гэнде исполнилось 57 лет — американский генерал Лаймэн Лемнитпер вручил ему в дополнение к японским наградам за Пирл-Харбор американский орден «За заслуги». Осенью 1961 г., вспоминая о Пирл-Харборе, Гэнда официально заявил в Лондоне: «Вместо одного удара нам следовало нанести серию ударов»⁵.

Профессор Мэрилендского университета США Д. Прандж провел шесть лет в Японии, изучая в мельчайших деталях историю подготовки и проведения операции против Пирл-Харбора. Он пишет книгу. В декабре 1961 г. корреспондент журнала «Юнайтед стейтс ньюз энд уорлд рипорт» попросил его дать интервью в связи с двадцатилетней годовщиной «Дня позора». Корреспондент спросил: «Как японцы относятся сейчас к своему внезапному нападению? Обнаружили ли вы среди них чувства сожаления или раскаяния?» Д. Прандж ответил: «Нет, они считают, что выполнили свой долг в отношении императора и страны. Угрызения совести не тревожат их. Гэнда публично заявлял, что он ни о чем не сожалеет. И Футида тоже не сожалеет об этом». Д. Прандж привел слова японского адмирала Чучи Хара: «Американское правительство должно дать нам ордена за то, что мы сделали для него, ибо мы воздействовали на чувства американцев и подняли их на войну. Мы оказали вам психологическую услугу»⁶. Не этому ли совету последовали правительственные органы США, наградившие спустя несколько месяцев Гэнда орденом «За заслуги»?

Какова современная точка зрения официальной американской историографии на неизбежность американо-японской войны в 1941 г.? По всей вероятности, вердикт 96-томной истории участия армии США во второй мировой войне наиболее поучителен в этом отношении. В соответствующем томе издания, посвященном большой стратегии в войне на Тихом океане, приводятся слова К. Хэлла, сказанные в свое время Г. Старку: «Я не знаю, оказались ли мы в войне, если бы Япония не напала на нас».

Сославшись на это свидетельство государственного секретаря и коротко проанализировав отношения США и Японии в 1941 г., автор тома, видный американский историк Л. Мортон, заключает: «Вероятно, основная ошибка Японии заключалась в решении напасть на США, в то время как ее главной целью в войне было овладение стратегическими ресурсами Юго-Восточной Азии. Если бы японцы обошли Филиппины и отвергли план Ямамото нанести удар по Пирл-Харбору, возможно, что Соединенные Штаты не пошли бы на войну с ними»⁷.

Суждение это находится в кричащем противоречии с исторической правдой. Оно в который раз подтверждает общеизвестную истину — соображения сегодняшнего дня

деформируют взгляды буржуазных историков. В свое время Вашингтон промахнулся в сложной дипломатической игре. Этот факт неоспорим, изучен и признан в американской буржуазной историографии. Однако официальные исследователи в США, прекрасно рассказавшие как происходили события, тщательно обходят вопрос — почему они происходили, если не считать произвольных схем «ревизионистов», ярко отраженных ненавистью к Ф. Рузвельту.

Беда американской официальной историографии заключается в том, что с легкостью необыкновенной списываются со счетов межимпериалистические противоречия, явившиеся первопричиной вооруженной схватки, и замалчивается антикоммунизм влиятельных сил в США, который облегчил Японии ее агрессию, во всяком случае сделал ее внезапной. Урок Пирл-Харбора заключается прежде всего в том, что идеологические шоры, украшавшие тогдашних американских лидеров, не дали им возможности рассмотреть и защитить национальные интересы страны. Результат — Пирл-Харбор!

ПРИМЕЧАНИЯ

Как это произошло

1. М. Мэтлофф, Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942. ИЛ, 1955, стр. 10.
2. G. Morgenstern. Pearl Harbor. The Story of the Secret War. The Devin-Adair Company. N. Y., 1947, p. 69.
3. «Pearl Harbor Attack. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack» (далее везде: «Pearl Harbor Attack»), pt. 2. Washington, 1946, p. 536—537.
4. М. Футида, М. Окумия. Сражение у атолла Мидуэй. Военгиз, 1958, стр. 46.
5. M. Okumia, J. Horikoshi with M. Caiden. Zero. E. P. Dutton and Co. N. Y., 1956, p. 61.
6. T. Kato. The Lost War. Alfred A. Knopf. N. Y., 1946, p. 89.
7. Sh. Fucudome. Hawaii Operation. «U. S. Naval Institute Proceedings», December, 1955, p. 1317.
8. М. Хасимото. Потопленные. ИЛ, 1955, стр. 32.
9. W. Lord. The Day of Infamy. Longmans, Green and Co. London, 1957, p. 28.
10. Статья Т. Есикавы «Совершенно секретное задание», написанная в соавторстве с подполковником Н. Стэнфордом, помощником американского военно-морского атташе в Японии, появилась в «U. S. Naval Institute Proceedings», № 12 за 1960 г. Статья вызвала громадный интерес. Так, журнал «Тайм» писал: «Теперь, через 19 лет после Пирл-Харбора, выступая на страницах авторитетного «Юнайтед стейтс нейвл инститють просидингс», Есикава подробно рассказывает о том, как он был глазами и ушами Японии в дни, предшествовавшие Пирл-Харбору» (см. «Time», December, 1960, p. 23). Перевод статьи был помещен в советском «Военно-историческом журнале» № 1 за 1962 г. (стр. 84—91). В примечаниях редактора перевода было поставлено под сомнение утверждение Т. Есикавы о том, что он был «единственным» агентом. В специальном американском журнале «Military Affairs» (November, 1961) была помещена большая статья сотрудников Университета Северного Иллинойса П. Берниса и У. Обера, в которой с фактами в руках опровергнуто утверждение Т. Есикавы о том, что он действовал изолированно. Кроме того, доказано, что Кита принимал значительно большее участие в разведывательной работе, чем изображает Есикава. См. P. Burtness, W. Ober. Research Methodology: Problems of Pearl Harbor Intelligence Reports. «Military Affairs», Fall, 1961, p. 132—146.
11. «Pearl Harbor Attack», pt. 12, p. 261.

12. Там же, стр. 268.
13. Там же, стр. 266, 269.
14. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 56—58.
15. «Admiral Kimmel's Story», by Husband E. Kimmel. Henry Regnery Company. Chicago, 1955, p. 19.
16. «Pearl Harbor Attack», pt. 22, p. 540.
17. «Admiral Kimmel's Story», p. 75.
18. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1044.
19. Там же, стр. 1402.
20. Там же, ч. 10, стр. 4856.
21. Там же, ч. 14, стр. 1406.
22. «Admiral Kimmel's Story», p. 57.
23. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 226—231.
24. S. Morison. The Rising Sun in the Pacific, 1931 — April 1942. Little Brown and Co. Boston, 1948, p. 210—213.
25. R. Wohlstetter. Pearl Harbor, Warning and Decision. Stanford University Press. Stanford, 1962, p. 42.
26. «Admiral Kimmel's Story», p. 48.
27. W. Lord. The Day of Infamy, p. 219.
28. «Кампания войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов». Воениз, 1956, стр. 63.
29. «U. S. News and World Report», December 11, 1961, p. 62.
30. W. Lord. The Day of Infamy, p. 19.
31. «Что произошло в Пирл-Харборе? Документы о нападении Японии на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года». Воениз, 1961, стр. 132.
32. «Admiral Kimmel's Story», p. 8.
33. L. Farrago. Burn after reading. The Espionage History of World War II. N. Y., 1962, p. 186—187.
34. W. Lord. The Day of Infamy, p. 67.
 О налете японской авианосной авиации на Пирл-Харбор существует чрезвычайно обширная литература. Сообщаемые факты часто очень противоречивы. В середине 50-х годов американский публицист Уолтер Лорд попытался воссоздать картину того, что произошло в Пирл-Харборе утром 7 декабря 1941 г. Он опросил 577 участников и очевидцев, среди них 15 японцев, получил от них 464 записи различных аспектов событий, побывал в Пирл-Харборе, прочитал практически всю имеющуюся литературу. Автору удалось уточнить некоторые детали даже в официальных отчетах. В результате он написал небольшую по объему (242 стр.) книгу «The Day of Infamy», опубликованную в 1957 г., в которой на основе всех этих материалов дал связный рассказ. Большая часть подробностей о том, что произошло в Пирл-Харборе, приводится по книге У. Лорда.
35. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 37.
36. W. Karig, W. Kelley. Battle Report: Pearl Harbor to Coral Sea. Farrar and Rinehart. N. Y., 1944, p. 18—19, 38, 42.
37. W. Lord. The Day of Infamy, p. 158—159, 220.
38. М. Футида, М. Окумия. Сражение у атолла Мидуэй, стр. 60.
39. S. Morison. The Two Ocean War. Boston, 1963, p. 48.
40. W. Lord. The Day of Infamy, p. 167.
41. «Prelude to Infamy, Official Report on the Final Phase of U. S.—Japanese Relations. October 17 to December 7, 1942». N. Y., 1943, p. 47—48.

Почему это произошло

1. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 330.
2. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 284.
3. K. Sato. If Japan and America Fight. Meguro Buntan. Tokyo, 1921, p. 69—74, 173.
4. «Коммунистический Интернационал», 1931, № 33—34, стр. 48, 52.
5. M. Kennedy. Aspects of Japan and Her Defence Forces. Kegan Paul. London, 1928, p. 125, 132.
6. «Международная жизнь», 1965, № 4, стр. 110.
7. И. Деметьева, Н. Агаянц, Е. Яковлев. Товарищ Зорге. М., 1965, стр. 72.
8. R. Butow. Tojo and the coming of the War. Princeton University Press, 1961, p. 107.
9. И. Деметьева, Н. Агаянц, Е. Яковлев. Товарищ Зорге, стр. 89—90.
- 10—11. «The New York Times», November, 29, 1938.
12. M. Shigemitsu. Japan and Her Destiny. Hutchinson and Co. London, 1958, p. 171.
13. «Documents of German Foreign Policy», Series D. Ed. by A. Toynbee and V. Toynbee. Oxford, 1958, p. 664—676.
14. M. Shigemitsu. Japan and Her Destiny, p. 177.
15. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939», vol. 3, p. 52.
16. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, 1940—1941. Harper and Brothers Publishers. N. Y., 1953, p. 4.
17. T. Kase. Journey to the «Missouri». New Haven, 1950, p. 43.
18. Э. Захарияс. Секретные миссии. Военгиз, 1959, стр. 282.
19. «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. I. М., 1955, стр. 409.
20. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 32.
21. M. Watson. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Washington, 1950, p. 115—121.
22. J. Grew. Ten Years in Japan, Simon and Shuster. N. Y., 1944, p. 334.
23. «Pearl Harbor Attack», pt. 2, p. 635.
24. J. Grew. Ten Years in Japan, p. 359, 361, 363.
25. П. Шервуд. Рузвельт и Голкинс, т. I. ИЛ, 1958, стр. 453. См. подробнее: М. Мэтлофф, Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942. ИЛ, 1955, стр. 50—67.
26. H. Feis. The Road to Pearl Harbor: the coming of the war between the United States and Japan. Princeton University Press, 1950, p. 57.
27. В. Аварин. Борьба за Тихий океан. М., 1947, стр. 226.
28. «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. 6. Washington, 1946, p. 906.
29. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 350.
30. Там же, стр. 352.
31. V. Villamine. Japan and Russia Fabricate a Treaty out of

- Synthetic friendship. «Congressional Record», vol. 87, pt. 11, p. 1797.
32. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941», vol. 4, p. 965.
 33. S. Welles. Time for Decision. N. Y., 1944, p. 170; C. Hull. Memoirs. N. Y., 1948, vol. 2, p. 967; L. Farrago. Burn After reading. The Espionage History of World War II, p. 121—123.
 34. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I. М., 1960, стр. 403.
 35. H. Montgomery Hyde. Room 3603. N. Y., 1963, p. 58.
 36. W. Churchill. The Second World War. The Grand Alliance. Boston, 1950, p. 193—194.
 37. Подробный анализ всего комплекса американско-японских отношений проведен советским историком Л. Н. Кутаковым. В своем труде «История советско-японских дипломатических отношений» (М., 1962) автор исследовал основные факты, касающиеся предыстории возникновения войны на Тихом океане.
 38. «История войны на Тихом океане», т. 3. М., 1957, стр. 207—208.
 39. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 311—315.
 40. Там же, стр. 322.
 41. «Pearl Harbor Attack», pt. 19, p. 3445.
 42. Д. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, стр. 450.
 43. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 325.
 44. Там же, стр. 467.
 45. R. Butow. The Hull-Nomura Conversations: A Fundamental Misconception, «American Historical Review», July, 1960, p. 824.
 46. C. Hull. Memoirs, vol. 2, p. 985—986.
 47. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 473.
 48. «Pearl Harbor Attack», pt. 20, p. 4296.
 49. К. Номура. Миссия в Америку. К японо-американским переговорам. С приложением 38 дипломатических документов на английском языке по вопросу о японо-американских переговорах в 1941 г. Токио, 1946, стр. 46.
 50. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 479.
 51. К. Номура. Миссия в Америку, стр. 60—67, 69.
 52. «Pearl Harbor Attack», pt. 20, p. 4004.
 53. «История войны на Тихом океане», т. 3. Приложение, стр. 379—380.
 54. R. Butow. Tojo and the coming of the War, p. 220.
 55. В собрании документов, представленных в 1945—1946 гг. объединенной комиссией конгресса по расследованию нападения на Пирл-Харбор, дешифрованные японские материалы относительно передвижения судов начинаются со 2 декабря 1940 г., а дипломатические документы — со 2 июля 1941 г. Известно, однако, что дипломатический код был раскрыт американцами в августе 1940 г.
 56. «Admiral Kimmel's Story», p. 82.
 57. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1397.
 58. Там же, ч. 12, стр. 1—2.
 59. Там же, ч. 14, стр. 1397.
 60. M. Watson. Chief of Staff, p. 493.
 61. «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941», vol. 1, p. 768.

62. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 538.
63. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 502.
64. R. Dawson. The Decision to Aid Russia 1941. The University of North Carolina Press, 1959, p. 118.
65. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 506.
66. M. Shigemitsu. Japan and Her Destiny, p. 235.
67. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1398—1399.
68. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 484.
69. «История войны на Тихом океане», т. 3, стр. 204.
70. «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. 3. N. Y., p. 558—559.
71. «E. D. R. His Personal Letters», vol. 2. N. Y., 1950, p. 1173—1174.
72. «Pearl Harbor Attack», pt. 5, p. 2382—2385.
73. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 99.
74. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 533—534.
75. «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. 3, p. 588.
76. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 655.
77. «Pearl Harbor Attack», pt. 16, p. 2239.
78. Там же, ч. 16, стр. 2175.
79. Там же, ч. 10, стр. 4995.
80. J. Gwyer, R. Butler. Grand Strategy. Her Majesty Stationary Office. London, 1964, vol. 3, p. 136—137.
81. R. Dawson. The Decision to Aid Russia 1941, p. 184.
82. J. Gwyer, R. Butler. Grand Strategy, p. 137.
83. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 556—558.
84. В книге американского историка Д. Моргенштерна, являющейся одной из основных работ, в которых доказывается, что Ф. Рузвельт «заставил» Японию напасть на США, американское правительство обвиняется в провоцировании Токио. Оставляя в стороне эту крайнюю версию, следует отметить, однако, что автор в пылу полемики высказал здравую идею. Д. Моргенштерн собрал несколько предостережений Японии, сделанных в 1941 г. ответственными деятелями США японским дипломатам. Эти предостережения достаточно точно устанавливали границы безнаказанной японской агрессии. Д. Моргенштерн пишет: «Наиболее удивителен тот факт, что во всех этих заявлениях Японии грозили войной, если она нападет на территории, не принадлежавшие Соединенным Штатам. Думан грозил войной от имени Англии, ее доминионов и колоний. Тернер грозил войной от имени голландских и британских колоний. Узлес исключал возможность мирного урегулирования, ибо Япония двинулась в Индокитай, тогда принадлежавший вишестской Франции. Рузвельт думал о жизненно важных коммуникациях Британской империи, когда выступил со своим всеобъемлющим предупреждением. И, как мы увидим, государственный секретарь Хэлли действовал по наущению китайцев, когда он отказался от собственного плана сохранить мир и предъявил такие требования Японии, которые вызвали нападение на Пирл-Харбор и войну». Цель этих рассуждений совершенно ясна, как и то, что Соединенные Штаты никогда

- не предостерегали Японию против нападения на Советский Союз (см. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 122—126).
85. «Pearl Harbor Attack», pt. 4, p. 1695.
 86. H. Feis. The Road to Pearl Harbor, p. 282.
 87. J. Grew. Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years 1904—1945. Houghton Mifflin. Boston, 1952, vol. 2, p. 1332.
 88. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 700.
 89. «Pearl Harbor Attack», pt. 20, p. 3999.
 90. R. Butow. Tojo and the coming of the War, p. 246.
 91. M. Shigemitsu. Japan and Her Destiny, p. 248.
 92. J. Grew. Turbulent Era, vol. 2, p. 1324—1330.
 93. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 645.
 94. J. Grew. Ten Years in Japan, p. 444.
 95. «Pearl Harbor Attack», pt. 20, p. 4009.
 96. «Life», October, 27, 1941, p. 34.
 97. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 176.
 98. «F. D. His Personal Letters», vol. 2, p. 1223.
 99. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 730.
 100. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1402.
 101. Там же, ч. 16, стр. 2214—2215.
 102. Там же, ч. 32, стр. 191.
 103. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. Her Majesty Stationary Office, 1962, p. 178.
 104. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared, p. 838.
 105. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1358.
 106. Там же, ч. 14, стр. 1361.
 107. Там же.
 108. Там же, ч. 20, стр. 4443.
 109. R. Wohlstetter. Pearl Harbor, Warning and Decision. Stanford University Press. Stanford, 1962, p. 165.
 110. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1065—1067.
 111. C. Togo. The Cause of Japan. N. Y., 1951, p. 126—140.
 112. «Pearl Harbor Attack», pt. 12, p. 79—82.
 113. «Hitler's Secret Conversations». N. Y., 1951, p. 117.
 114. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 736.
 115. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 809.
 116. «Pearl Harbor Attack», pt. 12, p. 130.
 117. Там же, стр. 137.
 118. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 759.
 119. «Pearl Harbor Attack», pt. 12, p. 237.
 120. R. Wohlstetter. Pearl Harbor Warning and Decision, p. 232.
 121. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 755—756.
 122. «Pearl Harbor Attack», pt. 12, p. 165.
 123. Там же, ч. 14, стр. 1106.
 124. «Что произошло в Пирл-Харборе», стр. 167. См. в указанном сборнике документов, переведенных на русский язык, извлечение из дневника Г. Стимсона за эти дни.
 125. «Pearl Harbor Attack», pt. 16, p. 2225.
 126. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 768—770.
 127. Там же, стр. 764—766.

128. Ch. Beard. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. A Study in Appearances and Realities. Yale University Press, 1954, p. 235—236, 238—240.
129. H. Feis. The Road to Pearl Harbor, p. 322—324.
130. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 893.
131. S. Bemis. A Diplomatic History of the United States. N. Y., 1950, p. 869.
132. J. Gwyer, R. Butler. Grand Strategy, p. 294.
133. W. Langer, S. Gleason. The Undeclared War, p. 843.
134. «Pearl Harbor Attack», pt. 5, p. 2089.
135. C. Togo. The Cause of Japan, p. 239.
136. «Pearl Harbor Attack», pt. 11, p. 5422.
137. F. Pogue. The Pearl Harbor Blunders. «Look», December 14, 1965, p. 36.
138. Удовлетворительный анализ этих перипетий с «кодом ветров» сделан американским историком Д. Моргенштерном на стр. 205—222 его книги. Тем, кто оспаривает существование этой телеграммы, он предлагает ответить на следующие вопросы: «В-первых, если этот сигнал, означавший войну, не был передан 4 декабря, почему как японский, так и американский флот переменял позывные сигналы в этот день? Во-вторых, почему военно-морское министерство США отдало по радио приказ изолированным постам и гарнизонам на Тихом океане уничтожить все ненужные шифры и коды из-за опасения, что они могут быть прямо захвачены Японией? В-третьих, почему эксперт флота по делам разведки на Дальнем Востоке был так серьезно встревожен 4 декабря, что он немедленно подготовил ясное предупреждение о войне для передачи командующим на Тихом океане? (не отослано по указанию сверху.— Н. Я.). Невозможно поверить, чтобы такие важные меры в различных направлениях были бы приняты без мотивировки. Телеграмма с «кодом ветров» и была мотивом» (G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 210).
139. S. Morison. The Two Ocean War. Boston, 1963. p. 76.
140. «The Yoshida Memoirs». Houghton Mifflin Company. Boston, 1962, p. 18.
141. R. Butow. Tojo and the coming of the War, p. 361.
142. R. Ward. The Inside Story of the Pearl Harbor Plan. «U. S. Naval Institute Proceedings», December, 1961, p. 1279.
143. Joseph Keenan meets the press. «American Mercury», April, 1950, p. 460.
144. «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. 1, p. 866.
145. «Ciano's Diplomatic Papers». London, 1948, p. 465.
146. R. Wohlstetter. Pearl Harbor, Warning and Decision, p. 202, 271.
147. «Pearl Harbor Attack», pt. 14, p. 1371, 1374.
148. «Foreign Relations of the United States: Japan 1931—1941», vol. 2, p. 784—786.
149. Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс, т. I, стр. 661—662.
150. «Что произошло в Пирл-Харборе», стр. 267—268.
151. Там же, стр. 190.
152. C. Hull, Memoirs., vol. 2, p. 1097.
153. Ch. Beard. President Roosevelt and Coming of the War, p. 212—213.

Как это объясняют в США

1. «The New York Times», December 7, 1941.
2. Ch. Beard. President Roosevelt and the Coming..., p. 211.
3. «The New York Times», December 16, 1942.
4. G. Morgenstern. Pearl Harbor. The story of the Secret War. N. Y., 1957, p. 42—43.
5. Ch. Beard. President Roosevelt and the Coming..., p. 216—221.
6. «Admiral Kimmel's Story», p. 172.
7. «Congressional Record», August 21, 1944, p. A3958.
8. «The New York Times», December 2, 1944.
9. Ch. Beard. President Roosevelt and the Coming..., p. 304—305.
10. Там же, стр. 573.
11. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 199.
12. «Admiral Kimmel's Story», p. 165.
13. «Pearl Harbor Attack», pt. 8, p. 3608—3610.
14. R. Wohlstetter. Pearl Harbor..., p. 220.
15. Ch. Beard. President Roosevelt and the Coming..., 1941, p. 337—361.
16. F. Pogue. Pearl Harbor Blunders. 24 years after. First publication of the official George C. Marshall Story. «Look», December 14, 1965.
17. «The Puzzle of Pearl Harbor». Ed. by P. Burtness and W. Ober, Row, Peterson and Co. N. Y., 1962, p. 235—236.
18. Ch. Beard. American Foreign Policy in the Making. 1932—1940. New Heaven, 1946; President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Heaven, 1948.
19. C. Tansill. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago, 1952; F. Sanborn. Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941. N. Y., 1951; G. Morgenstern. Pearl Harbor, The Story of the Secret War. N. Y., 1947.
20. R. Tugwell. The Democratic Roosevelt. N. Y., 1957, p. 483—484.
21. «Perpetual War for Perpetual Peace». Ed. by H. Barnes. Caldwell Idaho, 1953.
22. G. Morgenstern. Pearl Harbor, p. 116.
23. L. Sears. Historical Revisionism following two World Wars. «Issues and Conflicts. Studies in Twentieth Century Diplomacy», University of Kansas Press. 1959, p. 144—145.
24. O. Morgenstern. The Question of National Defence. Vintage Book, N. Y., 1961, p. 233.
25. «Memoirs by Harry S. Truman. Years of Trial and Hope», Signet Book. N. Y., 1965, vol. 2, p. 63, 74.
26. F. Wolstetter. Pearl Harbor, Warning and Decision, pp. 3, 387, 399, 401.

Послесловие

1. «Prelude to Infamy. Official Report on the Final Phase of U. S.—Japanese Relations, October 17 to December 7. 1941», N. Y., 1943, p. 48.
2. «Reminiscences». General of the Army Douglas Macarthur. McGraw-Hill Book Company. N. Y., 1964, p. 318.
3. «Внешняя политика Советского Союза. 1949». М., 1953, стр. 631.
4. «U. S. Naval Institute Proceedings», December, 1960, p. 36.
5. «За рубежом», 12 мая 1962 г., стр. 31.
6. «U. S. News and World Reports», December 11, 1961, p. 60, 64.
7. L. Morton. The War in the Pacific. Strategy and Command: the First two Years. Washington, 1962, p. 125—126.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Как это произошло	5
Почему это произошло	66
Как это объясняют в США	162
Послесловие	180
Примечания	184

Николай Николаевич Яковлев

Загадка Пирл-Харбора
Издание 2-ое, дополненное

*Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор *Е. И. Володина*
Художник *И. П. Борисов*
Техн. ред. *И. А. Макоглова*
Корректор *В. Г. Петрова*

Сдано в набор 30/1 1967 г. Подписано
к печати 7/VI 1967 г. Формат 84×108^{1/32}
Усл. п. л. 10.08. Уч.-изд. л. 10,4. Бумага № 2
Тираж 50 000 экз. Т-08633. Тип зак. 2227. Изд. № 166
Цена 30 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»